

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
РОССИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ НАУЧНЫЙ ФОНД

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЕДИНСТВА РОССИЙСКОЙ НАЦИИ

**МАТЕРИАЛЫ К МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ-ДИАЛОГУ
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ ЕДИНСТВА
РОССИЙСКОЙ НАЦИИ
(ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ,
ЭТНО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ
И ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)».**

Пермь. 10–11 ноября 2016 г.

Пермь
2016

УДК 323.2.
ББК 66.3 (4.Рос).5
П78

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ
в рамках научного проекта № 16–13–59501.*

Ответственный редактор: М. Г. Писманик.

Редколлегия: Л. И. Дробышева-Разумовская, М. В. Балева, Д. В. Горюнов,
А. А. Лисенкова.

П78 Проблемы гражданского единства российской нации: Материалы к Межрегиональной научно-практической конференции-диалогу «Актуальные проблемы укрепления единства российской нации (философско-культурологические, этно-конфессиональные и психолого-педагогические аспекты)». Пермь. 10–11 ноября 2016 г. / отв. ред. М. Г. Писманик; Пермский государственный институт культуры. – Пермь, 2016. – 252 с.

ISBN 978–5–91201–226–6

В сборнике представлены материалы к предстоящей 10–11 ноября 2016 г. в Перми Межрегиональной научно-практической конференции-диалогу «Актуальные проблемы укрепления единства российской нации (философско-культурологические, этно-конфессиональные и психолого-педагогические аспекты)». Авторы представленных материалов – более сорока исследователей из различных российских регионов: философы, культурологи, искусствоведы, социологи, этнологи, педагоги, психологи, правоведы, религиоведы и теологи. Сборник включает четыре раздела: «Теоретические и практические аспекты реализации гражданского единства»; «Культурные и этнические аспекты гражданского единства»; «Психолого-педагогические аспекты гражданского единства», «Социально-нравственные и религиозные аспекты гражданского единства». Материалы сборника представляют интерес не только для ученых-гуманитариев, но и для организаторов и активистов осуществления Федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этно-культурное развитие народов России (2014–2020 годы)».

Взгляды авторов, представленных в сборнике материалов, могут не совпадать с позицией редакционной коллегии.

УДК 323.2.
ББК 66.3 (4.Рос).5

ISBN 978–5–91201–226–6

© Пермский государственный
институт культуры, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Дробышева-Разумовская Л. И.
Drobysheva-Razumovskaya L. I.

ВВЕДЕНИЕ К СБОРНИКУ «ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЕДИНСТВА
РОССИЙСКОЙ НАЦИИ»

INTRODUCTION TO THE COLLECTOR «PROBLEMS OF THE CIVIL UNITY
OF RUSSIAN NATION» 9

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ЕДИНСТВА

Арпентьева М. Р.
Arpenteva M. R.

НЕПРИЗНАННЫЕ РЕСПУБЛИКИ: ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО
ЕДИНЕНИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

UNACKNOWLEDGED REPUBLICS: PROBLEMS OF NATIONAL UNITY
AND INTERNATIONAL RELATIONS 17

Дементьев Б. П.
Dementiev B. P.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И КОНКРЕТНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЯН

THEORETICAL AND CONCRETELY-PRACTICAL ASPECTS
OF CIVIL IDENTITY OF RUSSIANS 22

Коваль Е. А.
Koval E. A.

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКОГО ЕДИНЕНИЯ В «ХОРОШЕМ ОБЩЕСТВЕ»

FEATURES OF CIVIL UNITY IN THE «GOOD SOCIETY» 27

Лобанов С. Д.
Lobanov S. D.

«ORDO AMORIS» МАКСА ШЕЛЕРА И КАТЕГОРИИ ПОРЯДКА

«ORDO AMORIS» MAX SCHELER AND CATEGORY ORDER 32

Любимова Т. Б.
Lyubitova T. B.

РАЗЛИЧИЕ ПОДХОДОВ К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ
В УЧЕНИИ О ЕДИНОЙ ДУХОВНОЙ ТРАДИЦИИ И В СОВРЕМЕННОЙ
СОЦИОЛОГИИ

THE DIFFERENCES OF APPROACH TO THE PROBLEM OF SOCIAL
INTEGRATION IN THE TEACHING OF THE UNIVERSAL SPIRITUAL TRADITION
AND IN THE CONTEMPORARY SOCIOLOGY 38

Молодов О. Б.

Molodov O. B.

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ПРЕДПОСЫЛКА СОЦИАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

IDENTITY AS A PREREQUISITE OF SOCIAL COHESION:

REGIONAL DIMENSION 45

Писманик М. Г.

Pismanik M. G.

К ПОНЯТИЮ ГРАЖДАНСКОГО ЕДИНСТВА

TO THE CONCEPT OF CIVIL UNITY 51

Пронькина В. А.

Pronkina V. A.

ЯЗЫК ВРАЖДЫ И РИТОРИКА НЕНАВИСТИ В «ХОРОШЕМ ОБЩЕСТВЕ»

HATE SPEECH AND HATE RHETORIC IN THE «GOOD SOCIETY» 62

Силантьева М. В.

Silantieva M. V.

КОНСТРУКТИВНЫЕ И ДЕСТРУКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ГРАЖДАНСКОГО
ЕДИНСТВА

CONSTRUCTIVE AND DESTRUCTIVE FACTORS OF CIVIL UNITY 66

Степанова И. Н.

Stepanova I. N.

РАСКОЛ КАК ФОРМА РАСШАТЫВАНИЯ ЕДИНСТВА РОССИЙСКОЙ НАЦИИ

SPLIT AS A FORM OF LOOSENING RUSSIAN NATION UNITY 74

Стерледев Р. К., Стерледева Т. Д.

Sterledev R. K., Sterledeva T. D.

ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА РОССИЙСКОЙ НАЦИИ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД)

THE PROBLEM OF UNITY OF RUSSIAN NATION (THEORETICAL APPROACH) 79

Суслов М. Г.

Suslov M. G.

СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ ДЛЯ ЕДИНСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

CONTEMPORARY THREATS FOR UNITY OF RUSSIAN FEDERATION 82

КУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГРАЖДАНСКОГО ЕДИНСТВА

Бородина Е. А.

Borodina E. A.

СОВРЕМЕННОСТЬ ФОЛЬКЛОРА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

PRESENT OF FOLKLORE: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL

APPROACHES 88

Бредихина Н. В.

Bredikhina N. V.

ХОРОВОЕ ПЕНИЕ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ МЕХАНИЗМ ЕДИНЕНИЯ
СТРАНЫ В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЕ ВРЕМЯ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

CHORAL SINGING AS A SOCIOCULTURAL MECHANISM
OF THE COUNTRY OF UNITY IN POST-REVOLUTIONARY PERIOD
(FORMULATION OF THE PROBLEM)..... 98

Гашева Н. Н.

Gasheva N. N.

ТЕРНАРНЫЙ СИНТЕЗ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX-XX ВВ.

TERNARY SYNTHESIS IN RUSSIAN LITERATURE OF XIX-XX CENTURIES..... 100

Дюкин С. Г.

Dyukin S. G.

К ВОПРОСУ О ГАРМОНИЗАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ

ABOUT HARMONIZATION OF ETHNIC AND CULTURAL SITUATION IN RUSSIA.... 107

Куличкина Г. В.

Kulichkina G. V.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СМИ КАК ФАКТОР ПОДДЕРЖКИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ
ТРАДИЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ

REGIONAL MEDIA AS A SUPPORT FACTOR OF ETHNIC AND CULTURAL
TRADITIONS OF THE POPULATION..... 114

Кульбачевская О. В.

Kulbachevskaya O. V.

ПРОБЛЕМЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ

PROBLEMS IN INTERETHNIC RELATIONS IN MIGRATION SPHERE..... 120

Ломова А. С.

Lomova A. S.

МУЗЕЙ, КАК ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В УСЛОВИЯХ
МАНИПУЛЯТИВНОГО ОБЩЕСТВА

MUSEUM AS THE INSTITUTE OF SOCIAL MEMORY UNDER THE CONDITIONS
OF THE MANIPULATION SOCIETY 125

Носов А. В.

Nosov A. V.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ДУХОВНОЙ АССИМИЛЯЦИИ В ПАРАДИГМЕ ЯЗЫК-
ДУХОВНОСТЬ

OVERCOMING OF SPIRITUAL ASSIMILATION IN THE PARADIGM LANGUAGE-
SPIRITUALITY 132

Пащак И. В.

Paschak I. V.

ГРАЖДАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.П. ЧЕХОВА

CIVIC ASPECTS OF A. CHENOV'S ACTIVITY 135

Родионова Е.В.

Rodionova E. V.

ЭТНИЧЕСКИЙ СТАТУС РАЗЛИЧНЫХ НАРОДОВ В ПОЛИЭТНИЧНОМ
МЕГАПОЛИСЕ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

ETHNIC STATUS OF DIFFERENT PEOPLES IN THE MULTIETHNIC
METROPOLIS: THE NATIONAL SETTINGS OF THE MASS CONSCIOUSNESS
IN ST. PETERSBURG 139

Ширинкин П. С.

Shirinkin P. S.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭТНОСА И МАТЕРИНСКОГО ЛАНДШАФТА
(НА ПРИМЕРЕ ПРИКАМЬЯ)

SOME ASPECTS OF THE ETNA-ECOLOGICAL DYNAMICS OF INTERACTION
OF ETHNOS AND MATERNAL LANDSCAPE (BASED ON THE EXAMPLE OF
THE KAMA REGION) 146

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГРАЖДАНСКОГО ЕДИНСТВА

Байбородов А.Ю.

Baiborodov A. Y.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПАТРИОТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

THE EXISTENTIAL PREMISES OF PATRIOTIC CONSCIOUSNESS 157

Булатова А. А., Долинина И. Г.

Bulatova A. A., Dolinina I. G.

ЭТНОГРАЖДАНСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ СТУДЕНТОВ КАК
КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

CIVIL ETHNIC SELFCONSCIOUSNESS AS THE CONCEPTUAL COMPONENT
OF SCIENTIFIC RESEARCH 163

Глаголев В. С.

Glagolev V. S.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГРАЖДАНСКОГО ЕДИНСТВА

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF CIVIL UNITY 167

Жданова С. Ю., Печеркина А. В.

Zhdanova S.U. Pecherkina A.V.

ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОГО ОТНОШЕНИЯ
К ИНОСТРАННЫМ СТУДЕНТАМ

TECHNOLOGIES OF FORMING OF TOLERANT ATTITUDE TOWARD FOREIGN
STUDENTS OF STUDENTS AND TEACHERS

175

Кожевникова О. В.

Kozhevnikova O. V.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ВТОРОКУРСНИКОВ В УСЛОВИЯХ
РЕГИОНАЛЬНОГО ВУЗА: РАЗРАБОТКА ДИАГНОСТИЧЕСКОГО
ИНСТРУМЕНТАРИЯ

ACADEMIC ADJUSTMENT OF SECOND YEAR STUDENTS AT THE REGIONAL
UNIVERSITY: DEVELOPMENT OF THE RESEARCH TOOLS.....

184

Красноярова А.А.

Krasnoârova A. A.

ДИДАКТИЧЕСКИЙ И ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБУЧЕНИЯ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ

ANALYSIS OF DIDACTIC LECTURES AND EDUCATIONAL POTENTIAL
OF CHINESE STUDENTS PSNRU

187

Макарова Е.Н.

Makarova E. N.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АКМЕОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ПЕДАГОГОВ АЛАНИИ

THE RESULTS OF THE STUDY OF ACMEOLOGICAL DEVELOPMENT OF
TEACHERS OF NORTH OSSETIA-ALANIA

192

СОЦИАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ ГРАЖДАНСКОГО ЕДИНСТВА

Афанасенко Я. А.

Afanasenko Y. A.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ИСТИНА: ЕДИНСТВО ЭТИЧЕСКОГО
И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОГО АСПЕКТОВ

JUSTICE AND TRUTH: THE UNITY OF ETHICAL AND EPISTEMOLOGICAL
ASPECTS

198

Гаврилова В. В.

Gavrilova V. V.

О ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ, РЕЛИГИОЗНОМ ФАКТОРЕ
И ОБРАЗОВАНИИ

ABOUT PATRIOTIC EDUCATION, RELIGIOUS FACTOR AND EDUCATION.....

207

Горюнов Д. В.
Goryunov D. V.

ЭВОЛЮЦИЯ И АДАПТАЦИЯ НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПЕРМСКОМ РЕГИОНЕ EVOLUTION AND ADAPTATION OF THE NEW RELIGIOUS ORGANIZATIONS IN THE PERM REGION.....	215
--	-----

Здоровцева О. В.
Zdorovceva O. V.

РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ В ПРОБЛЕМЕ ГРАЖДАНСКОГО ЕДИНЕНИЯ РОССИЯН THE RELIGIOUS POINT IN THE PROBLEM OF CIVIL UNITY OF THE RUSSIANS.....	222
---	-----

Копылов О. В.
Kopylov O. V.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ДИАЛОГ – СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ФОРМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А. МЕНЯ TOLERANCE AND DIALOGUE AS THE SOCIO-CULTURAL PARADIGMATIC FORM IN THE VIEWS OF ALEXANDER MEN	225
--	-----

Таранченко Димитрий
Taranchenko Dimitry

МИЛОСЕРДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ MERCIFUL ACTIVITY OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH.....	230
---	-----

Сердюк А. Л.
Serdyuk A. L.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕЛИГИОЗНЫХ И ПРАВОВЫХ НОРМ (УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ) THE COMPARATIVE ANALYSIS OF RELIGIOUS RULES AND LAW (CRIMINAL ASPECT)	236
--	-----

Хафизова Н. А.
Khafizova N. A.

«ЖЕНСКОЕ» КАК ФАКТОР ЕДИНЕНИЯ «FEMALE» AS UNIFICATION FACTOR.....	238
--	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	246
----------------------------------	------------

Дробышева-Разумовская Л. И.
Drobysheva–Razumovskaya L. I.

**ВВЕДЕНИЕ К СБОРНИКУ
«ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЕДИНСТВА
РОССИЙСКОЙ НАЦИИ»**

**INTRODUCTION TO THE COLLECTOR
«PROBLEMS OF THE CIVIL UNITY OF RUSSIAN NATION»**

***Аннотация:** Введение к сборнику статей и тезисов по проблемам гражданского единства российской нации.*

***Ключевые слова:** гражданское единство, российская нация, теоретические и практические проблемы.*

***Annotation:** Introduction to the collection of articles and theses on the problems of the civil unity of Russian nation.*

***Keywords:** civil unity, Russian nation, theoretical and practical problems.*

Данный сборник статей и тезисов содержит материалы к предстоящей в Перми 10–11 ноября 2016 года очередной Межрегиональной научно-практической конференции–диалогу по проблемам укрепления единства российской нации. Замысел конференции получил поддержку со стороны Администрации губернатора Пермского края и Российского научного фонда гуманитарных исследований (грант 16–13–59501). Мероприятие организует и проводит Пермский государственный институт культуры в тесном сотрудничестве с Институтом философии и Институтом этнологии и антропологии Российской академии наук. Авторами этих материалов выступают 42 очных и заочных участника конференции из Москвы, Санкт-Петербурга, Перми, Удмуртии, Мордовии, Северной Осетии, Алтайского края, Ростова-на-Дону, Кургана, Калуги и Березников (Пермский край).

Цели предстоящего мероприятия: обмен опытом практической реализации Федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» в Пермском крае и других регионах Приволжского Федерального округа; научное осмысление актуальных организационно-практических и теоретических проблем деятельности по реализации названной Федеральной целевой программы;

разработка и предоставление очередных научно-практических рекомендаций органам власти и общественности Приволжского Федерального округа по дальнейшей оптимизации этой деятельности.

В тематике сборника основное внимание уделено одному из особо важных аспектов деятельности по укреплению единства российской нации – задаче **формирования гражданского единства россиян**. В содержании сборника выделены четыре соответствующих тематических раздела: теоретические и практические; культурные и этнические; психолого-педагогические; социально-нравственные и религиозные проблемы формирования гражданского единства россиян. Познакомим наших читателей с содержанием наиболее интересных материалов настоящего сборника.

В первом разделе сборника **«Теоретические и практические аспекты реализация гражданского единения»** особо выделим статью **М. В. Силантьевой** «Конструктивные и деструктивные факторы гражданского единства». Автор полагает, что «конструктивные элементы, позволяющие консолидировать общественный организм, связываются с институализацией гражданских инициатив, скрепленных идеей национального единства в ее реалистическом измерении». Деструктивные же факторы, разлагающие целостность общества, увязаны с его экономической нестабильностью и ростом политически оформленных негативных притязаний, «часто имеющих религиозные и националистические вывески». Общетеоретический подход к проблемам гражданского единения заметно расширяют размышления **Е. А. Коваль** в статье «Особенности гражданского единения в «хорошем обществе». В статье **Б. П. Дементьева** «Теоретические и конкретно-практические аспекты гражданской идентичности россиян» исследованы отдельные грани этой идентичности в контексте консолидации регионов и их этнокультурного многообразия. Представлены рекомендации по дальнейшему стимулированию гражданской идентичности и необходимой активизации средств массовой информации. **Суслов М. Г.** в статье «Современные угрозы для единства Российской Федерации» обстоятельно исследует комплекс внешних и внутренних рисков для осуществляемой консолидации Отечества. Автор завершает свой анализ следующей констатацией: «Лишь взвешенная, научно-обоснованная политика государственной власти может ослабить или снять угрозы раскола общества и распада Российской Федерации». Чрезвычайную угрозу для единения россиян **И. Н. Степанова** усматривает в опасности раскола культур и социальных от-

ношений. В своей статье «Раскол как форма расшатывания единства российской нации» автор полемизирует с концепцией о будто бы присущей такому расколу эволюции нашего Отечества. В статье **М. Г. Писманика** «К понятию гражданского единства» осуществлена экспликация ключевой категории «гражданское единство» и затронуты отдельные аспекты практической реализации гражданского единения в процессе демократической консолидации современного российского общества.

В разделе «**Культурные и этнические аспекты гражданского единения**» особо выделим статью культуролога **Н. Н. Гашевой** «Тернарный синтез в русской литературе XIX-XX вв.». Здесь исследуется проявление свойственной системе русской литературы XIX-XX вв. тернарного (троичного) синтеза. Фундаментальные для философии и семиологии положения автор переосмысливает в культурологическом ракурсе. Используя имеющийся опыт теоретического изучения бинарного структурирования в русской литературе, Н. Н. Гашева распространяет на культурный процесс принцип комплементарности (взаимодополнения), который автоматически снимает установку на иерархию полярных моделей. Тернарность русской литературы органически выявляет ее гуманную имманентную синтетичность через экзистенциальные интенции. Автор осуществляет методологически очень важный вывод о том, что для семиотических оснований динамических структур в текстах духовной и художественной культуры, характерен не столько **антиномический**, сколько **тернарный синтез**, который обусловлен целостной исторической и общекультурной **динамикой русской ментальности**. По нашему убеждению, этот эвристичный вывод способствует теоретическому насыщению стратегии единства российской нации. В частности, содействует более эффективному разрешению задачи купирования и преодоления сложившегося в русской ментальности живучего предрассудка о фатальной-де культурно-генетической «иерархии» отечественных этносов.

Креативные размышления о путях разрешения вышеупомянутой задачи и оптимизации межнациональных отношений в Отечестве содержатся в статье **С. Г. Дюкина** «К вопросу о гармонизации этнокультурной ситуации в России». Автор выделяет и актуализирует факторы формирования бесконфликтной этнической и религиозной среды в нашем полиэтническом и многоконфессиональном государстве. Особое внимание С. Г. Дюкин уделяет стратегическому балансированию между этнической и национальной идентичностями. Любо-

пытная в этом же контексте информация содержится в статье **Е. В. Родионовой** «Этнический статус различных народов в полиэтническом мегаполисе: национальные установки массового сознания в Санкт-Петербурге». Автор приводит данные социологического исследования по выявлению этнических установок у граждан этого мегаполиса. В их самосознании выделены три группы таких установок: народы-братья, народы-коллеги и народы-изгои. В группу народов-братьев вошли русские, белорусы, украинцы и евреи. В группу народов-коллег отнесены этносы из Северного Кавказа, Закавказья, китайцы, выходцы из среднеазиатских республик и американцы. К группе народов-изгоев была отнесена лишь одна этническая общность – цыгане. В статье **О. В. Кульбачевской** «Проблемы межнациональных отношений в сфере миграции» рассмотрены особенности миграционных процессов в современной России. Исследуются факторы, формирующие негативное отношение местного населения к мигрантам, которое зачастую переводится в этническую плоскость. Приводится аргументация о необходимости учета миграционного аспекта в государственной национальной политике, и в этом плане автором высказаны некоторые практические рекомендации.

В кратком тексте **А. В. Носова** «Преодоление духовной ассимиляции в парадигме язык-духовность» констатируется, что парадигма язык-духовность выступает в качестве отправной точки при анализе состояния современного общества, а также при выяснения причин возникновения конфликтных ситуаций и определении путей их разрешения. В рамках этой парадигмы представлены некоторые соображения об уровнях и путях преодоления духовной ассимиляции. **Г. В. Куличкина** в статье «Региональные СМИ как фактор поддержки этнокультурных традиций населения» констатирует, что местные средства массовой информации являются важным информационным ресурсом в укреплении единства народов России. Реализация этого ресурса зависит от этнологической культуры журналиста, осознания им сути стратегии и тактики государственной национальной политики, готовности внести свой личный вклад в формирование гражданской идентичности населения полиэтнического региона. В статье осуществлен обстоятельный анализ этой практики средств массовой информации в городских и сельских поселениях Пермского края за последние годы.

Весьма заметный интерес читателей вызовет, по нашему мнению, статья **П. С. Ширинкина** «Некоторые аспекты этно-экологической динамики взаимо-

действия этноса и материнского ландшафта (на примере Прикамья)». Анализ этнической истории Урала с древнейших времен и до наших дней позволяет П. С. Ширинкину высказать предположение о том, что русский этнос на территории Прикамья после семисот лет развития на данной территории, к сожалению, начинает утрачивать эффективный контроль над регионом.

В разделе относительно **психолого-педагогических аспектов гражданского единения** особо выделим статью **В. С. Глаголева** «Психологические аспекты гражданского единства». Здесь весьма обстоятельно рассмотрена проблема соотношения групповых интересов различных социальных и этнонациональных общностей, существующих в современной России. Автор исследует глубинные психологические мотивы иерархизации их трендов при гармонизации российского социума и укреплении его социальной стабильности.

В статье **А. Ю. Байбородова** «Экзистенциальные аспекты патриотического сознания» исследуются субъективные предпосылки формирования патриотического сознания. Чувство Родины, дорефлексивно переживаемое субъектом, предшествует любым формам научного и теоретического анализа. По мысли автора, глубинные основания патриотизма следует усматривать в изначальном доконцептуальном способе со-бытия субъекта со всем сущим. Экзистенциальный подход позволяет преодолеть противопоставление теоретико-дискурсивных форм рефлексии и изначального модуса со-бытия. Кроме того, экстремальный опыт субъекта может быть осмыслен как особый способ прояснения верности Родине и как возможность солидарности в борьбе за Родину. **Гаврилова В. В.** в статье «О патриотическом воспитании, религиозном факторе и образовании рассматривает проблемы патриотического воспитания в рамках современной образовательной системы. Затрагиваются вопросы религиоведческого просвещения в светской школе. В этом контексте автором внесены предложения по оптимизации системы патриотического воспитания молодежи.

Остальные тексты данного раздела сборника освещают эмпирический опыт психолого-педагогических исследований различных аспектов реализации гражданского единения в аудиториях высшего образования. В статье **Е. Н. Макаровой** «Результаты исследования акмеологического развития педагогов Аслании» очерчены стратегия, методы и технология формирования высокой компетентности и мастерства педагогов в Северной Осетии. Исследование позволяет выявить реальную продуктивность педагогической дея-

тельности, а также умение педагога управлять ростом своей профессиональной деятельности и реализовать стратегию своего личностного развития. Читателям данного сборника самоочевидна значимость акмеологического развития педагогов для успешной реализации замысла гражданского единения россиян. В этом же контексте информативен совместный краткий текст **А. А. Булатовой** и **И. Г. Долининой** «Этногражданское самосознание студентов как концептуальная основа педагогического исследования». Здесь обосновывается актуальность и научная новизна проводимого в Пермском национальном исследовательском политехническом университете психолого-педагогического исследования «Формирование культуры межэтнического взаимодействия студентов технического вуза». Очерчены концептуально-инструментальные понятия проводимого исследования: «культура межэтнического взаимодействия», «гражданское единство», «этногражданское самосознание». В этом же контексте любопытен тоже краткий, но более содержательный текст **О. В. Кожевниковой** «Академическая адаптация второкурсников в условиях регионального вуза». По материалам исследования в одном из региональных вузов Удмуртии автор характеризует особенности дальнейшей адаптации студентов второго года обучения к учебному процессу и представляет читателям диагностический инструментарий своего исследования.

В совместном тексте **С. Ю. Ждановой** и **А. В. Печеркиной** «Технологии формирования толерантного отношения к иностранным студентам» затронуты в контексте реализации Федеральной целевой программы особенно актуальные и сложные проблемы формирования толерантности. По материалам проводимого в Пермском государственном национальном исследовательском университете изучения опыта обучения иностранных студентов в статье обстоятельно описаны методологические подходы к самой социально-психологической проблеме формирования толерантности. Здесь также анализируются стратегии и технология формирования толерантного отношения к иностранным студентам, а также представлены рекомендации, направленные в адрес администрации вуза и преподавателей, работающих с иностранными студентами. По материалам этого же опыта обучения иностранных студентов в Пермском государственном национальном исследовательском университете **А. А. Красноярова** подготовила статью «Дидактический и воспитательный потенциал обучения русскому языку китайских студентов». Автор указывает на возрастающий интерес к изучению русского языка среди молодежи разных

стран. Она указывает на необходимость использования в учебной деятельности креативного комплекса воспитательных и дидактических принципов. По мнению А. А. Краснояровой, для разрешения объективных коммуникативных препятствий в процессе обучения китайских студентов русскому языку, следует разработать для них особый алгоритм погружения в языковую культуру.

Переходя к разделу «**Социально-нравственные и религиозные аспекты гражданского единства**», выделим статью **Д. В. Горюнова** «Эволюция и адаптация новых религиозных организаций в Пермском регионе». Здесь обстоятельно рассмотрена проблема эволюции и адаптации новых религиозных организаций на территории Пермского региона. Проведен анализ характерных особенностей новых религий: время их существования, роль лидеров, миссионерская деятельность и другие компоненты в контексте социальной адаптации. Выявлены определенные тенденции к изменению новых религий, которые могут способствовать их конструктивному взаимодействию с органами власти и позитивному межконфессиональному диалогу.

В кратком, но весьма насыщенном и дискуссионном тексте **О. В. Здоровцевой** «Религиозный аспект в проблеме гражданского единения россиян» содержится тезис о том, что «религиозная православная традиция воспринимается большинством россиян (особенно русских) как способ найти свою идентичность под маркой «россиянин» взамен идентичности «советский народ». Но такое положение дел, по мнению автора, «сказывается отрицательно на процессе поиска точек соприкосновения между представителями разных национальностей и культур. Идентичность – не «равно» религиозность». Ссылаясь на данные ряда социологических исследований, О. В. Здоровцева утверждает, что в действительности «Бог и религия исключены из повседневной жизни подавляющего большинства российского общества». Не отрицая потенциала общечеловеческих ценностей в религии, автор настаивает на том, что «в сложившихся условиях низкой религиозности большинства населения России этот потенциал не может реализоваться в полной мере».

В статье «Милосердная деятельность Русской Православной церкви» священника **Димитрия Таранченко**, руководителя Отдела по церковной благотворительности и социальному служению Пермской епархии РПЦ, дан краткий очерк из истории благотворительной деятельности русского православия и представлено подробное описание о направлениях обширной гуманитарной деятельности в Пермском крае этой особенно авторитетной отечественной

религиозной конфессии. В кратком тексте **А. Л. Сердюк** «Сравнительный анализ религиозных и правовых норм (уголовный аспект)» сопоставляет структуру и содержание ряда религиозных и правовых норм и констатирует о наличии в них общей охранительной функции в жизнедеятельности государства. **О. В. Копылов** в статье «Толерантность и диалог – социокультурные парадигмальные формы в творчестве А. Меня» обращается к особенно актуальным аспектам жизнедеятельности и творчества этого выдающегося подвижника российской культуры и русского православия. Автор отмечает, что в суровых условиях тоталитарного советского режима в трудах А. Меня уже присутствуют гуманитарные парадигмы диалога и толерантности.

Отдельным социально-нравственным аспектам формирования гражданского единства посвящены два текста в содержании заключительного раздела данного сборника. **Я. А. Афанасенко** в статье «Справедливость и истина: единство этического и гносеологического аспектов» исследует спаянность этих аспектов. Она констатирует, что «самонаказание за причиненную несправедливость является условием единства человека как с самим собой, так и с другими людьми, так как позволяет принимать их инаковость и ограничивать собственную агрессию». Этот социокультурный тезис органично, на наш взгляд, вписывается в этическую парадигму гражданского единства. В статье **Н. А. Хафизовой** «Женское как фактор единения» представлены гендерные жизненные стратегии как основа для возникновения ценностных предпочтений и коннотаций. Здесь также дан анализ некоторых элементов «женского мира» (архетипов и ценностных установок): архетипов Великой Матери и Вечной Женственности. Очерчены гармонии (красоты), милосердной любви (заботы). Благодаря представленному анализу, показаны сильные стороны «женской культуры» в аспекте патриотизма и гражданского единения россиян.

Таковы главные мысли, основные концепты нашего сборника, посвященного очередной научно-практической конференции по проблемам гражданского единения россиян.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ЕДИНСТВА

Арпентьева М. Р.
Arpenteva M. R.

НЕПРИЗНАННЫЕ РЕСПУБЛИКИ: ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНЕНИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

UNACKNOWLEDGED REPUBLICS: PROBLEMS OF NATIONAL UNITY AND INTERNATIONAL RELATIONS

Аннотация: Статья посвящена исследованию проблем национального единения, государственного суверенитета и международного признания непризнанных республик.

Ключевые слова: национальное единение, непризнанные республики, государственный суверенитет, элита, интересы, базовые ценности.

Annotation: Article is dedicated to the case study of national unity, national sovereignty and international acknowledgement of unacknowledged republics.

Key words: national unity, unacknowledged republics, the national sovereignty, elite, the interests, the base values.

Национальное единение – одна из сложнейших научных категорий и практических реальностей, охватывающих отношения не только внутри одного государства, но и между различными государствами – странами проживания соотечественников [Арсентьев, 2012; Сулейманов, 2016]. В современном мире подавляющее большинство стран и сообществ цивилизованного мира являются мультикультурными. Национальное единение в этом контексте выступает как сложнейший, многокомпонентный и многоуровневый феномен, затрагивающий не только международные, но и межгосударственные отношения, которые всегда были сложнейшей частью человеческих отношений и, в силу своей сложности, частью весьма неоднозначной и неустойчивой. Прозрачность и устойчивость к отношениям между странами, а также отношениям внутри стра-

ны, с точки зрения представлений национального единения (единства) и защиты соотечественников, придает соблюдение нравственных, а не только формальных и тем более «экономических» законов взаимодействия разных по этническим, религиозным, профессиональным и социально-политическим характеристикам людей. Экономические «законы», будучи положены в основы внутринациональных и межнациональных, международных отношений, уже не раз демонстрировали свою ограниченность, точнее ограниченность тех, кто сводит жизнь к экономике или политике, а экономику и политику – к «выживанию сильнейших» и наживе одних групп и людей за счет других.

Мы разделяем представления о том, что любому государству, любому народу, стремящемуся к долгой и продуктивной жизни, к развитию, нужны крепкие внутренние и внешние структуры, четкие и осмысленные отношения с другими странами и народами. Необходимы также гражданское (в том числе национальное) единство, сравнительно явные границы проживания, а также гармоничные и целесообразные для страны и мирового сообщества международные и межгосударственные отношения (интеграции в мировое сообщество). Эти отношения, будучи отношениями людей тех или иных культур, религий, экономических классов и политических ориентаций, существуют и изменяются во времени, придающем смысл развитию стран и наций, их взаимоотношениям [Грин, 2009; Гудков, 2008; Mathewes, 2007].

В исторической перспективе проблемы национального единения граждан СССР (и позднее СНГ) во многом связаны с первой и, особенно, второй мировыми войнами. Середина XX века и международные договоренности конца второй мировой войны помогли на долгое время решить вопрос границ унитарных государств и государств-федераций, более или менее стабилизировать вопросы, связанные с национальными автономиями и межнациональными взаимодействиями. Параллельно был нанесен удар по феномену колониализма и резко снизилась роль компрадорской буржуазии, зарабатывающей на противостояниях и военных конфликтах. На первый план вышло общественное, а не только индивидуальное благо, мир между народами, а не только отстаивание интересов отдельных стран и народов [Арпентьева, 2015; Иноземцев, 2007; Сафронов, 2009; Сидоров, Болик, 2014; Шкаратан, 2011]. Будучи «нейтральной» по отношению к вопросам национальной принадлежности, компрадорская буржуазия использует национальные, религиозные, политические и экономические различия между людьми в целях ослабляющего потенциальных или реальных оппонентов и жертв разобщения. Национальное и иные формы единения и объединения, способные противостоять и направ-

ленные на противостояние позиции компрадорской буржуазии, являются ее естественными антагонистами. Для нее выгодны разграбление стран, конфликты, а также связанные с ними «кредитные» и «ограничительные санкции» и меры в международных отношениях. Выгодны раздувание этнической и религиозной вражды и разобщенности, активизация новых военных столкновений и переделов мира, глобализация как распространение ценностей культуры неограниченного потребления, социальной аномии и социального каннибализма [Арпентьева, 2015; Сафронов, 2009; Сидоров, Болик, 2014].

Современный мир, ориентированный на материальное благополучие и превосходства, не считаясь с нарушением нравственных ценностей и жизни других людей, культур и сообществ, открыл дорогу возрождению компрадорской буржуазии с ее установкой на разрушение национального единства, передел мира и мировых ресурсов. На этом фоне процессы национального единения подчас модифицируются в формы защиты соотечественников и восстановления прав. Стремление к возвращению незаконно отнятых ресурсов тех или иных наций нередко выливаются в изматывающие сражения. Таковы, например, конфликты компрадорских правительств Турции и Сирии, конфликты между жителями недавних метрополий и мигрантами из этих колоний, конфликты между «белым» и «черным» населением США и Канады и пр. В результате проблемы государственного суверенитета и межгосударственного сотрудничества становятся все более сложными. Коалиции между странами делаются все более подвижными и асимметричными, а договоренности и «санкции» теряют свое не только нравственное, но и правовое обоснование и т. д. Сами же эти государства во избежание протестных движений вынуждены усиливать контроль, применение репрессий, императивное воздействия на социальные институты, права и свободы, что ведет к усилению социального неравенства, разобщенности сограждан, дискредитации ценностей, торжеству невежества [Арпентьева, 2015; Иноземцев, 2007; Катасонов, 2014; Сафронов, 2009; Шкаратан, 2011].

Обострение проблем национального согласия / несогласия и взлет идеологии компрадорства на рубеже нынешних веков обусловлен процессами развала сложившейся системы нравственных, а затем и правовых границ, за которым последовало разрушение государственных границ многих стран. Возник целый ряд «непризнанных» государств и трагедий их граждан, которым не к кому обратиться за защитой прав человека и признания равноценности культур. Россия, в том числе, стала перед выбором четких и конструктивных отношений к таким «непризнанным государствам», как Нагорно-Карабахская

Республика, Приднестровская Республика, Абхазия, Южная Осетия, ДНР и ЛНР [Николаев, 2010; Сквозников, 2011; Сулейманов, 2016; Фатенков, 2013; Brock, 2009; Brownlie, 2008; Maatsch, 2011].

Этот выбор осложнен и тем, что движение к модернизации страны и построению гражданского общества в нашем Отечестве осуществляется крайне медленно. Как пишет О. И. Шкартан, «интересы продуктивных групп российского общества (национальной буржуазии, профессионалов, квалифицированных рабочих) состоят в модернизации страны», построении современной постиндустриальной экономики и гражданского общества, предполагающего единение граждан и наций. Но это возможно лишь при поддержке такого проекта правящей элитой». Однако, по его мнению, интересы и ценности этой элиты отличны от таковых у активной части общества. «Российской элите не присуща гражданственность ... она способна решать лишь свои краткосрочные проблемы». При этом основание элиты образовано на соглашении об отказе от так необходимой стране смены экономической и социально-политической парадигмы: «С рентаориентированного поведения к поведению, направленному на инновационные преобразования в экономике» [Шкартан, 2010, с.68]. В. Л. Иноземцев отмечает: «...современная российская элита представляет собой сплоченную серую массу, которая рекрутирует новых членов по принципу ментального ... сходства с нею самой» [Иноземцев, 2007]. Пока этот принцип не будет изменен – нельзя рассчитывать на успешное решение замысла гражданского этно-национального единства россиян и на становление четкой позиции в отношении непризнанных республик.

Библиографический список

1. Арпентьева, М. Р. Социально-политические аспекты компрадорской экономики и проблемы устойчивого развития России / М. Р. Арпентьева // Устойчивое развитие: наука и практика. Международный журнал. – 2015. – № 2 (15).
2. Арсентьев, Н. М. Идея единения народов в стратегии современной национальной политики Российской Федерации / Н. М. Арсентьев // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. – 2012. – № 2.
3. Грин, Д. Возвращение в гражданское общество: Социальное обеспечение без участия государства / Д. Грин. – М.: Новое издательство, 2009.
4. Гудков, Л. Постсоветский человек и гражданское общество / Л. Гудков, Б. Дубин, Н. Зоркая. – М.: Московская школа политологических исследований, 2008.

5. Игнатенко, А. А. Интеграционные процессы на Европейском континенте / А. А. Игнатенко // Государство и право. – 2012. – № 3.
6. Иноземцев, В. Л. Природа и перспективы путинского режима/ В. Л. Иноземцев // Свободная мысль. – 2007. – №1.
7. Катасонов, В. Ю. Украина: экономика смуты или деньги на крови / В. Ю. Катасонов. – М.: Книжный мир, 2014.
8. Николаев, Д. Г. Правовые основания международно-правового признания независимости государств // Право и политика. – 2010. – № 5.
9. Сафронов, А. Компрадорская буржуазия и проблема «экономической отсталости» / А. Сафронов // Свободная мысль. – 2009. – № 12 (167).
10. Сидоров, В. А., Болик, А. В. Модернизационная парадигма: грезы компрадорской буржуазии / В. А. Сидоров, А. В. Болик // Актуальные проблемы экономической теории и практики. Сб. ст. / Под ред. В. А. Сидорова. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2014.
11. Сквозников, А. Н. Феномен непризнанных и частично признанных государств и особенности их правосубъектности / А. Н. Сквозников // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. – 2011. – № 2.
12. Сулейманов, А. Р. Идеальные основания национального единства и целостности России / А. Р. Сулейманов // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 3 (94).
13. Фатенков, А. Н. Лики и личины национальной идеи / А. Н. Фатенков // Философия хозяйства. – 2013. – № 2 (86).
14. Шкартан, О. И. Российская «псевдоэлита» и ее идентификация в мировом и национальном контекстах / О. И. Шкартан // Мир России: Социология, этнология. – 2011. – Т. 20. – № 4.
15. Brock, G. Global Justice: A Cosmopolitan Account / G. Brock. – Oxford: Oxford University Press, 2009.
16. Brownlie I. Principles of Public International Law / I. Brownlie. – Oxford: Oxford University Press, 2008.
17. Maatsch, A. Ethnic Citizenship Regimes: Europeanization, Post-War Migration and Redressing Past Wrongs / A. Maatsch. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011.
18. Mathewes, Ch. A Theology of Public Life / Ch. Mathewes. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Дементьев Б. П.
Dementiev B. P.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И КОНКРЕТНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЯН THEORETICAL AND CONCRETELY-PRACTICAL ASPECTS OF CIVIL IDENTITY OF RUSSIANS

Аннотация: В статье рассматриваются различные аспекты как теоретического, так и конкретно-практического плана гражданского единения россиян. Исследуются контекст гражданской идентификации, консолидация регионов, этнокультурное многообразие, роль гражданского общества и средств массовой информации. Даются практические рекомендации по теме исследования.

Ключевые слова: гражданство, единение, россияне, многообразие, рекомендации.

Annotation: Different aspects are considered in article as theoretical, so and concretely-practical plan civil consolidation of the Russian citizens. They are investigated: the context of civil identification, the consolidation of regions, ethnic and cultural variety, the role of the civic community and media. The practical recommendations are given on subject of the study.

Key words: the citizenship, association of the Russian citizens, variety, recommendations.

Гражданское единство общества достигается только самодостаточными гражданами и самодостаточными народами. Гражданами, которые чувствуют, что они социально защищены обществом и государством («социальное государство»). Народами, которые сохраняют свою национальную самобытность, «этническую индивидуальность». Россия на протяжении всей своей истории органично сочетала национальную самобытность и историческую общность народов.

Действительно, гражданская устойчивость, единение предполагают и державно-государственную однородность и этническое многообразие. Единение имело и такое своеобразие как сохранение достоинства, традиций, культур различных этносов. Эта золотая идея России (не «плавильный тигель», не абсорбирование «иных», а духовное и политическое, общественное и гражданское сплочение при сохранении культурной самобытности, национального своеобразия) особенно актуальна в настоящее время, когда Европе захлестывают миграционные потоки, а межнациональные и межконфессиональные конфликты перерастают в настоящие войны.

Несомненно, что в гражданском единении россиян особая роль принадлежит русскому народу и русскому языку. Русские исторически стали государствообразующей нацией, создавшие гармонично функционирующее многонациональное государство. И то, что народы и граждане существуют, не теряя культурного, этнического своеобразия говорит о том, что такого существования, гражданского единения невозможно было бы достигнуть, опираясь на насилие. И в этом тоже уникальность исторического опыта России [Тангалычев К. Единение с большой буквы. URL: <http://evrazia.org/article/1963>].

Проблемами укрепления единения и развития гражданской идентичности россиян озаботились и на федеральном уровне. Об этом свидетельствуют материалы Федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)». Цели и задачи этого важнейшего правительственного проекта – «укрепление единства многонационального народа Российской Федерации (русской нации); содействие укреплению гражданского единства и гармонизации межнациональных отношений; содействие этнокультурному многообразию народов России». Программа обеспечивает координацию государственной национальной политики, выработку региональных стратегий этнокультурного развития, поддержку толерантного диалога между органами государственной власти и общественными национальными и религиозными объединениями.

Одна из особенно важных задач общественной жизни современной России – развитие гражданской идентичности россиян. В разрешении этой задачи чрезвычайно важную роль играют Интернет, средства массовой информации, система образования. А также проведение массовых специализированных мероприятий в масштабах России. Кроме того, средства на реализацию Федеральной целевой Программы должны быть использованы по линии «этнокультурного и социально-экономического развития народов», на строительство «домов национальностей» и «домов дружбы». На единение россиян потратят 5 лет и миллиард долларов. [URL: <http://m.russia-on.ru/16108>].

По данным различных социологических опросов, россияне относятся к СМИ как к основному источнику политической и социальной информации и в то же время многие относятся с недоверием к ним. Воздействие СМИ на гражданскую идентичность россиян нельзя оценить однозначно из-за транслирования значительных объемов негативной информации в средствах массовой информации, что отрицательно воздействует как на отдельных людей, так и

на общество в целом. В силу этого, главной стратегической задачей влияния СМИ должно стать обеспечение политической социализации, четко ориентировать на гражданское достоинство, на целостность и единство российского общества. Важным вкладом в этом плане является осуществление проектов, которые должны обеспечивать информированность россиян об особенностях национальных культур России (мультипликация «Гора самоцветов», созданного по заказу Совета Федерации и Федерального агентства по кинематографии), истории общества и государства, политических и правовых норм, а также норм гражданской активности – рейтинговые передачи: «К барьеру», «Поединок», «Воскресный вечер», «Глас народа» и другие.

Роль политических партий, элит, избирательных компаний, выборов оценивается россиянами неоднозначно. С одной стороны, непосредственность участия в политических процессах способствует гражданскому самосознанию, повышению компетентности граждан. С другой стороны, невысокий рейтинг партий, политиков (исключение – Президент), мнение «от меня ничего не зависит» тормозит процесс гражданской идентичности. Тем более что значительная часть политической активности партий и их лидеров направлена не на действительное просвещение граждан, не на нахождение «точек соприкосновения», гражданского единения, а скорее разъединения соотечественников.

Как сами россияне воспринимают термин «гражданин»? На первом месте (по популярности ответов) – формальная принадлежность к государству, на втором и третьем месте – «долг», «обязанности», «национальное достоинство». Есть и тревожные тенденции. 27% респондентов считают, что окружающие стали агрессивнее, а 22% – циничнее. Что мораль, нравственность подвергаются эрозии. «Несовременными», «непопулярными» становятся честность, бескорыстие, искренность. Причем, старшее и молодое поколение диаметрально противоположно характеризуют соотечественников. Молодежь склонна считать окружающих как более агрессивными и циничными, так и более инициативными. Старшее же поколение отмечает такие характерные черты россиян, как доброжелательность, трудолюбие, взаимовыручку.

Как соотносятся этническая и гражданская идентификация россиян? По опросам ВЦИОМ, 64% респондентов отождествляют себя как с этнической (национальной) группой, так и с гражданством России; 13% отождествляют себя прежде всего с национальностью, 15% – с гражданством России.

Необходимо подчеркнуть важность укрепления гражданского самосознания для стабильности общества и государства, развития политических институтов. Какие проблемы в настоящее время затрудняют процессы идентичности, гражданского самосознания россиян? Это, прежде всего, недоверие к властным политическим институтам, невысокий уровень правовой и политической культуры граждан, неверие в собственные силы и результат своего участия [Конода И. В. Политическая социализация в современном российском обществе. 2007. С. 32–34].

Единение россиян невозможно без ценностей патриотизма и преемственности. Преемственность необходима для памяти общества, уважения к предшественникам, к старшему поколению. Духовную, культурную преемственность поколений обеспечат народные традиции, народная культура. Патриотизм (как любовь к Отечеству, уважение и толерантность к «чужим») – это основа для единства, для развития и модернизации.

Показателем уровня гражданской идентичности является отношение граждан к политическим и общественным институтам власти. Доверие к Президенту России: 2001 г. – 65%, 2010 г. – 78%, 2014 г. – 84%. Уровень доверия к Федеральному Собранию (как к Государственной Думе, так и к Совету Федерации) колебался, но в последнее время доверия было больше, чем недоверия. Меньше доверяют полиции, судам, профсоюзам, больше – армии и церкви.

Неоднозначная оценка дается региональной идентичности, ее дезинтегрирующей или интегрирующей роли для консолидации гражданственности. В 90-е годы в России региональная идентичность преобладала над федеральной. В 2012 г. 90% респондентов отождествляли себя как жителями Татарстана, Башкортостана, Саха (Якутии), так и гражданами России. Различия прослеживались в акцентировке связей. Так, в Татарстане более тесную связь с республикой ощущали 62% татар и 56% русских. А более сильную связь с Россией ощущали 59% татар и 57% русских. То есть практически было тождество. А вот в Саха (Якутии) более значительную связь с республикой ощущали 64% якутов и 36% русских, а с Россией – 49% якутов и 52% русских.

Основополагающим для гражданской идентичности является патриотизм. Причем социологические опросы свидетельствуют, что патриотизм определяют не только как «любовь к стране», но и «желание улучшить жизнь в стране», «гордость за свою страну», «необходимость борьбы с коррупцией» (от 92 до 97% респондентов). Значительный подъем патриотизма произошел после

Олимпийских игр в Сочи и возвращения Крыма [Тишков В. А. Российский народ. История и смысл национального самосознания. 2013].

В итоге. На что должны быть нацелены комплексные усилия по развитию процесса гражданского единения россиян:

- 1) прогнозирование социальных, межнациональных и межрелигиозных конфликтов, конфликтных ситуаций;
- 2) снижение прямого и косвенного экономического ущерба от социальной, межнациональной и межконфессиональной напряженности и конфликтов;
- 3) улучшение инвестиционной привлекательности регионов;
- 4) субъекты Российской Федерации должны осуществлять реализацию региональных целевых программ, направленных на укрепление гражданского единства и гармонизацию межнациональных отношений;
- 5) рост эффективности использования этнокультурного потенциала страны;
- 6) улучшение этнокультурного и социального самочувствия всех народов России.

Библиографический список

1. Арзуманов, И. А. Религиозно-культурные и философско-правовые аспекты формирования гражданского единения россиян / И. А. Арзуманов // Ученые записки ЗабГУ. – 2014. – № 4(57).
2. Конода, И. В. Политическая социализация в современном российском обществе / И. В. Конода // Власть. – 2007. – № 4.
3. Тишков, В. А. Российский народ. История и смысл национального самосознания / В. А. Тишков. – Москва: Наука, 2013. – 649 с.
4. На единение россиян потратят 5 лет миллиард долларов [Электронный ресурс] // Россия онлайн. – 2012. – 9 февраля. – Режим доступа: <http://m.russia-on.ru/16108>.
5. Тангалычев К. Единение с большой буквы [Электронный ресурс] / К. Тангалычев // Евразия: информационно-аналитический портал. – 2012. – 20 апреля. – Режим доступа: <http://evrazia.org/article/1963>.

Коваль Е. А.

Koval E. A.

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКОГО ЕДИНЕНИЯ

В «ХОРОШЕМ ОБЩЕСТВЕ»¹

FEATURES OF CIVIL UNITY IN THE «GOOD SOCIETY»

Аннотация: *Статья посвящена описанию результатов сравнительного анализа проблематики гражданского единения в двух вариантах социального воображаемого: «хорошее общество» и гражданское общество. Если в гражданском обществе единение основывается на ценностно-нормативном плюрализме, то в «хорошем обществе», напротив, требуется определенная степень единодушия граждан по ключевым ценностно-нормативным вопросам.*

Ключевые слова: *«хорошее общество», гражданское общество, гражданское единение, социальная нормативность, общественное воспроизводство.*

Annotation: *The article describes the results of a comparative analysis of problem of civil union in the two versions of social imaginaries: «good society» and civil society. The civil union based on the unity of values and normative pluralism in a civil society. In the «good society», in contrast, requires a certain degree of consensus of citizens on important values and normative issues.*

Key words: *«Good society», civil society, civil unity, social normativity, social reproduction.*

Гражданское единение можно определить как социальное явление, суть которого заключается в том, что граждане ожидают друг от друга определенного нормосообразного поведения и в достаточной степени демонстрируют его. Если отсутствует один из названных элементов, гражданского единения невозможно достичь. Так, например, если степень социального недоверия настолько высока, что граждане не формируют позитивных социальных ожиданий, не ждут от окружающих нормального поведения, хотя сами в большинстве своем его придерживаются, гражданского единения не будет. При формальном сохранении жизненно необходимого уровня социального порядка в таком обществе практически невозможны гражданские инициативы, практики, эффективные только при достижении кумулятивного эффекта (например, практика «малых дел»), объединение усилий для решения общих проблем. Обратная ситуация, когда большинство граждан ожидают от других нормативного поведения, формально поддерживают определенные ценности и практики, но сами их не реализуют, также не способствует единению. Например,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ в рамках научного проекта № 15-03-00414.

общепризнанно понимание коррупции как негативного явления. Антикоррупционное поведение является ценностью, но при этом, к сожалению, мы должны констатировать факт наличия толерантности к минимальному уровню коррупции в российском обществе. Это препятствует объединению граждан для решения проблемы коррупции. Возникает своеобразное социальное отчаяние, формируется убежденность в том, что коррупция – это зло, которое невозможно искоренить, следовательно, любые усилия тщетны.

Таким образом, существенное влияние на формирование гражданского единения оказывают представления человека об обществе, о своем месте в нем, о социальных нормах и практиках. Ч. Тейлор определяет такие представления как «социальное воображаемое». Он пишет: «В любой конкретный момент времени наше социальное воображаемое представляет собой сложную систему. В нее инкорпорированы типовые ожидания, которые мы возлагаем друг на друга, – своего рода общепринятое понимание вещей, позволяющее реализовать коллективные практики, из которых состоит наша социальная жизнь. Сюда включено также некое чувство взаимного приноравливания, притирания друг к другу в совместных практиках» [Тейлор, 2010]. Тейлор также обращает внимание на то, что социальное воображаемое обладает такой характеристикой, как достижимость, в силу чего воздействует на содержание практик.

В данной статье предлагается анализ проблемы гражданского единения в таких формах социального воображаемого, как «хорошее общество» и гражданское общество.

Гражданское общество является дискуссионным понятием. Как правило, гражданское общество определяют не как совокупность конкретных характеристик общества в целом, а как сферу общественной жизни, свободную от государственного административно-властного вмешательства, характеризующуюся проявлением гражданских инициатив, направленных на решение социальных проблем, создание условий для развития личности и т. п.

Гражданское общество является достижимым, а также обладает такой атрибутивной характеристикой, как нормативная нейтральность. Нормативная нейтральность – это принцип сосуществования представителей социальных общностей, образованных на основе разных ценностей, в рамках более крупной общности. Гражданское общество включает в себя представителей различных рас, национальностей, вероисповеданий, убеждений. При этом гражданское единение в гражданском обществе в любом случае должно строиться на общности базовой ценности или совокупности ценностей. Так, в западных обществах такими ценностями выступают толерантность, патриотизм, права

человека. Индивиды или общности, не согласные с базовыми ценностями, оказываются в ситуации давления со стороны объединенного большинства. Однако следует отметить, что базовые ценности или совокупность ценностей в гражданском обществе имеют высокую степень абстрактности, лабильны, подвергаются различным интерпретациям. Ценностно-нормативное поле, в контексте которого воспроизводится гражданское общество, способно расширяться и модифицироваться в короткие с исторической точки зрения промежутки времени.

Можно предположить, что, парадоксальным образом, ни степень социальной нормативности, ни степень гражданского единения в гражданском обществе не будет самой высокой. Когда существует плюрализм социальных ценностей и социальных добродетелей, крайне сложно объединить людей вокруг какой-либо нравственной идеи. Об этом писал Ф. М. Достоевский, полемизируя с либеральным мыслителем А. Д. Градовским: «Чем соедините вы людей для достижения ваших гражданских целей, если нет у вас основы в первоначальной великой идее нравственной? А нравственные идеи только одни: все основаны на идее личного абсолютного самосовершенствования впереди, в идеале, ибо оно несет в себе все, все стремления, все жажды, а, стало быть, из него же исходят и все ваши гражданские идеалы. Попробуйте-ка соединить людей в гражданское общество с одной только целью «спасти животишки»? Ничего не получите, кроме нравственной формулы: «Chacun pour soi et Dieu pour tous» («каждый за себя, один Бог за всех». – Е. К.). С такой формулой никакое гражданское учреждение долго не проживет...» [Достоевский, 2011, с. 470].

Гражданское единение в гражданском обществе возможно, главным образом, ради защиты интересов социальных общностей от государства как политического образования. Ради этого могут объединяться представители разных национальных, конфессиональных, гендерных общностей. Ради охраны слабого социального порядка, возможен консенсус между людьми, придерживающимися в частной и частно-публичной сферах различных, иногда принципиально не совместимых друг с другом ценностей.

«Хорошее общество», как и гражданское, достижимо, но оно не является нормативно нейтральным. В «хорошем обществе» утверждаются и последовательно воспроизводятся определенные концепции общественного блага, поддерживаются конкретные социальные практики. «Хорошее общество» – это форма, которая может быть наполнена разным ценностно-нормативным содержанием.

Так, либеральная модель «хорошего общества» в версии Дж. Гэлбрейта основана на следующих тезисах: персональная свобода, базовое материаль-

ное благосостояние, расовое и этническое равенство, возможность прожить стоящую жизнь для всех граждан [Galbraith, 1997]. Коммунитаристские представления о «хорошем обществе» подробно представлены в работах А. Этциони. Его концепция строится на равновесии социального порядка и индивидуальной автономии, которое достигается в процессе осуществления морального диалога (мегалого), в котором участвуют все члены общества [Etzioni, 2002, p. 89]. Отечественная модель «хорошего общества» представлена в работах В. Г. Федотовой. В основе этой модели лежат кумулятивные представления о социально хорошем, концентрация лучших черт различных обществ. Это характеристики общества «...как минимум, сохраняющего жизнь, дающего безопасность и возможности развития...» [«Хорошее общество»: Социальное конструирование приемлемого для жизни общества, 2003, с. 97]. Для того чтобы выработать объективные общие представления о социально хорошем, необходимо сначала сформировать «хорошего» человека [«Хорошее общество»: Социальное конструирование приемлемого для жизни общества, 2003, с. 142]. В современной России в ранг ценностей возведены адаптационные феномены стабильности, безопасности и эффективности, однако они не могут лежать в основе «хорошего общества» без ценности более высокого порядка – развития [Федотова, 2005, с. 150–151].

Гражданское единение в «хорошем обществе» возможно на основе нравственной фундаментальной идеи, на которой строятся представления о «социально хорошем», которая лимитирует социальные добродетели и практики, одобряемые большинством. Цели гражданского единения в «хорошем обществе» отличаются от таковых в обществе гражданском. В «хорошем обществе» люди объединяются для охраны и обеспечения условия расширенного воспроизводства социальной нормативности, адекватной их представлениям о социальном благе. Они не защищаются от государства, если государство не посягает на ценностно-нормативное пространство, в котором функционирует «хорошее общество». Таким образом, представляется вполне достижимым «хорошее общество», которое существует в рамках государственной моноидеологии. Однако такая идеология, во-первых, должна быть основана на ценностно-нормативных и культурных кодах конкретного народа; во-вторых, должна представлять ценность для большинства. Возникает справедливый вопрос: как может быть «хорошим» общество, в котором группы меньшинств, объединенных на основе ценностей, альтернативных «хорошим», лишены возможностей полноценного включения в ценностно-нормативный диалог, т. е. не могут быть полноправными субъектами гражданского единения? В са-

мом деле, одним из существенных недостатков моноидеологии является, так или иначе, подавление несогласных. Реалистичным вариантом решения данной проблемы представляется реализация идеи Дж. Ролза о перекрестном консенсусе. Нахождение точек соприкосновения, которые обязательно существуют, как минимум, в силу общности потребностей, позволяет гражданам объединяться для решения общих проблем. Обязательным условием достижения перекрестного консенсуса является недопущение споров о базовых ценностях участников дискурса.

Итак, если в гражданском обществе гражданское единение затруднено из-за погруженности граждан в условия нормативно-ценностного плюрализма, то в «хорошем обществе», как альтернативном варианте социального воображаемого, степень единения, обусловленная единомыслием относительного социальных благ и добродетелей, высока. Однако без достижения перекрестного консенсуса в «хорошем обществе» лишаются возможности полноценного участия в совместных гражданских инициативах группы меньшинств, объединенные на основе ценностей, противоречащих ценностям «хорошего общества». Оба варианта социального воображаемого достижимы, оба равноценны и имеют право на существование. Однако, на мой взгляд, если для западных обществ в большей степени характерен вариант гражданского общества, то в современной России представляется перспективным поддержание социальных норм и ценностей, обеспечивающих воспроизводство «хорошего общества».

Библиографический список

1. Достоевский, Ф. М. Дневник писателя. В 2 т. Т. 2 / Ф. М. Достоевский // коммент. А. Батюто, А. Березкина, В. Ветловской, Е. Кийко, Г. Степановой, В. Туниманова. – М.: Книжный Клуб 36.6, 2011. – 752 с.
2. Тейлор, Ч. Что такое социальное воображаемое? [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 1 (69). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/69/te3.html> (дата обращения: 23.05.2016).
3. Федотова, В. Г. Хорошее общество / В. Г. Федотова. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 544 с.
4. «Хорошее общество»: Социальное конструирование приемлемого для жизни общества / отв. ред. В. Г. Федотова. – М.: ИФ РАН, 2003. – 182 с.
5. Etzioni, A. The Good Society / A. Etzioni // Seattle Journal of Social Justice. – 2002. – Vol. 1. – Issue 1. – P. 83–96.
6. Galbraith, J. K. The Good Society: The Humane Agenda / J. K. Galbraith. – Boston, New York: Houghton Mifflin Harcourt, 1997. – 160 p.

Лобанов С. Д.
Lobanov S. D.

«ORDO AMORIS» МАКСА ШЕЛЛЕРА И КАТЕГОРИИ ПОРЯДКА¹

«ORDO AMORIS» MAX SCHELER AND CATEGORY ORDER

Аннотация: В статье рассматривается тема *ordo amoris*, сформулированная Шеллером. Раскрывается связь с представлением Августина Блаженного о порядке, становлением математической, универсальной науки о мере и порядке. Предлагается толкование концепции Шеллера, соединяющее в себе нормативное и фактическое (дескриптивное) значение *ordo amoris*: мир должен быть достоин человека. Ключом к такому толкованию предполагается значение порядка в виде степени.

Ключевые слова: *ordo amoris*, мир, порядок, степень, внутренний закон, достоинство, величина, номады.

Annotation: The article deals with the theme of *ordo amoris*, formulated Scheller. Reveals the connection with the presentation of the blessed Augustine on the order, the creation of mathematics a universal science of measure and order. Offers an interpretation of Scheller' concept that combines the normative and the actual (descriptive) value *ordo amoris*: the world needs to be a decent person. The key to this interpretation relies on the value of order in the form of a degree.

Key words: *ordo amoris*, peace, order, degree, domestic law, dignity, value, nomads.

«Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет». Можно утверждать, что эти легендарные слова из «Повести временных лет» через течение времени образовали смысловое русло истории России. Эти слова могут стать основой постановки вопроса о *порядке России*.

¹ По вопросу о значении (применении) категорий в современной философии здесь не проводится различия между традиционной точкой зрения и ее пересмотрами, например точкой зрения *концептуальных категорий* (основанной на понятии прототипов). Предполагается, что последние имеют не столько объективный, сколько реальный характер, определяемый когнитивными способностями людей: «Человеческие концептуальные категории имеют признаки, которые, по крайней мере частично, детерминированы физической, телесной природой людей, осуществляющих категоризацию, а не исключительно признаками членов категории» [Лакофф Дж. 2011, с.481]. В этом подходе чисто логической природе категорий классической философии противопоставляется связь мышления с телом: «Согласно новому взгляду, мышление имеет телесную основу» (там же, с.9).

Дело в том, что категории всегда связаны с утверждением – того ли, что идет с *Агоры*, или того, что дают *цвета*, *эмоции*, а также *balan*, слово из языка австралийских аборигенов дьирбал, обозначающее категорию, которая «действительно включает женщин, огонь и опасные вещи» (там же, 19).

Мышление – это способность *различать*, а это предполагает умение проводить и утверждать отчетливые границы явлений и переходы между ними. Это относится и к вопросу о *порядке*. Более того, само выражение «*категория порядка*» можно рассматривать в качестве или тавтологии, или рефлексивного определения, если учесть, что сам термин *порядок* имеет значения «категории», а также *таксономической единицы* («таксон» от древнегреч. *τάξις* – «порядок», «устройство», «организация») [См., например: *Порядок* 2004, с.49–52]. Однако речь здесь идет о различениях категории порядка, т.е. о содержании.

Решению вопроса о *порядке* вполне может послужить работа Макса Шелера “Ordo amoris” («Порядок любви») (1914 г.), в которой аналитика порядка проводится с философско-антропологической точки зрения. Шелер следующим образом определяет фундаментальное значение *ordo amoris*, выделяя в нем нормативное и фактическое значения:

«Исследую ли я индивида, историческую эпоху, семью, народ, нацию или любые иные социоисторические единства на предмет их интимнейшей сущности, – самым глубоким образом я познаю и пойму ее тогда, когда познаю всегда неким образом расчлененную систему ее фактических ценностных оценок и ценностных предпочтений. Эту систему я называю этосом этого субъекта. А подлинная сердцевина этого этоса – это *порядок любви и ненависти*, форма строения этих господствующих и преобладающих страстей, прежде всего – в этом слое, который стал *образцом*. Мироззрением, поступками и действиями субъекта всегда правит также и эта система. Итак, понятие “ordo amoris” имеет два значения: *нормативное* и значение только *дескриптивное*, фактическое. Нормативно его значение не в том смысле, что сам этот порядок есть совокупность норм. Тогда он мог бы быть положен лишь посредством некоторого воления – будь то воление человека или Бога – но не мог бы познаваться очевидным образом. Но это *познание* существует – познание субординации всего, что в вещах может быть *достойным любви*, подобно внутренней, присущей ему ценности. Это познание – центральная проблема всякой этики. Любить же вещи по возможности так, как любит их Бог, и разумно сопережить в своем акте любви встречу-совпадение божественного и человеческого акта в одной и той же точке мира ценностей – это высшее, на что был бы способен человек. Итак, объективно правильный *ordo amoris* становится нормой, только если он, будучи познан, сопрягается с *волением* человека и требуется от него волением. Но и в дескриптивном значении понятие *ordo amoris* имеет фундаментальную ценность. Ибо здесь оно есть средство обнаружить за первоначально вводящими в заблуждение фактами морально релевантных человеческих действий, выразительных проявлений, волений, нравов, обычаев, творений духа простейшую *структуру* самых элементарных целей целесообразно действующего ядра личности – обнаружить как бы основную нравственную формулу, в соответствии с которой морально существует и живет этот субъект» [Шелер 1994, с.341–342]. Шелер

подводит итог в виде формулы: «*Кто узнал ordo amoris человека, тот узнал и его самого*» [Там же, с.342].

Макс Шелер – философ-католик, и его концепция *ordo amoris* испытала влияние идей Августина Блаженного о порядке. Здесь необходимо заметить, что влияние взглядов Августина на порядок (а также представлений Гиббса о случайности) испытал, по его признанию, основоположник кибернетики, американский математик Норберт Винер [Винер 2001, с.23]. Основные категории Винера: *порядок, организация* («Ученый всегда стремится открыть порядок и организацию Вселенной и таким образом ведет борьбу против заклятого врага – дезорганизации» [Винер 2001, с.31]), *обратная связь* («обратная связь есть метод управления системой путем включения в нее результатов предшествующего выполнения ею своих задач» [Винер 2001, 57]), *сигналы, шумы, энтропия, информация* («Как энтропия есть мера дезорганизации, так и передаваемая рядом сигналов информация мерой организации» [Винер 2001, с.17, 115]) и *беспорядок* («дьявол, с которым борется ученый, – это дьявол беспорядка» [Винер 2001, с.193]). Эти категории вполне могут быть включены в *категории порядка*.

Ключевая заслуга концепции порядка Августина заключается, по Винеру, в отказе от манихейского представления о добре и зле в виде изначальных, субстанциональных мировых начал. Зло – это продукт несовершенства земного, человеческого мира. Августин развивает представление древнегреческой философии о *космосе – гармонии мира, порядка и красоты*. Августин включает такое понимание космоса в христианское учение об *Ordo Deus, Порядке Бога, или божественном порядке*, что выразилось в его учении о Граде Божиим. Этого порядка должен быть достоин человеческий, земной град. Ключевым понятием у Августина является именно *порядок*: «Вне порядка ничего быть не может» [Августин 1999, с.147]. Определением порядка служит не формальная дефиниция, а, если использовать язык современной философии, *концепт пути к Богу*: «Порядок есть то, что, если мы будем его держаться в своей жизни, то придем к Богу, а если не будем, – то и не придем» [Августин 1999, с.161]. Порядок – это мерило, критерий устройства или образа жизни. Августин постоянно повторяет слова царя Соломона: «Ты все расположил мерою, числом и весом» [Прем. 11, 21].

«Линию Августина» продолжил Паскаль, выделяя рубрику «порядок» в своих работах. Паскаль, выдающийся ученый, изобретатель арифмометра,

видит спор между «разумом» и «сердцем»: «У сердца свой порядок, у разума – свой, основанный на правилах и доказательствах» [Паскаль 1995, с.161]. Этот спор коренится в самой природе человека, которая выражена в известном образе «мыслящей тростинки»: «Человек – всего лишь тростинка, самая слабая в природе, но это тростинка мыслящая... все наше достоинство заключено в мысли» [Паскаль 1995, с.136–137].

Новое время открыло путь изучения *естественного порядка*. Новый универсализм закрепляется в возрождении *матезиса* – общей науки о порядке. Например, Мишель Фуко рассматривает развитие *эпистемы*, или способа отношения слов и вещей, от порядка распределения в пространстве (общее место в природе) через порядок во времени (история) к порядку человека (антропология). Три способа существования человека – *жизнь, труд, язык* – определяются сетью своих порядков: таксономией, классификацией, таблицей, дискурсией, обменом, синтаксисом и т.д. Фуко дает такое определение порядка: «Порядок – это то, что задается в вещах как их внутренний закон, как скрытая сеть, согласно которой они соотносятся друг с другом, и одновременно то, что существует, лишь проходя сквозь призму взгляда, внимания, языка; в своей глубине порядок обнаруживается лишь в пустых клетках этой решетки, ожидая в тишине момента, когда он будет сформулирован» [Фуко 1966, с.32–33]. Видами (категориями) порядка служат организация, система, норма, синтаксис, таксон, код, бинарные отношения присутствия или отсутствия признаков, структура, классификация, реестры и т. д.

Внутренний закон вещей, явлений, событий и процессов можно включить в категории порядка. Земное и небесное, видимый и невидимые миры, пространство и время, движение и покой, непрерывные (бесконечное) и прерывные (конечное), а также вертикальные и горизонтальные линии соединяются в системе *ко – ординат* (от лат. *Ordinatus* – «расположенный в порядке»). Мир становится измеряемым и измеряющим, т.е. порядком *величин*. Все вещи и явления *величаются*, т. е. называются и именуются. Здесь идеи Августина о порядке находят свое воплощение – божественное измерение (град) дополняется естественным и человеческим.

Рубежом в развитии концепций универсального порядка (материального, социального, морального, научного и т.д.) служит позитивная философия Огюста Конта, острие которой направлено против анархии, охватившей Европу в XIX веке. Формула Конта: «Любовь как принцип, порядок как основание и про-

гресс как цель» [Конт 1913, с.143]. Однако порядок может быть и утверждением превосходства, например, в словах известного гимна: «Deutschland, Deutschland über alles», а также сутью тоталитаризма или же концепций «нового миропорядка» и «детерминированного хаоса». Например, Э.Эванс-Причард заметил, что в социальном проекте Конта «объему социального регулирования... могли бы позавидовать даже коммунисты» [Эванс-Причард Э. 2003, с.76].

«Спасение порядка» заключается в его значении *степени, умножении на самого себя*. В этой связи положение Августина о том, что человек должен быть достоин божественного града можно дополнить толкованием концепции *ordo amoris* Шелера, в котором соединяются нормативное и фактическое значения *ordo amoris*: *мир должен быть достоин (любви) человека*.

Защитой от глухоты мира и себялюбия человека служит именно то, что здесь мир и человек возводятся в другой порядок, или степень. Средством этого возведения является достоинство. Прежде всего, это *мир-согласие* (*mir*) и *порядочность* человека.

Известные слова Жюль Делеза – «монадология дублируется “номадологией”» [Делез 1997, с.242] – обращены к бесконечной сложности («складочности») мира. Номады – кочевники, искатели пастбищ, новых пространств, мигранты и т.д. Слово «nomad» производно «nomos», которое указывает на целое семейство слов с корнем *nm-, среди значений которого «закон», «(порядковое) число», «номер» и «порядок».

Другой мир, мир номад, это также другой порядок, другая степень жизни. Русский язык перенял из тюрского слово «бардак», означающего беспорядок и не только. Такое неприятие отсутствия порядка, закрепленное в повседневном языке (*порядке слов*), как и слова из «Повести временных лет», разрушают мифы о нелюбви населения России к порядку.

В России вопрос об отношении свободы и воли ставится и решается в пользу воли: воля свободна изначально. Анри Бергсон подходил к этому вопросу подобным же образом – для него свобода воли факт, а не проблема. Очевидно, что воля и свобода суть не одно и то же. Воля определяется через силу и слабость, а свобода – независимость и обладание правами. Социальный порядок в России персонифицируется, подобно принципу индивидуации Шопенгауэра и Ницше, в том или ином лидере, а моральный порядок – в подвижнике.

То, что становится привычкой, обычаем или традицией образует *порядок вещей*, или *убеждение-мировоззрение*, которое лежит в основе идентификации

многообразного по конфессиональному, религиозному и региональному признакам населения России с государственностью, или единой, общей волей.

Здесь *мир* (или – *mir*) отождествляется порядком. В этом случае выражение «миропорядок» становится излишним. Понятие порядка имеет универсальное по содержанию значение и распределяется во многих категориях. Однако прав был Августин, когда говорил просто о порядке, так же, как и Шеллер в его утверждении начала существования порядка в категории *ordo amoris*. Существуют ли условия для *ordo amoris* в современной России? Здесь теоретический вопрос (созерцание) смыкается с практическим – волей.

Библиографический список

1. *Августин Блаженный*. Об истинной религии. Теологический трактат. – Минск: Харвест, 1999.
2. *Винер, Н.* Человеческое использование человеческих существ. Кибернетика и общество / Н. Винер // Винер Н. Человек управляющий. – СПб.: Питер, 2001.
3. *Делез, Ж.* Складка. Лейбниц и барокко /общая редакция и послесловие В. А. Подороги. Перевод с французского Б. М. Скуратова. – М.: Логос, 1997.
4. *Конт, О.* Общий обзор позитивизма. Ч. 3, 4, 5 // Родоначальники позитивизма. Вып.5 / Перевод И. А. Шапиро под ред. Э. Радлова. – СПб.: Издание «Брокгауз-Ефрон», 1913.
5. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. Книга I: Разум вне машины / Пер. с английского И. Б. Шатуновского. – М.: Гнозис, 2011.
6. *Паскаль, Блез.* Мысли / Перевод с французского. Вступительная статья, комментарии Ю. А. Гинзбург. – М.: Издательство имени Сабашниковых, 1995.
7. *Порядок* // Большой академический словарь русского языка. – Т. 12. – М., СПб.: Наука, 2004.
8. *Шеллер, М.* *Ordo amoris* // Избранные произведения / Перевод с немецкого А. В. Денежкин, А. И. Малинкина, А. Ф. Дорожкина под редакцией А. В. Денежкина. – М.: Издательство «Гнозис», 1994. – С.339–377.
9. *Фуко, М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук /перевод с французского В. П. Визгина и Н. С. Автономовой. – СПб.:А-сad, 1994.
10. *Эванс-Причард, Э.* История антропологической мысли / Э. Эванс-Причард. – М.: Вост. лит, 2003.

Любимова Т. Б.
Lyubimova T. B.

**РАЗЛИЧИЕ ПОДХОДОВ К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ
ИНТЕГРАЦИИ В УЧЕНИИ О ЕДИНОЙ ДУХОВНОЙ
ТРАДИЦИИ И В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ**
THE DIFFERENCES OF APPROACH TO THE PROBLEM
OF SOCIAL INTEGRATION IN THE TEACHING
OF THE UNIVERSAL SPIRITUAL TRADITION AND
IN THE CONTEMPORARY SOCIOLOGY

Аннотация: Исследование посвящено разным методологиям рассмотрения единства «социального мира». Есть два противоположных подхода – учение о Единой Традиции и метод современной социологии. Прежде всего, они различаются масштабом – временным, историческим, пространственным и кросс-культурным. Столь же важным является разница основной познавательной установки – метафизики, с одной стороны, и методов позитивных наук, с другой. Во втором случае различаются также микросоциологический и макросоциологический подходы.

Ключевые слова: традиция, метафизика, социология, позитивистский метод, интеграция, социальный мир.

Annotation: The study focuses on different methodologies in understanding the unity of the "social world". There are two contrasting approaches – the doctrine of the Universal Tradition and the method of modern sociology. First of all, they differ in terms of the scale – temporal, historical, spatial and cross-cultural. Equally important is the difference in the major cognitive attitudes – metaphysics, on the one hand, and methods of positive sciences on the other. In the latter one, there are also differences between macrosociological and microsociological approaches.

Key words: tradition, metaphysics, sociology, positivist method, integration, social world.

«Единение гражданского мира» в социологии обозначается как одна из функций культуры, называемая интеграцией. О. Конт, который считается основателем науки об обществе, видел в идее Человечества, которое должно, по его мысли, возникнуть в результате позитивного (без метафизики) исследования общества и соответствующих этому решений, силу, способную интегрировать не только отдельный социум, но все движение человечества к этой цели. Таким образом, интегратором выступала цель правильной организации общества на основе позитивного знания о нем. Надо сказать, что без идеи И. Канта о

«космологическом гражданском обществе», в котором каждый его член выйдет, наконец-то, из младенческого состояния (когда за него приминаются решения, и он это принимает как должное) и сможет принять на себя ответственность за все, в нем происходящее, он станет взрослым в моральном отношении. Правда, Кант не думал, что такое общество гарантировано достижимо. В то же время оно необходимо должно быть, как цель на горизонте. Понятно, что социология должна была развиваться, поскольку цели «Человечество» и «космологическое гражданское общество» были слишком абстрактны.

Социология в познании общества отличается от социальной философии тем, что социальные явления стремится объяснить социальными же причинами. Вслед за О. Контом Эмиль Дюркгейм предложил рассматривать социальные факты как вещи, объективно. На примере самоубийств он показал важность функции, которую он назвал солидарностью. Мало того, главные символические формы культуры, например, формы религиозной жизни, представление о форме времени, пространства и другие идеи суть символизация, проекция организации социальной жизни. Получалось, что элементы социальной и культурной жизни связаны между собой функционально. Солидарность – это момент интеграции (единения) – функциональна. М. Вебер предложил другой метод – идеальных типов, на основе которого создал теорию социального действия. Типологически традиционно ориентированное действие, согласно его теории, регулируется следованием неизменным образцам. Ценностно-ориентированное действие согласуется с той ценностью, ради которой оно свершается, например, чести, славы, власти. И, наконец, рационально ориентированное действие, в котором ставится цель, для достижения которой находятся адекватные средства. В этой схеме к теме интеграции на уровне социального действия относится способ, каким создается согласованность действия: за счет традиционного образца, за счет ценности или за счет рационального расчета. Но это значит не то, что какое-то конкретное общество может быть только традиционным или только рациональным, а то, что доминирует тот или иной способ организации действий в институты, социальные структуры, которые интегрируют жизнь в социуме. С другой стороны, должна существовать и система культуры, в которой эти способы фиксируются и в свою очередь определяют способ действия. Известна веберовская теория происхождения капитализма, связывающая такую организацию общества с протестантской этикой и ее рационалистической идеологией. При этом моральные ценности, например честность (в экономической деятельности), при-

ветствуются потому, что они выгодны. Здесь уже интеграция удивительным образом включает момент конфликта интересов, которые подлежат согласованию. На первый план в этом отношении выходит идеология. Иными словами, интеграция общества теперь должна пониматься и как структура самого социума, которая наподобие каркаса обеспечивает единство на уровне самого социального действия. Становится понятным, что она, по необходимости, дополняется уровнем определенных институтов культуры. Впоследствии оба начала, как метода, так и теоретических положений, объединились в одном из самых значительных теоретических построений, названным структурным функционализмом. Самый известный его представитель – Т. Парсонс. Важным моментом в его концепции было то, что он создал теорию общества как единого целого. Эта мысль была высказана еще Аристотелем, для которого общество есть такое общение, которое образует самодостаточный организм. Исторически это понятно, ведь полис и был таким организмом, причем настолько самодостаточным, что создал великую культуру и философию. Но античный полис был небольшим образованием, предложить теорию для современных больших обществ – такая задача стояла перед социологами прошлого века. Парсонс выделил четыре функции, которые должны действовать в любом сообществе: интеграция, адаптация, достижение цели и поддержание образца. Эти четыре функции действуют и на инструментальном уровне, и на социетальном, и на символическом, т. е. на уровне культуры. Интересно, однако, что для культуры необходимо предположить также и выход за эту определенность четырьмя функциями, создающими структуру общества. То есть Парсонс все-таки не был плоским материалистом, сводившим мир человека к биологическому, психологическому и социальному началам, полагая, что человеку присуще еще нечто трансцендентное, что без метафизических идей нет нормального функционирования социума. Иными словами, хотя интеграция есть только одна из функций, но подлинного единства, да еще в динамике нет без этого метафизического измерения. Наконец, наше схематическое изложение следует дополнить теорией социальной динамики П. Сорокина. Если микросоциология рассматривает социальное устройство на уровне действия, институтов, соответствующей нормативной системы (нормы, ценности, предписания), то культуру и ее формы микросоциология рассматривает как принадлежность конкретного социума. При сравнении с другими социумами и культурами она не выходит за границы «горизонтального» плана данности. Макросоциология же ставит задачу аналогичную той, которая ранее стояла

перед философией истории, но только подходит к решению этой задачи с методами позитивной науки. Так можно охарактеризовать социологию П. Сорокина. Он считал серьезным недостатком больших систем, которые строились в философии истории, включая и теории смены цивилизаций (Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби), то, что они выстраивали исторический процесс в линейном времени. Отчасти в теории П. Сорокина синтезировано несколько подходов – теория смены цивилизаций, типологический подход, детерминированность социальных процессов культурой, и хотя масштаб рассмотрения он принимает глобальный, теория его остается на позиции социологии.

В основном, социологи следуют методу обобщения эмпирических данных (например, проводя опросы), которые обобщают и на основе которых конструируют концепции, теории разного уровня. Но в любом случае, социологи в основном придерживаются эмпирического и комбинаторного способа мышления. Правда, в последнее время некоторые ученые выходят за эти ограничения, принятые добровольно в силу общей предпосылки отказа от метафизики. Расширение поля социологии в сторону философии свойственно П. Бурдьё. Опираясь на данные социологических исследований, в том числе и собственных, он выходит на философско-антропологическую проблематику. Его очень важным изобретением можно считать концепцию социальных полей. С точки зрения методологии, важно, что П. Бурдьё стремился избежать редукционизма любого рода, поэтому не совсем верно считать, что он синтезировал структурализм, феноменологию, марксизм и множество идей из концепций, на которые он ссылается. Социальные поля не есть неизменные структуры, это определенная динамика разнонаправленных сил в соответствии с относительно автономной логикой. Связи между полями тоже подчинены своей логике. Таким образом, «социальный мир» есть что-то живущее, хотя аналогия с организмом всего лишь аналогия. И жизнь эта обладает сложностью и индивидуальностью, ее определяет не одно только экономическое поле или политическое, или поле религии, или искусства, или поле власти. Власть представлений и наименований, которые производятся также относительно автономными полями (СМИ, интеллектуалами, философами, теми же социологами), создает свой образ социального мира, который предлагается принимать как естественный и непреходящий. Поскольку в этом процессе производства образа социального мира замешаны разные интересы, разные «капиталы» (экономический, социальный, символический, идеологический), постольку создаваемое таким путем согласие, интеграция временны. Искомое «едине-

ние» вряд ли достижимо без определения особенности строения упомянутых полей – для нашей страны эти особенности никем не определены.

Две трудности для нас сразу понятны. Первая – существует мнение относительно исследования общества, что есть один закон развития для всех социумов, все сообщества организованы одинаково, что на разных ступенях развития можно квалифицировать как возраст (степень зрелости). Это убеждение не есть знание, а только мнение. Вторая трудность состоит в том, что мы не знаем, насколько инструменты (понятия, концепты, представления), выработанные и приспособленные для исследования вполне определенных социальных пространств, пригодны для исследования социального пространства в нашем социуме, которое, вероятно, отличается большим своеобразием и разнообразием. Может оказаться, что в этом исследовании лучше прибегнуть не к механическим (когда апеллируют к экономическим, идеологическим, социальным механизмам) или пространственно-архитектурным аналогиям (когда говорят об иерархии, этажах, уровнях, пространствах), а, например, к музыкальным или химическим. Иначе говоря, опыт социологии показывает, что ее предмет – социальность – не охватывается каким-то всеобщим и единственным методом. Вообще говоря, предмет не дан заранее, чтобы к нему подбирался адекватный метод, становления предмета и метода происходят одновременно. Фюзис, то есть природа – термин весьма многозначный в Древней Греции. «Физический мир» возник вместе с методами исследования «природы». Так и здесь, люди тысячелетиями жили в среде, которую можно назвать социальностью, но только с развитием исследовательских методов возник «социальный мир». А это значит, что для становления полноты этого предмета перед нашей социологией стоит задача найти не столько свойства этого предмета, сколько методы адекватного его исследования. С точки зрения не рефлексирующего здравого смысла, который сам есть продукт символической и идеологической деятельности, усвоенный публикой, единение (интеграцию) общества обеспечивает культура и ее институты, а также язык, как душа народа. Но при более тонком анализе «социального тела» и «социального мира» оказывается, что этот процесс гораздо более сложен. Единение общества с точки зрения социологии следует приписать к функции интеграции, которая осуществляется не только на уровне культуры, ее форм и институтов, но и на уровне организации социального пространства. Если структурные процессы невозможно в том или ином социуме привести к относительной гармонии, то никакие идеологические приемы и «скрепы» не помогут, подобно

тому, как не помогает симптоматическое лечение при тяжелом системном заболевании. К сожалению, состояние социальной науки не находится на уровне задач, стоящих перед ними. При всей их сложной проработке, они уже не отвечают еще большей сложности процессов, происходящих в большом мире. Глобализм, постмодернизм, актуализация, выход в центр публичного пространства под видом религиозных групп терроризма, центр управления которого сокрыт в недрах мировых корпораций, ослабление интеграции существующих еще много этнических и много конфессиональных государств, милитаризация сознания и войны – проблемы, которые не только не решаются, но и не осознаются в их единстве. Не потому, что теории плохи или их создатели не видят современных угроз. Скорее всего, потому что точка зрения науки, с которой они рассматриваются, не соразмерны масштабу происходящего. Так долго боролись с тоталитаризмом, что универсальное совсем скрылось за горизонт.

Кроме различающихся между собой подходов социальной философии и социологии по масштабу и методу, есть позиция учения о Единой Духовной Традиции. Социальные науки возникли тогда, когда «царство количества» еще не дошло до такого состояния, что деградация социальных структур, символических форм культуры, общего интеллектуального уровня, да и самого человека не дошла до предела очевидности. Изменилось состояние мира, в том числе и социального. Человечество в капкане цифрового виртуального «пространства» не находит опоры в какой-либо истории, ведь у каждой его части есть своя история, рассказ идиота, по словам Шекспира. Сумма рассказов объединялась в философию истории, в цивилизационные концепции; социология тоже пыталась превзойти свои методологические предпосылки и выйти к большому миру, взять макросоциологический масштаб. Если занять метафизическую точку зрения учения Рене Генона о Единой Традиции, то локальная и ситуативная критика должна включиться в универсальную концепцию. Есть перекличка между макросоциологической концепцией социальной динамики П. Сорокина в части определения характера современной цивилизации и ее критики. Сорокин относил ее к чувственному типу, показывая все ее пагубные стороны, Генон также считал ее материалистической, ориентированной на количество, антитрадиционной и антиинтеллектуальной. В чем-то цивилизационный подход перекликается с этим учением. Как утверждал Н. Я. Данилевский, начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Для Генона также цивилизации не являются преемниками друг друга. Они суть отпечатки в проявленном мире одного из

аспектов Единой Традиции, которая носит не эмпирический, а метафизический характер. Она неизменна, в ней полнота всех возможностей, но, развертываясь во времени, она проявляет определенный комплекс возможностей, которые реализуются в проявлении. В целом человечество движется, удаляясь от изначального состояния, в котором традиция проявлялась в максимально реализуемой степени. В особенности, удаление свойственно современной западной цивилизации. Все это тотальное движение обозначается как спуск к хаотическому состоянию нашей цивилизации, которая есть «царство количества». В историческом времени Традиция сохраняется через посвящение, в традиционной культуре она представлена в символах, которые современные ученые не способны правильно понимать, в силу своей антитрадиционной установки; они истолковывают их натуралистически или социологически. На деле же символы указывают на изначальное метафизическое знание. Таким образом, движение человечества есть определенное целое, которое, однако, трансцендентно историческому воплощению традиции. Конкретные исторические цивилизации внутри себя едины и есть определенное целое потому, что они реализуют в себе определенный аспект Традиции, соответствующие тому интеллектуальному уровню, который был у людей данного общества. Единство же всего процесса – трансцендентно. Качество интеллекта, согласно Генону, есть способность постигать метафизические истины, степень познание которых есть принцип социального мира, устройство которого в точности соответствуют той степени спуска (удаления от Традиции), на которой этот мир располагается. Конечно, учение о Единой Традиции гораздо тоньше и глубже, но даже схема может дать представление о том, что с этой универсальной точки зрения каждое состояние локального общества включается в некий тотальный порядок. Так что единство культуры того или иного общества не произвольно создано по договору или в силу решений властей, светских или духовных, оно задано духовным (что не следует смешивать с религиозным) состоянием людей.

Библиографический список

1. Бурье П. Социология политики: Пер. с фр. / П. Бурье. Ред. Н. А. Шматко – Москва: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
2. Генон Р. Царство количества и знамения времени: Пер. с фр. / Р. Генон. – Моства: Беловодье, 2011. – 304 с.

Молодов О. Б.

Molodov O. B.

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ПРЕДПОСЫЛКА СОЦИАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

IDENTITY AS A PREREQUISITE OF SOCIAL COHESION: REGIONAL DIMENSION

Аннотация: В работе анализируется идентичность населения региона как фактор социальной консолидации. В условиях формирования новой государственности и социокультурной трансформации общества, жители современной России в основном идентифицируют себя с локальным сообществом, а общегражданская идентичность находится на стадии становления. Работа подготовлена на материалах социологических опросов населения Вологодской области.

Ключевые слова: население, регион, идентичность, самоидентификация, консолидация, религиозная идентичность.

Annotation: This paper analyzes the identity of the population of the region as a factor of social consolidation. In terms of the formation of a new state and socio-cultural transformations of society, the inhabitants of modern Russia mainly identify themselves with the local community, a civic identity is emerging. The work is based on the materials of the sociological polls of the population of Vologda oblast.

Key words: people, region, identity, self-identification, consolidation (cohesion), religious identity.

Общество является большой самодостаточной социокультурной системой, возникающей и изменяющейся в результате взаимодействий «человека активного». Социокультурная трансформация представляет собой комплексный процесс, охватывающий все структуры общества, и не сводится к реформам «сверху», а зависит от действий массовых социальных групп в масштабах страны [Лапин, 2000, с. 32–33].

Распад СССР стал социокультурной катастрофой, результатом системного кризиса советского общества, оказавшегося в традиционалистском тупике. В последние десятилетия на постсоветском пространстве усилилось влияние процессов глобализации на этнические, национальные и конфессиональные объекты идентичности переходных обществ. Исследователи отмечают их двойное воздействие на развитие государственности и на идентичность насе-

ления. С одной стороны, на территории бывшего СССР заметно усиление интеграционных процессов, отличающихся многовекторным характером, а с другой – видна тенденция обособления национальных государств и культур, активное формирование новой идентичности жителей отдельных стран [Курбачева, 2011, с. 44].

В данном контексте важным аспектом представляется формирование идентичности россиян. Общество переходного типа остро нуждается в адекватной национальной и гражданской идентичности своих членов. В целях перехода к устойчивому развитию страны особенно востребованной становится гражданская идентичность и обусловленное ею сознание и поведение [Бабосов, 2013, с. 75–76]. Практическая значимость и ценность идентичности заключается в том, что от того как люди воспринимают свою идентичность, зависит их отношение к событиям, происходящим в стране [Делокаров, 2011, с. 23].

Самоидентификация связана с социокультурной диспозицией «свой–чужой», которая изучается различными общественными науками – социальной философией, социологией, культурологией – с целью исключения или нивелирования межэтнических и межличностных конфликтов [Истомина, 2010, с. 66].

Данные последнего мониторинга общественного мнения населения Вологодской области, проведенного Институтом социально-экономического развития территорий Российской академии наук (ИСЭРТ РАН) в 2015 г., наглядно демонстрируют, что жители региона в основном ощущают принадлежность к локальному сообществу. «Своими» примерно треть опрошенных считают жителей поселения, в котором они проживают (32%), «близкими, но не своими» – 44%. Каждый пятый чувствует близость с региональным сообществом (22%). Примечательно, что жителей России относят к «своим», то есть наиболее близким, всего 9% респондентов, а почти треть (30%) относится к ним безразлично. В равной мере отдаленными чувствуют себя вологжане от населения республик бывшего СССР и планеты в целом.

Слабая общегражданская идентичность отчасти объясняется историческими причинами. Единственный крупный этнос, которому в СССР было отказано в возможности создания «своей» нации, был русский. Многонациональная РСФСР, территориально совпадающая с нынешней Россией, стала республикой, где этнические русские стали своего рода связующим материалом для создаваемых кирпичиков-наций [Даминдарова, 2014, с. 65]. С распадом СССР на данной территории из бывших АССР по национальному принципу

сформировались республики, автономные округа и автономная область. Остальные регионы, населенные преимущественно русскими, сохранили статус краев и областей.

В бывшем Союзе ССР доминировала так называемая «советская» идентичность, имевшая надэтнический характер. Тогда многие ощущали себя в рамках повседневности и в зарубежных поездках в первую очередь как советские люди, а затем уже как русские, казахи, татары и т. п. [Молодов, 2014, с. 96]. С исчезновением советской идентичности произошло понижение ее структурирования до уровня локального этнически гомогенного общества, что, в частности, показывают индексы идентичности населения исследуемого региона.

Как отмечают исследователи, объясняя низкий уровень общегражданской идентичности, после распада СССР, разоблачая советское прошлое, уничтожили многие символы, разорвали связь времен и поколений. С середины 1950-х гг. в нашей стране каждая смена политического лидера страны началась с резкой критики предшественника и недавнего прошлого («десталинизация», «дехрущевизация» и т.п.) [Делокаров, 2011, с. 23–24].

Существенную роль в трансформации идентичности жителей РФ русской национальности играют происходящие миграционные процессы. Если ранее русские не придавали особого значения национальной принадлежности и отождествляли себя, прежде всего, с государством, то сейчас они выдвигают на первый план этноидентичность. При этом чаще происходит противопоставление себя внутреннему «другому» (представителю иного расового типа и другой культуры), а не внешнему как прежде [Барков, 2014, с. 132]. Несмотря на знание внутренними мигрантами русского языка и наличие у них гражданства РФ, даже небольшое изменение этнического состава местного сообщества ведет к нарастанию межнациональной напряженности.

Особая ситуация сложилась на Северном Кавказе, где возник глубинный социокультурный раскол на тяготеющие к модернизации «русские» края и области, с одной стороны, и, с другой стороны, на национальные республики, которым свойственны демодернизационные процессы. Там, то есть в национальных республиках, этничность из сферы идентичности перешла в социально-политическую плоскость, усилив националистические проявления и противодействуя социальной консолидации [Комаровский, 2015, с. 24]. Базовые составляющие в российской идентичности (этническая, региональная, религиозная формы) в этом регионе сложны и нелинейны, поэтому важным

условием успешного функционирования данной системы является оптимальное взаимодействие отмеченных форм идентичности [Горшков, 2013, с. 8–10].

В мононациональной Вологодской области консолидирующим фактором может выступить историческая предрасположенность русского населения к православию, общая религиозная идентичность. Несмотря на масштабную социальную трансформацию, религия продолжает играть важную роль в жизни общества и в личной жизни людей. В 1990-е гг. в мире отмечается тенденция усиления религиозной идентичности, которая отчасти объясняется ответной реакцией на проявления глобализма [Казьмина, 2009, с. 120]. В последние годы рост исламского фундаментализма в значительной степени актуализировал проблему религиозной самоидентификации.

По результатам Всероссийской переписи населения 2010 г., 97,3% жителей Вологодской области (из числа указавших свою нацию) отнесли себя к русским. Вологодчина, известная как «Северная Фиваида», из-за плотной церковной топографии, множества православных храмов и крупных монастырей, в настоящее время не отличается повышенной религиозностью населения. Судя по результатам опроса 2012 г., среди жителей региона неверующих больше, чем в среднем по России (20% против 13), а исповедующих православие и относящих себя к Русской православной церкви (РПЦ) существенно меньше (30% против 41) [Арена].

Наибольшая часть респондентов признала себя «верующими без религии» (39%), а 2% – «христианами без конфессии». Остальные показатели конфессиональной самоидентификации в целом соответствуют общероссийским. Что касается религиозной практики, то жители Вологодской области в меньшей степени соблюдают предписания своей религии (13% против 22) и реже молятся (7% против 12) [Арена].

Сегодня отмечается явный разрыв между религиозной идентификацией и действительной воцерковленностью. Отрицая свою религиозность при мировоззренческой самоидентификации, обычно около 20% респондентов сознательно относят себя к приверженцам традиционных религий. Социологические исследования показывают, что почти половина неверующих респондентов участвует в религиозных праздниках, а каждый пятый периодически посещает храм [Вера, 2009, с. 10].

Мониторинги общественного мнения свидетельствуют о том, что содержание веры у называющих себя верующими людьми, зачастую лишено опре-

деленности, при этом религиозные идеи вполне уживаются с мистикой: верой в магию, колдовство, астрологические прогнозы и пророчества. Социологи считают, что сегодня мы имеем дело с культурной религиозностью, когда человек объявляет себя принадлежащим к определенной религиозной традиции, хотя, возможно, и не разделяет ее вероучения, не участвует в обрядах и не входит в общину верующих [Филатов, 2005].

Негативное воздействие на формирование общероссийской идентичности оказывает и чрезмерное социальное расслоение. Каждая социальная страта российского общества научилась жить своей внутренней жизнью, не обращая внимания на остальных [Свобода, 2007, с. 12]. Нынешняя система представляется большинству несправедливой, что ведет к утрате чувства личной связи с государством, нарастанию отчуждения, размывает важнейшие консолидирующие начала – справедливость и восприятие государства как общего дела.

Исследователи сходятся во мнении, что необходимо формировать на-дэтническую общегражданскую идентичность, которая синтезирует социокультурную идентичность сообщества граждан, этнические идентичности и политическую связь с государством, базируясь на принципах согражданства. Попытки форсировать формирование новых идентичностей взамен советской, обречены на провал, поскольку это медленный процесс, требующий определения «конечной» цели, идеала, к которому страна должна стремиться.

Многонациональный и поликонфессиональный состав населения России, увеличивающийся поток мигрантов, смена поколений и значительный разрыв между богатыми и бедными делают процесс формирования идентичности чрезвычайно сложным. Даже в «русском» и относительно стабильном регионе, каким является Вологодская область, формирование общегражданской идентичности не завершилось, сплочение населения ощущается только на уровне местного сообщества, а традиционная религия не обладает значительным консолидационным потенциалом.

Библиографический список

1. Бабосов, Е. Идентичность как фактор консолидации / Е. Бабосов // Беларусьская думка. – 2013. – № 3. – С. 74–79.
2. Барков, Ф.А. Этнонациональные факторы межэтнических отношений в контексте миграционных процессов в Ростовской области / Ф.А. Барков, А. В. Сериков // Гуманитарий Юга России. – 2014. – № 3. – С. 129–140.

3. Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания / отв. ред. М.П. Мчедлов. – Москва: Культурная революция, 2009. – 400 с.
4. Горшков, М.К. Мечты россиян и реальность демоскопии / М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова // Политические исследования. – 2013. – № 5. – С. 8–10.
5. Даминдарова, Ф.В. Этническая, надэтническая и гражданская идентичность в российском политическом дискурсе / Ф.В. Даминдарова, Г.Ш. Исмагилова // Власть. – 2014. – № 4. – С. 63–67.
6. Делокаров, К. Процесс модернизации и проблемы российской идентичности / К. Делокаров // Управление мегаполисом. – 2011. – № 5. – 18–26.
7. Истомина, О.Б. Диалог в условиях диспозиции «свой-чужой» / О.Б. Истомина // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 6. – С. 66–70.
8. Казьмина, О.Е. Русская православная церковь и новая религиозная ситуация в России: этноконфессиональная составляющая проблемы / О.Е. Казьмина. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2009. – 304 с.
9. Комаровский, В.С. Формирование национально-государственной идентичности России: вызовы и риски / В.С. Комаровский // Власть. – 2015. – № 3. – С. 20–27.
10. Курбачева, О.В. Социокультурные трансформации в восточнославянском регионе в условиях глобализации / О.В. Курбачева // Веснік БДУ. Сер. 3. – 2011. – № 2. – С. 41–44.
11. Лапин, Н.И. Социокультурная трансформация России: либерализация versus традиционализация / Н.И. Лапин // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2000. – Т. III. – № 3. – С. 32–39.
12. Молодов, О.Б. Проблемы идентификации населения Казахстана и Кыргызстана / О.Б. Молодов // Социум и власть. – 2014. – № 6 (50). – С. 95–102.
13. Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России / под ред. М.К. Горшкова. – Москва: Российская газета, 2007. – 444 с.
14. Филатов С.Б. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность / С.Б. Филатов, Р.Н. Лункин // Социологические исследования. – 2005. – № 6. – С. 35–45.
15. Арена. Атлас религий и национальностей Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: sreda.org/arena

Писманик М. Г.

Pismanik M. G.

К ПОНЯТИЮ ГРАЖДАНСКОГО ЕДИНСТВА

TO THE CONCEPT OF CIVIL UNITY

Аннотация: В статье осуществляется экспликация понятия «гражданское единство» и затронуты отдельные аспекты его практической реализации в процессе демократической консолидации современного российского общества.

Ключевые слова: гражданин, гражданственность, гражданское единство, взаимодействие власти и общества, патриотизм, доверие.

Annotation: In the article is achieved the explication of concept “civil unity” and the separate aspects of its practical realization in the process of the democratic consolidation of contemporary Russian society are touched upon.

Keywords: citizen, civilization, civil unity, interaction of authority and society, patriotism, the confidence.

Замысел консолидации демократического постсоветского общества назревал в сознании россиян еще с конца 90-х гг. минувшего века и был воспринят учеными как наиболее насущная и особенно сложная проблема политики, культуры и гуманитарного знания. К началу текущего десятилетия проблема национального единства обрела достаточно обоснованное решение со стороны ряда ведущих отечественных исследователей и авторитетных научных центров. Решение ученых было одобрено широкой культурной общественностью и получило поддержку со стороны федеральной власти. Правительство разработало и опубликовало ряд надлежащих постановлений и программ по дальнейшей стратегии национальной и культурной политики, укреплению социальной стабильности и государственной безопасности россиян¹.

Замысел консолидации общества имеет важнейшее значение для дальнейшего демократического и социокультурного развития нашего Отечества. Практическое осуществление этого перспективного, а в то же время, чрезвычайно сложного замысла возложено непосредственно на руководителей федеральных, региональных и муниципальных органов власти. Но его успешная

¹ Среди основных этих документов выделим: «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». Утв. 12.5.2009 г.; «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.». Утв. 19.12.2012 г.; «Федеральная целевая программа укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)». Утв. 20.8.2013 г.; «Основы государственной культурной политики». Утв. 24.12.2014 г.

реализация, в первую очередь, зависит от скорейшего преодоления кризисных симптомов, имеющих во внутренней и внешней сферах жизнедеятельности современного российского общества. Также понятно, что этот замысел не осуществим без действенной моральной поддержки со стороны рядовых сограждан и их активной практической вовлеченности в процесс его реализации. В свою очередь, вступая в этот процесс, россияне рассчитывают на более достойное со стороны государства удовлетворение своих материальных, культурных и духовных потребностей и на более реальное обеспечение их конституционно-демократических прав и свобод. Самоочевидно, что чрезвычайно сложный замысел единства может быть фактически и успешно реализован только в результате многолетней, системной, неторопливой и напряженной, четко согласованной совместной деятельности органов власти с широкой общественностью в тесной связке с учеными и сегодня формирующимися новыми институтами гражданского общества¹.

С момента презентации и практического подступа к реализации упомянутых правительственных документов быстро минуло уже несколько лет. К сожалению, за это время трижды сменились правительственные ведомства, которые непосредственно отвечали за консолидацию общества, и это обстоятельство существенно замедлило реализацию названных документов. В итоге, на затянувшемся первом этапе консолидации удалось обрести в роли действенного ведомственного координатора Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН) и осуществить некоторые организационные наработки в качестве начальной стартовой площадки к последующим этапам практической реализации этого, по всей видимости, наиболее трудного замысла в истории и культуре России. ФАДН начинает довольно энергично управлять этим процессом, но, по нашему мнению, Федеральное агентство еще недостаточно взаимодействует с общественностью и учеными.

Последующие, уже действительно продуктивные этапы консолидации российского общества должны, по нашему видению, преимущественно пролегать по трем основным, органически взаимосвязанным направлениям².

¹ Таких, например, как Общероссийский Народный фронт, Федеральная и региональные общественные палаты; Советы при Президенте РФ по развитию гражданского общества, по межнациональным отношениям и др.; Советы по межнациональным и межконфессиональным отношениям при региональных и муниципальных органах власти и прочие.

² Подробней см. Писманик М. Г. Три направления гражданского единения. / «Интегральная перспектива в гуманитарных науках» №1, 2014. Пермская государственная академия искусства и культуры. Пермь. 2014. Доступно на сайте Пермского государственного института культуры.

Первое из них пролегает в сфере непосредственных взаимоотношений общества и власти. Его целями выступают:

а. обеспечение прочной взаимосвязи власти с институтами науки, культуры и образования при осуществлении руководства процессом консолидации общества и мониторинга этого процесса;

б. стимулирование взаимного доверия и креативного сотрудничества между обществом и властью;

в. поддержание, защита и укрепление социальной стабильности общества;

г. формирование *гражданского единства*¹ россиян.

Другое направление пролегает в сфере межнациональных отношений. Его целями выступают:

а. гармонизация этнокультурного развития народов России;

б. поддержание и укрепление межэтнического согласия и гражданско-патриотического сотрудничества этносов.

Третье направление пролегает в сфере отношений с религией. Одновременно оно также затрагивает область социокультурного и гражданского сотрудничества между нерелигиозной и религиозной когортами россиян. Целями этого направления выступают:

а. тактичное приобщение религиозных конфессий к реализации замысла консолидации россиян и гармонизации межконфессиональных отношений;

б. внедрение толерантного диалога между названными когортами россиян;

в. поддержание устойчивого культурного и гражданского сотрудничества между конфессиями и упомянутыми когортами.

Как уже сказано, взаимосвязь названных общественных сфер глубоко органична. Потому неотделимы друг от друга и, в общем, равно приоритетны названные направления единения россиян. Но все же, на наш взгляд, решающий и наиболее консолидирующий потенциал единства сосредоточен в направлении взаимоотношений общества и власти, где одновременно сочетаются научно-стратегическое и культурное оснащение, обеспечение управления, мониторинга и оперативного руководства процессом консолидации общества.

По нашему мнению, в общих рамках и сложной структуре этого процесса наибольшие интегрирующие потенции свойственны аспекту формирования

¹ Понятие, введенное Федеральной целевой Программой «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)».

гражданского единства россиян. На экспликации этого, по нашему мнению, приоритетного понятия и вопросах его практического осуществления в рамках реализации общего процесса консолидации постсоветского общества, мы далее сосредоточим основное внимание в данном тексте.

Полагаем, что особо важными индикаторами мониторинга на названных основных направлениях и последующих этапах общего процесса консолидации следует принять показатели позитивно-негативной динамики формирования гражданского единства. Хорошо бы при осуществлении мониторинга классифицировать и, по возможности, даже квантифицировать интегрирующие и дезинтегрирующие факторы гражданского единства.

В то же время учтем, что состояние и цели в означенных основных направлениях единства ныне особенно усложнены, политизированы и напряжены, а в то же время изучены недостаточно. Потому здесь, как уже сказано, необходимо теснейшее сотрудничество власти с учеными-гуманитариями.¹ Известно, что между исследователями-гуманитариями подчас имеют место концептуально-методологические расхождения, а то и столкновения научных школ, что нередко ведет к вариативности экспертных заключений и рекомендаций. И это нормальный феномен при познании сложнейших в мироздании общественных явлений. Но зачастую именно по причине вариативности научных заключений и рекомендаций недалекие чиновники неохотно сотрудничают с учеными. Опытные же, действительно ответственные и компетентные представители власти, как правило, способны осуществить оптимальный выбор между действительно надежными и креативными, либо же сомнительными и рисковыми рекомендациями ученых. Мы убеждены, что без опоры на научные исследования, заключения и прогнозы, кардинальные решения и действия власти по единству общества, безответственны и даже опасны. Процесс консолидации российского общества чрезвычайно нуждается в действительно компетентных и ответственных сотрудниках органов власти. Но этот процесс одновременно стимулирует их появление и преумножение.

Попутно выскажем некоторые соображения по иным основным направлениям этого процесса. В частности, обратим внимание на полузабытое, но на деле весьма значимое наследие, актуализированное задачами гармонизации

¹ В комплекс гуманитарных дисциплин, непосредственно исследующих проблему консолидации нашего общества и научно оснащающих практическую реализацию этого процесса, входят, прежде всего, политология, этнология, социология, культурология, религиоведение, правоведение, психология и педагогика.

межнациональных отношений и этнокультурного развития народов России. Таким наследием является многое из уже накопленного опыта действовавших в Советском союзе (а затем и у истоков постсоветского общества) министерств по делам национальностей. Особо значимую ценность также составляют многолетние полевые и теоретические (особенно же, т. н. «прикладные и *неотложные*») исследования Института этнологии и антропологии РАН и других этнографических центров. Отошлем наших читателей к ныне вполне доступным научным публикациям по этим исследованиям. При этом заметим, что именно этнологи внесли наиболее значимый вклад в разработку упомянутой Федеральной целевой программы, а сегодня активнее иных коллег-гуманитариев включились в реализацию наиболее актуальных задач национального единения.

Что касается третьего (с религией связанного) направления консолидации общества, то с сожалением признаем, что отечественные ученые (прежде всего религиоведы, культурологи и политологи) до сего часа довольно вяло приобщаются к научному оснащению процесса консолидации общества. В частности, ими чрезвычайно слабо исследована противоречивая социокультурная динамика религиозной сферы, опасные феномены ее политизации и клерикализации, а также усложняющиеся взаимоотношения светских и религиозных когорт. Вне внимания этих исследователей остается особенно насущная тема необходимого содействия конфессий гражданскому единению россиян. При этом напомним (это особенно важно!) – около 80% от их численности ныне относят себя к числу верующих.

Вернемся к экспликации приоритетного, на наш взгляд, понятия в тезаурусе консолидации российского общества. Экспликация гражданского единения нас отсылает к исходному ключевому термину «гражданин». Термин давно стал обиходным. Чаще всего его используют при обозначении подданства конкретного лица тому или иному государству. Среди определений термина еще в словаре В. И. Даля можно найти – «член общины или народа, состоящего под одним общим управлением; каждое лицо или человек, из составляющих народ, землю, государство». Следуя словарю С. И. Ожегова, гражданин – это:

1. «лицо, принадлежащее к постоянному населению данного государства, *пользующееся его защитой и наделенное совокупностью прав и обязанностей*» (выделено нами. М.П.);

2. «гражданин – взрослый человек-мужчина, а также форма обращения к нему». Именно в первом варианте ключевого определения С. И. Ожегова зафиксировано важнейшее социальное назначение и нравственное призвание носителя этого звания. Истинный гражданин, наделенный со стороны государства защитой и правами, ответно *обязан* и на самом деле *довлеет* к своему государству (особенно, к государству демократического устройства) с признательностью, преданностью и действенным ощущением *личной ответственности* за его судьбу.

Таковые граждане, на наш взгляд, составляют подавляющее большинство российского общества. Лишь единичные, формально подданные государства, из числа патологических фанатиков, анархистов, ксенофобов и особо опасных преступников не считают себя гражданами, подчас даже отказываются от паспортов. Впрочем, среди тех, кто обладает этим документом, изредка встречаются лица, на самом деле не соответствующие высокому званию и призванию гражданина. Обычно таковые лица внешне законопослушны, с охотой пользуются конституционными правами и свободами. Однако они безразличны к интересам государства, а по возможности даже уклоняются от своих важнейших социальных обязанностей. Таковым лицам неведомы требования и благородные чувства гражданственности.

Термин «гражданственность» особенно контрастно акцентирует эту свойственную подлинному россиянину социально-чувственную константу. Ю. Н. Никифоров и А. Н. Скалина, опираясь на давние и прочные традиции Отечества, предлагают следующее определение гражданственности: «это совокупность убеждений и взглядов, предполагающая, с одной стороны, высокую степень независимости и самостоятельности индивидуальных суждений об обществе, с другой – нерушимую социальную солидарность, выражающуюся в участии человека в жизни социума. Гражданственность проявляется в виде индивидуального поведения, но опосредуется социокультурной обстановкой, следовательно, может быть развита в соответствии с внешней волей».¹ Примем и мы эту экспликацию в качестве отправной рабочей формулировки.

Действенная гражданственность неотделима от традиционного русского патриотизма, который доминирует и облагораживает чувственный мир

¹ Никифоров Ю. Н., Скалина А. Н. О понятии «гражданственность» / Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. №2 (ч.2). Воронеж.2007, С. 189.

россиян, поддерживает их гражданскую идентификацию, ощущение собственного достоинства и придает смысл своему социальному бытию. По нашему убеждению, патриотизм относится к числу фундаментально-исторических и особо возвышающих отечественных ценностей. По широко известному мнению нашего Президента, российский патриотизм следует принять даже в качестве нашей национальной идеи. Социокультурная природа патриотизма, его историческая эволюция, опыт и проблемы патриотического обучения и воспитания обрели добротное осмысление в трудах отечественных гуманитариев, и в данной статье не будем углубляться в эти проблемы. Однако выскажем отдельные соображения в контексте нашей темы.

Некоторые исследователи, выявляя факторы поддержания патриотизма россиян, в первую очередь апеллируют к ощущениям удовлетворенности респондентов теми или иными благами, получаемыми в Отечестве. Апеллируют и к наличию у респондентов чувства гордости за те или иные отечественные достояния. Разумеется, такие факторы по-своему значимы. Но названные ощущения одномерны, сугубо утилитарны, а главное, они не надежны, так как податливы к внешним соблазнам и, как правило, не стойки в моменты возникающих в стране роковых испытаний и кризисов. Чувство гордости же – особенно субъективный и даже капризный индикатор, с трудом отличимый от нередкой гордыни у индивидов и не менее частого группового высокомерия. Наиболее объективно и социально явственно патриотизм выражает себя в солидарной преданности Отечеству со стороны представителей различных этносов и мировоззренческих когорт; в их конкретном и активном участии в социально-экономическом, культурном и демократическом развитии страны; в их действенной готовности к ее защите. Субъективно же патриотизм индивида являет себя не столько в приливе радостных эмоций в дни очередных побед Отечества, сколько в личной заботе о нем и деятельной поддержке в дни отечественных испытаний¹. Чувство патриотизма может быть и не свойственно отдельным согражданам по каким-то исключительным обстоятельствам. Но меру его явного, активного и прочного доминирования в общественном сознании и деятельности россиян необходимо обязательно включить в число индикаторов процесса гражданского единства.

¹ Более подробно о российском патриотизме и некоторых проблемах его современного формирования см. в выше упомянутой нашей статье «Три направления гражданского единения».

Продолжим далее экскурс к более строгому определению этого ключевого понятия. Термин «гражданское единство» вполне очевидно противостоит также означенному в Федеральной целевой программе «слабому общероссийскому гражданскому самосознанию (общероссийской гражданской идентичности) при все большей значимости этнической и религиозной самоидентификации». Гражданское единство, по нашему глубокому убеждению, выше и значимей любой частной, групповой, сословной, местечковой или некоей иной социально-партикулярной или же идейной солидарности. Но, к сожалению, сам этот ключевой термин пока не получил общепризнанного определения со стороны ученых-гуманитариев.

В нашем понимании, под содержанием термина «гражданское единство» следует полагать сформированную в Российской Федерации, в ее конкретных регионах и поселениях осознанную и одобряемую населением солидарную, практическую и идейную поддержку конституционного статуса и генерального стратегического курса государства на его дальнейшее демократическое, социально-политическое, экономическое и культурное развитие. Содержание термина включает в себя не только уважение сограждан к принципам Конституции РФ, нормам действующего законодательства и доверие к власти, – но также восприятие и поддержку духовно-нравственных ценностей российской нации. Как уже сказано, на практике это единство наиболее показательно выражается и реализуется в сложившемся конструктивном и устойчивом взаимодействии общества и органов власти.

Завершим экспликацию нашего ключевого понятия следующей краткой формулой. *«Гражданское единство – это сформировавшаяся в результате консолидации российского общества прочная социальная сплоченность сограждан на основе их глубоко осознанной солидарно-патриотической заинтересованности в поддержании, развитии и защите традиционных ценностей отечественной культуры, нравственно-правовых установлений и демократических свобод, основанных на добровольном и активном соучастии народа в осуществлении государственной власти».*

Гражданское единство формируется и крепнет на основе продуктивного взаимопонимания и взаимного доверия власти и общества. Словарь С. И. Ожегова определяет *доверие* как «уверенность в чьей-н. добросовестности, искренности, в правильности чего-н. и основанное на этом отношении к кому-

чему-н.». Это понятие относят к числу важнейших категорий социальной философии и этики, поскольку фактор доверия являет собой особенно прочную скрепу стабильности социума и выступает необходимым условием поддержания в нем нравственно-психологического климата и правопорядка. Доверие к власти составляет неотъемлемую компоненту и также ключевое понятие в тезаурусе гражданского единения¹. Как известно, доверие к государству со стороны общественности формируется в ответ на действительно уважительное отношение власти к своим согражданам, а также в ответ на реально налаженное креативно-демократическое сотрудничество общества и власти. Активная поддержка государственного курса со стороны сограждан, в свою очередь, решающим образом воздействует на разрешение насущных экономических, политических и социальных проблем Отечества. Особенно же – в ныне сложившейся для него чрезвычайно сложной международной ситуации.

Однако признаем: феномен доверия (как и проявления доброжелательности и дружелюбия) сегодня заметно блекнет в повседневном бытии и обыденном сознании россиян. Более всего, ныне его теснят следствия хаотично формирующихся рыночных отношений, взлет агрессивности, зависти и другие низменные пароксизмы первоначального накопления. Доверию россиян также противостоят засилье бюрократизма, мощный размах коррупции, нашествие мошенничества и назойливой рекламы, а также иные низменные следствия «беспредела». Соответственно, в индивидуальном и массовом сознании, а также в обыденном общении россиян, к сожалению, усиливаются симптомы подозрительности и недоверия².

Данные же о доверии власти со стороны россиян к настоящему времени момент весьма неоднозначны. Так, исключительно высокому рейтингу президента В. В. Путина длительно сопутствует значительно более низкий рейтинг властных структур. Правда, по утверждению особо авторитетных социологических центров³, за последние годы имеет место нарастающая динамика доверия к власти. Таковое наблюдается и в Пермском крае, где широкая общественность довольно активно включается в процесс гражданского единения. Доверие общественности к власти, как и взаимное доверие сограждан, содер-

¹ См. Тульчинский Г. Л. Доверие и гражданская идентичность как факторы консолидации российского общества // Философские науки, 2012, № 11.

² Ценный обзор «философии подозрения» см.: «Философские науки», 2013, № 6.

³ См. периодически публикуемые данные ВЦИОМ в «Мониторинге общественного мнения». В частности, за 2015–16 гг.

жат в себе солидный посыл гражданственности и также являются важными индикаторами успешного хода процесса консолидации российской нации.

Библиографический список

1. Бабинцев, В. П. Проблемы консолидации местных сообществ / В. П. Бабинцев; Белгородский государственный национальный исследовательский университет. // Вестник Института социологии. – 2016. – № 17.

2. Васильева, Н. Д. Гражданственность и патриотизм как основания социальной консолидации российского общества / Н. Д. Васильева, Л. В. Рожкова // Мониторинг общественного мнения 2014, № 3. – М., 2014.

3. Гражданственность личности в условиях изменяющегося мира: от протестной к созидательной активности: сборник научных статей / ответственный редактор С. И. Беленцов. – Курск, 2015.

4. Дискин, И. Е. Гражданское общество: создать нельзя отказаться / И. Е. Дискин // Гражданский диалог. – 2008. – № 1.

5. Кармадонов, О. А. Консолидация российского общества: потоки и преграды: монография / О. А. Кармадонов. – Иркутск, 2012.

6. Ковригина, Г. Д. Социокультурные ресурсы социальной консолидации Российского общества. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Иркутск [Электронный ресурс] / Г. Д. Ковригина. – Режим доступа: research.sfu-kras.ru/sites/research.sfu-kras.ru/files/dissertaciya_Kovrigina_G_D_novaya.pdf (дата обращения 20.08.2016 г.).

7. Колябина, Т. С. Патриотизм и гражданственность как комплекс социокультурных и духовных ценностей: динамика формирования у современных россиян. Диссертация на соискание звания кандидата социологических наук [Электронный ресурс] / Т. С. Колябина. – Краснодар, 2006. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/formirovanie-patriotizma-i-grazhdanstvennosti-kak-kompleksa-sotsiokulturnykh-i-dukhovnykh-ts> / (дата обращения 20.08.2016 г.).

8. Концепция воспитания гражданской идентичности российской молодежи / Институт этнологии и антропологии РАН. – Пермь, 2015.

9. Кузнецова, А. В. Культура патриотизма как фактор консолидации российского общества. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук [Электронный ресурс] / А. В. Кузнецова. – М., 2004. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/kultura-patriotizma-kak-faktor-konsolidatsii-rossiiskogo-obshchestva/> (дата обращения 16.08.2016 г.)

10. Михайленок, О. М.. Общественно-политическое согласие в контексте демократической консолидации (аналитический обзор)./ О. М. Михайленок // Вестник Института социологии. – 2015. – №14.

11. Никифоров, Ю. Н. О понятии «гражданственность» / Ю. Н. Никифоров, А. Н. Скалина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – № 2 (ч. 2).

12. Писманик, М. Г. Три направления гражданского единения / М. Г. Писманик // Интегральная перспектива в гуманитарных науках. – 2014. – № 1.

13. Полюшкевич, О. А. Социальная эмпатия: вопросы консолидации российского общества / О. А. Полюшкевич // Мониторинг общественного мнения № 6. – М., 2015.

14. Социально-структурные факторы консолидации российского общества: монография / отв. ред. И. И. Елисеева, Г. В. Еремичева. – СПб., 2012.

15. Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение: сборник / под ред. чл.-корр. РАН М. К. Горшкова. – М., 2010.

16. Тульчинский, Г. Л. Доверие и гражданская идентичность как факторы консолидации российского общества / Г. Л. Тульчинский // Философские науки. – 2012. – № 11.

17. Тульчинский, Г. Л. Недоверие и притворство как источники подозрения: цивилизационные факторы / Г. Л. Тульчинский // Философские науки. – 2013. – № 6.

Пронькина В. А.

Pronkina V. A.

ЯЗЫК ВРАЖДЫ И РИТОРИКА НЕНАВИСТИ

В «ХОРОШЕМ ОБЩЕСТВЕ»¹

HATE SPEECH AND HATE RHETORIC IN THE

«GOOD SOCIETY»

Аннотация: Статья посвящена проблемам применения агрессивных и стигматизирующих выражений в публичной среде. Применение таких выражений публичными лицами (политики, журналисты, телеведущие и т. п.) может быть определено как «риторика ненависти», в то время как обращение к такого рода языковым средствам обычных граждан определяется как «язык вражды». В современных социальных реалиях описываемые явления широко распространены, слабо институционализированы и плохо поддаются ограничению. В статье предлагается анализ возможностей ограничения использования языка вражды и риторики ненависти в «хорошем обществе».

Ключевые слова: хорошее общество, язык вражды, риторика ненависти, разобщенность, социальное доверие.

Annotation: The article is devoted to the problems of the use of aggressive and stigmatizing expression in the public space. The use of such expressions of public officials (politicians, journalists, TV presenters, etc.) can be defined as «hate rhetoric», while an appeal to this kind of linguistic means of ordinary citizens is defined as «hate speech». In today's social realities described phenomena are widespread, weakly institutionalized and are difficult constraints. The article proposes analysis of opportunities of limit the use of hate speech and hate rhetoric in the «Good society».

Key words: Good society, hate speech, hate rhetoric, disunity, social credibility.

В последние годы в российском обществе сохраняется устойчивая тенденция снижения уровня социального доверия. Так, например, согласно всероссийскому опросу, проведенному Фондом «Общественное мнение» в декабре 2013 года, 77 % граждан считают, что в отношениях с людьми следует быть осторожными, вместо того, чтобы проявлять доверие.

Межличностное доверие представляет собой уверенность в том, что люди не станут умышленно причинять вред друг другу и, по возможности, будут учитывать интересы других [Крученкова, 2016, с. 27]. Основа доверия между индивидами – ответственность и соучастие. Однако фактически в публичном пространстве демонстрируется не соучастие, а противоположные

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Нормативные основания «хорошего общества» (грант Президента РФ МК-5295.2016.6).

по смыслу явления – агрессия, ненависть, зависть, дискриминация и т. п. Данные явления существенно препятствуют формированию гражданского единения россиян. На наш взгляд, основными вербальными формами разобщающей граждан агрессии в публичном пространстве выступают язык вражды и риторика ненависти.

Как правило, в научных исследованиях используется понятие «язык вражды», тогда как в текстах публицистического стиля чаще фигурирует «риторика ненависти». Многие авторы используют эти понятия как синонимы (К. Рускевич [Рускевич, 2014], И. Левенштейн [Левенштейн, 2015], П. Н. Хроменков [Хроменков, 2014] и др.). Однако мы полагаем, что их необходимо различать.

Мы предлагаем дифференцировать анализируемые понятия по субъекту говорения – личности, которая обращается к агрессивной лексике в публичном пространстве ради достижения своих целей.

Риторика ненависти – это агрессивные, стигматизирующие высказывания, использующиеся официальными лицами: представителями органов государственной власти и местного самоуправления, представителями СМИ, научной общественности и др.

Язык вражды – это язык, используемый обычными гражданами в публичном пространстве, включая социальные сети и другие коммуникационные площадки в сети Интернет (форумы, блоги, сайты СМИ).

Язык вражды, если не ограничивать его использование, может привести к экстремистским поступкам. Это создает в обществе межнациональную и межконфессиональную разобщенность, снижает уровень социального взаимодействия и доверия, препятствует гражданскому единению.

Риторика ненависти влечет за собой рост использования языка вражды. В то же время язык вражды побуждает публичные лица и СМИ обращаться к нему, чтобы говорить с народом на одном языке. Таким образом, язык вражды в определенной степени формирует риторику ненависти, которая, в свою очередь, провоцирует применение языка вражды. Создается порочный круг, который крайне сложно разорвать, однако существуют механизмы ограничения использования и языка вражды, и риторики ненависти.

Для того чтобы выявить и описать механизмы, актуальные для российского общества, необходимо, в первую очередь, обозначить некие реальные цели, которых мы желаем и можем достичь. В идеальном обществе нет ни риторики ненависти, ни языка вражды. Однако в реальном социуме они всегда будут присутствовать. В то же время, в различных обществах степень употребления языка вражды и риторики ненависти отличается. Так, в демократи-

ческих обществах проблема ограничения употребления языка вражды усугубляется тем, что она связана с ограничением свободы слова. В тоталитарных обществах активно используются обе формы агрессивного выражения позиций, однако, как правило, в отношении внешнего врага. Мы полагаем, что для разработки эффективных механизмов ограничения применения языка вражды и риторики ненависти необходимо опираться на некий достижимый идеал общественного устройства. В социально-философских и социологических исследованиях такой идеал определяется как «хорошее общество».

Помимо достижимости, «хорошее общество» обладает и иными атрибутивными признаками: стабильность, безопасность, достойный уровень жизни, приемлемое состояние окружающей среды и т. п. В «хорошем обществе» достигается высокий уровень гражданского единения, который обеспечивается, во-первых, единомыслием по вопросам ключевых норм и ценностей, общепринятой концепцией общественного блага; во-вторых, низкой степенью вербализации агрессии в публичной сфере.

В «хорошем обществе» минимизация применения риторики ненависти осуществляется посредством ужесточения правовой и моральной ответственности должностных лиц, введения соответствующих норм в профессиональные этические кодексы. Так, например, в кодекс профессиональной этики российского журналиста включены нормы, запрещающие журналистам использование риторики ненависти:

– Выполняя свои профессиональные обязанности, журналист противодействует экстремизму и ограничению гражданских прав по любым признакам, включая признаки пола, расы, языка, религии, политических или иных взглядов, равно как социального и национального происхождения.

– Журналист уважает честь и достоинство людей, которые становятся объектами его профессионального внимания. Он воздерживается от любых пренебрежительных намеков или комментариев в отношении расы, национальности, цвета кожи, религии, социального происхождения или пола, а также в отношении физического недостатка или болезни человека [Кодекс профессиональной этики].

К сожалению, на практике не редки ситуации нарушения журналистами указанных положений кодекса профессиональной этики. Негативными санкциями за нарушение норм профессиональной этики могут быть внутренние (стыд, совесть) и внешние (общественное осуждение). Полагаем, что в «хорошем обществе» внутренние санкции обеспечиваются порядочностью граждан («хорошее общество» формирует хороших людей), а внешние – институ-

ционализацией моральной ответственности, высокой ценностью профессиональной репутации и угрозой исключения из профессионального сообщества.

Степень обращения к языку вражды в «хорошем обществе» снижается, во-первых, в силу высокого уровня порядочности населения, во-вторых, потому что в официальных выступлениях практически не применяется риторика ненависти. Кроме того, использование языка вражды можно предотвращать при помощи технических средств, таких как автоматическое удаление сообщений, содержащих слова и выражения, идентифицируемые как язык вражды, блокировка модераторами аккаунтов пользователей, неоднократно использующих речевую агрессию, усиление контроля модераторами активности пользователей интернет-сообщества и др.

Итак, язык вражды и риторика ненависти сегодня обуславливают низкую степень социального доверия, препятствуют гражданскому единению россиян. Для того чтобы современное российское общество стало хорошим (достижимым, стабильным, безопасным и т.п.), необходимо ограничивать применение языка вражды и риторики ненависти. И если прямое влияние на риторику ненависти есть далеко не у каждого гражданина, то ограничение использования языка вражды в силах каждого.

Библиографический список

1. Кодекс профессиональной этики российского журналиста [Электронный ресурс] // Союз журналистов России. – Режим доступа: http://www.ruj.ru/_about/code_of_professional_ethics_of_the_russian_journalist.php.
2. Кученкова, А. В. Межличностное доверие в российском обществе / А. В. Кученкова // Социологические исследования. – 2016. – № 1. – С. 26–36.
3. Левенштейн, И. Шершавый язык ненависти [Электронный ресурс] / И. Левенштейн // Медианяня. – 2015. – Режим доступа: http://mediananny.com/blog_igoria_levenshteijna/2311454.
4. Рускевич, Е. Риторика ненависти [Электронный ресурс] / Е. Рускевич // ЛІВА. Интернет-журнал. – 2014. – Режим доступа: <http://liva.com.ua/ritorika-nenavisti.html>.
5. Хроменков, П. Н. «Язык вражды» как направление научного дискурса / П. Н. Хроменков // Иностранные языки в высшей школе. – 2014. – № 2 (29). – С. 60–67.
6. Etzioni A. The Good Society / A. Etzioni // Seattle Journal of Social Justice. – 2002. – Vol. 1, Issue 1. – P. 83–96.

Силантьева М. В.

Silantieva M. V.

КОНСТРУКТИВНЫЕ И ДЕСТРУКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ГРАЖДАНСКОГО ЕДИНСТВА CONSTRUCTIVE AND DESTRUCTIVE FACTORS OF CIVIL UNITY

Аннотация. В статье рассмотрены основные факторы, обеспечивающие системное взаимодействие гражданского единства в качестве интегрирующего и дезинтегрирующего вектора. Конструктивные элементы, позволяющие консолидировать общественный организм, связываются с институализацией гражданских инициатив, скрепленных идеей национального единства в ее реалистическом измерении. Деструктивные факторы, разлагающие его целостность, увязываются с экономической нестабильностью и ростом политически оформленных претензий, часто имеющих религиозные и националистические «вывески», однако по сути выступающих от лица политических идеологий, оформляющих социально-экономические претензии.

Ключевые слова. Гражданское общество, гражданское единство, конструктивные факторы гражданского единства, деструктивные факторы гражданского единства, социальная интеграция и дезинтеграция, идеологии.

Annotation. The article examines the main factors that ensure systemic cooperation of civil unity as an integrating and disintegrating vector. Components that allow to consolidate the social organism, are associated with institutionalization of civil initiatives, fastened by the idea of national unity in its realistic dimension. Destructive factors degrading its integrity, are linked to the economic instability and the rise of politically appointed claims, often with religious and nationalist «signs», but in fact acting on behalf of the political ideologies which are making social and economic claims.

Keywords. Civil society, civil unity, civil structural factors of unity, the destructive factors of civil unity, social integration and disintegration of ideology.

Гражданское единство – идея, взятая на вооружение современной наукой, политикой и идеологией, апеллирующая к концепциям государства и права Нового времени в их «современной» и «постсовременной» интерпретации. Переход от понимания «гражданского общества» в его естественно-правовом ключе к легитимации дихотомии «гражданское общество – государство» [Общая и прикладная политология, 1997] в свое время побудил западные демократии концептуализировать идею «третьего синтеза», формулируя постулат «гражданской рациональности», гарантирующей консенсус большинства чле-

нов общества и власти. Вместе с тем, как отмечают специалисты, данный синтез не был последним: идеи Ю. Хабермаса [Хабермас, 2006; Хабермас, 2007], Э. Гидденса [Гидденс, 2004], З. Баумана [Бауман, 2002; Бауман, 2003], а также П. Бурдьё [Бурдьё, 1995; Бурдьё, 2005], Н. Лумана [Луман, 2007] и др. раскрывают гражданское общество в его «пострациональном» измерении. С точки зрения ряда отечественных специалистов гражданское общество также предстает как «сложное» (С. А. Кравченко [Кравченко, 2012]), внерационально организованное, открытое постмодернистским практикам [Щипков, 2015] и потому, кстати, требующее преимущественно качественных, а не количественных методов оценки.

Проблема, таким образом, состоит в поиске релевантной методологии, позволяющей описать ведущие сюжеты социальных трансформаций, выявляющих конструктивные и деструктивные факторы национального единства как определяющей характеристики гражданского общества. В качестве такой методологии способна выступить, на наш взгляд, философская компаративистика, ставящая вопрос о сопоставлении различных моделей общественного устройства сквозь призму вопроса о сущности, цели и смысле тех сюжетов, которым посвящено аналитическое исследование (Кравченко И. И. [Кравченко, 2001]).

Не вдаваясь в подробности тех нюансов, которые разделяют сегодня отечественных специалистов в вопросах о судьбах гражданского общества в России, хотелось бы перейти к рассмотрению структурных элементов данной конструкции (во многом идеологической, что позволяет парадоксальным образом отнести гражданское (или «прото»-гражданское) общество нашей страны к «постсовременному» социальному формату). Причем, в поле внимания должны попасть, согласно заявленной теме, прежде всего те «узлы» данной конструкции, которые представляют собой наиболее прочные и наименее прочные ее сегменты.

Начнем с наименее прочных. Прежде всего, условием деструктивных тенденций, [Рябев, 2010] с точки зрения традиционалистского сознания (во многом определяющего жизненный мир рядового гражданина, ищущего опору в «национальных ценностях» и «традиции»), является падение экономики и «излишняя» социальная мобильность [Глаголев, Силантьева, 2010]. Проще говоря, речь идет о «внутренней» трудовой миграции (переселенцы) и относительно росте миграционных (в строгом смысле, внешней миграции) потоков, связанных преимущественно с притоком граждан других государств.

И в самом деле, найдется достаточно аргументов для того, чтобы показать рост социальной напряженности в тех регионах РФ, где данные процессы имеют основания развернуться в полной мере. К таким регионам относятся, прежде всего, экономически благополучные, климатически благоприятные и, что немаловажно в последнее время, – социально стабильные регионы центральной и южной части страны. Малопривлекателен север; немного более привлекателен восток (в основном для выходцев из КНР).

Как сказанное соотносится с «постсовременным» статусом гражданского общества в России? Надо сказать, что, как потенциальный конфликт, так и открытое противостояние миграционным процессам в рамках гражданского общества, дополняются сегодня рецессией производства и значительной диспропорцией развития сферы услуг по отношению к производственному сегменту. Государственная политика последних лет, сделавшая ставку на госзаказ (особенно в сфере оборонных производств), определяет лишь перспективу, требующего долгосрочного развития и интенсивных инвестиций. Что на фоне системных общекризисных явлений видится делом, по крайней мере, среднесрочной, а то и долгосрочной перспективы. Отсюда – парадоксальное соединение идеологии постмодерна и традиционалистского формата в рамках общей концепции «гражданского единения»: совмещать приходится очень разные традиции, и поиск их соизмеримости все равно выводит на «нетрадиционное» понимание «общего» как формального права и единой политической воли.

Таким образом, «слабое звено» идеологии гражданского единства оборачивается его «сильным звеном»: в нашей разности наша сила. Подобное «антифашистское» в прямом смысле решение, трактующее социальную солидарность как «единство непохожих», принадлежит, как известно, вовсе не Аристотелю, но то ли С. Льюису, то ли Н. Трауберг, то ли вовсе неизвестному автору рекламного слогана, украшавшего в недавнем прошлом московское метро. Однако именно этот подход, вероятнее всего, является наиболее приемлемым для России – страны, исторически соединившей «непохожих» в то политическое и культурное единство, которому сегодня предстоит решить две насущных задачи, ссылающихся друг на друга: создать устойчиво развивающееся единое экономическое пространство и укрепить единство политической воли, его скрепляющей (что возможно при органическом и не гипертрофированном укреплении этнонациональных составляющих политического единства

в их центростремительном векторе). Спрашивается, есть ли тут место гражданскому обществу, изначально заявленному как «неполитическое» единство граждан? Оказывается, современный научный дискурс на Западе не противопоставляет политику и гражданское общество, подчеркивая зависимость одного от другого. Примером здесь может служить феномен «доверия» к власти, носящий явно неполитический характер, но вторгающийся в сферу политического [Väck & Christensen, 2016].

В области экономики рецептов на сегодняшний день существует много, однако наиболее реалистические из них опираются на идеи дистанцирования от «жадных» развитых экономик при стремлении сохранить все те «плюсы», которые можно извлечь из сотрудничества с ними. Пример подобной «агрессивной» национальной экономики демонстрирует сегодня Китай, системно внедряющий своих специалистов (с выгодой для себя) практически во все перспективные национальные и транснациональные проекты. Плохо, что «жадные экономики» не всегда готовы к такому формату сотрудничества с Россией. Здесь стоило бы поучиться гибкости у восточного соседа, вместо того чтобы безоглядно призывать его цивилизационные парадигмы «на царство» в своем доме.

Также здоровой представляется идея долгосрочности предстоящего экономического демарша: чуда не будет, но в результате упорного труда можно многого достичь.

С этим связана политическая сторона вопроса об укреплении гражданского единства не путем продвижения популизма и имиджевых технологий, по сути всегда симулятивных; но путем добросовестного построения реалистических программ, реализация которых способна сплотить общество в его «одухотворенном потреблении». Именно такое потребление, по сути, и лежит в основе организационной деятельности государства. Гражданское общество, не противостоящее государству и вместе с тем не вторичное по отношению к нему, может опираться на осмысленные проекты, продвижение которых уместно подкреплять осмысленными стимулами, – такими, как разумный рост зарплат и социальных выплат *в случае производственного роста* и достижения определенных показателей. Гражданское единство в этом случае цементируется не только внешними ресурсами (сила государственной машины, реализующей властные полномочия бюрократии [Бурдые, 2005] и элит [Силантьева, 2012]), но и ресурсами внутренними (умеренный «энтузиазм миллионов» как следствие

разумной политики, отлаженное средствами «обратной связи» функционирование социальных институтов и др. [Соловьев А., 1996]).

«Идеологии» в данном контексте стоит рассматривать, следуя традиции раннего К. Маркса (о чем обстоятельно пишут отечественные авторы [Соловьев Э., 2001], как «выродившиеся идеи», идеи, потерявшие свою оформляющую (в социальной проекции организующую и мобилизующую) силу. С этой точки зрения никакая религиозная [Островская, 2009] или националистическая [Силантьева, 2016] «вывеска», предложенная той или иной «деструктивной» группой, не должна обманывать – за религиозными и националистическими лозунгами неизбежно стоит групповой интерес. Рассуждения об «эрозии» экономической почвы [Бауман, 2003] видятся в этой связи несколько лукавыми: не только государство стоит на экономической почве [Dubb, 2015]; человек даже не в смысле «гражданин» – тоже «экономичен» [Силантьева, 2014].

Отдельного рассмотрения заслуживает, конечно, вопрос о роли «конструктивных» движений, выступающих от лица дезинтеграции, ведь *полисогenez*, как и *этногenez*, идет именно таким путем. Однако опыт дезинтеграции СССР (как «встречный» опыт интеграции ЕС, стран БРИКС и АТЭС) наглядно показывает преимущества социально-политических союзов. Впрочем, об их «минусах» он тоже говорит весьма убедительно, как показал недавний «Брекзит» – выход Великобритании из Евросоюза. Это подтверждает тезис о том, что гражданское общество в современной интерпретации, не противостоит политике, находясь с ней в сложной диффузной связи [Силантьева, 2012]. Однако и «диффундировавшая политика» может как объединять, так и разобщать. В любом случае, разумное объединение социально значимых действий усиливает, а не ослабляет [Подберезкин, 2012]. Границы такого объединения заданы как внешними гражданскому обществу (политика и экономика), так и внутренними по отношению к нему (национальная психология и национальная идеология, раскрытые на уровне группы и личности [Резник, 2002]) факторами.

Итак, идеологема «гражданского единства» относится к числу «нетоксичных» и с этой точки зрения не попадает в разряд «слабых идей». Однако сам поиск «национальной идеи» [Соловьев Э., 2001], очевидно, серьезно дискредитировавший себя за последнее время как раз стремлением подменить консервативными либо либеральными лозунгами реальную организационную работу, естественным образом порождающую ценности и смыслы, способные

привлечь симпатии граждан и объединить их усилия, продемонстрировал несостоятельность попыток искусственно конструировать некую идентичность [Каргина, 2014]. Ее конструирование – процесс, сопровождающий социокультурное созревание социума [Торкунов, 2006; Торкунов, 2016], невозможное без решения «экономического вопроса». Здесь нельзя согласиться с теоретиками «постмодернистской гражданственности», говорящих о размытости и необязательности «экономического фундамента» гражданского общества и подменяющих его «культурой» и «идеологией». Будучи связаны, материальные и нематериальные факторы социального развития, действительно, ссылаются друг на друга. И, поскольку «надо с чего-то начинать», имеет смысл предложить развернутую, перспективную и реалистическую социально-экономическую программу. Ее идеологическое обеспечение уже стихийно формируется в «борьбе интерпретаций», создающих перспективу диалога как формы сопровождения направленных социальных транзакций. Такие транзакции вовлекают в свою реализацию не стихийно либо целенаправленно сложившиеся группы, слепо стремящиеся к достижению своих интересов, – но формируют ответственных граждан, способных грамотно соотносить личное и общественное. Думается, обращение России к до конца не пройденному ею этапу «рациональной гражданственности» – от «естественной», «легитимной» и «постсовременной» моделей гражданского общества – позволит ей реализовать свое будущее с преобладанием конструктивных, а не деструктивных факторов гражданского единения.

Библиографический список

1. Бауман, З. Законодатели и толкователи: Культура как идеология интеллектуалов / перевод с английского Светланы Силаковой // Неприкосновенный запас. – 2003. – № 1 (27).
2. Бауман, З. Национальное государство – что дальше (фрагмент) / пер. с англ. Григория Дашевского под редакцией Светланы Баньковской // Отечественные записки. – 2002. – № 6.
3. Бергер, П. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
4. Бурдьё, П. Социология социального пространства / пер. с фр., общ. ред. Н. А. Шматко. – СПб.: Алетейя.; М.: Ин-т эксперим. социологии: Алетейя, 2005. – 288 с.
5. Гидденс, Э. Ускользящий мир / Э. Гидденс. – М.: Весь Мир, 2004. – 120 с.

6. Глаголев, В. С., Силантьева М. В. Религиозно-культурное пространство европейской России: факторы динамики традиций и традиции динамики / В. С. Глаголев, М. В. Силантьева // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2010. – № 2. – С. 131–140.

7. Каргина, И. Г. Социологические рефлексии современного религиозного плюрализма: монография / И. Г. Каргина; Моск. гос. инт-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. социологии. – М.: МГИМО–Университет, 2014. – 277 с.

8. Кравченко, И. И. Концепция гражданского общества в философском развитии / И. И. Кравченко // Политические исследования. – 2001. – № 5. – С. 120–129.

9. Кравченко, С. А. Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности : монография / С. А. Кравченко. – М.: МГИМО-Университет, 2012. – 306 с.

10. Луман, Н. Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. И. Д. Газиева; под ред. Н. А. Головина. – СПб.: Наука, 2007. – 648 с.

11. Общая и прикладная политология: учебное пособие. / под общей редакцией В. И. Жукова, Б. И. Краснова. – М.: МГСУ; Изд-во «Союз», 1997. – 992 с.

12. Островская, Е.А. Онтология религиозного конфликта: транснациональная коммуникативная сеть / Е. А. Островская // Хора. Журнал современной зарубежной философии и философской компаративистики. – Курск, 2009. – С. 166–176.

13. Подберезкин, А. И. Национальный человеческий капитал. В 5 т. / А. И. Подберезкин. – М.: МГИМО-Университет, 2012.

14. Резник, А. Личность и гражданское общество: опыт теоретического осмысления / А. Резник // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2002. – Т. 3. – С. 69.

15. Рябев, В. В. Гражданское общество современной России: проблемы и перспективы становления / В.В. Рябев // Вестник Мурманского государственного технического университета. – 2010. – Т. 13. – №. 2. – С.439–445.

16. Силантьева, М. В. Диффузная идентичность – современная версия гражданской идентичности / М. В. Силантьева // Вестник МГИМО Университета. – 2012. – № 2. – С. 173–179.

17. Силантьева, М. В. Компаративный анализ ревитализации национально-культурного мифа в религиозном измерении: Россия vs Западная Европа /

М. В. Силантьева // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2016. – Т. 16. – С. 48–64.

18. Силантьева, М. В. Метаморфозы социальных организмов в свете трансформации культурных границ: глобальные следствия модернизационных процессов / М. В. Силантьева // Вестник МГИМО Университета. – 2012. – № 6 (27). – С. 206–210.

19. Силантьева, М. В. Новые принципы «философии границы» в глобальном мире: десуверенизация или «постсуверенизация» / М. В. Силантьева // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 3. – С. 8–26.

20. Соловьев, А. И. Три облика государства – три стратегии гражданского общества / А. И. Соловьев // Полис. – 1996. – № 6. – С. 29–38.

21. Соловьев, Э. Ю. Секуляризация–историцизм–марксизм: тема человекобожия и религии прогресса в философской публицистике С.Н. Булгакова / Э. Ю. Соловьев // Вопросы философии. – 2001. – № 4. – С. 31–37.

22. Торкунов, А. В. По дороге в будущее / А. В. Торкунов. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. – 552 с.

23. Торкунов, А. В. Российская модель демократии и современное глобальное управление / А. В. Торкунов // Международные процессы. – 2006. – Т. 4. – № 10. – С. 21–29.

24. Хабермас, Ю. Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видения мира, ценностей и теорий / Ю. Хабермас // Социологические исследования. – 2006. – № 1. – С. 45–53.

25. Хабермас, Ю. Техника и наука как «идеология» / Ю. Хабермас. – Праксис, 2007. – 208 с.

26. Щипков, В. А. Трансформация дискурса пространства: от традиционного общества к эпохе постмодерна / В. А. Щипков // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – №3 (32). – С.76–84.

27. Dubb, Steve. Communities Building Their Own Economies / Stanford Social Innovation Review. 18.08.2015. URL: http://ssir.org/articles/entry/communities_building_their_own_economies (дата обращения 26.06.2016).

28. Maria Bäck & Henrik Serup Christensen. When trust matters—a multilevel analysis of the effect of generalized trust on political participation in 25 European democracies // Journal of Civil Society. Volume 2, Issue 2, 2016, pp. 178–197.

Степанова И. Н.
Stepanova I. N.

РАСКОЛ КАК ФОРМА РАСШАТЫВАНИЯ ЕДИНСТВА РОССИЙСКОЙ НАЦИИ

SPLIT AS A FORM OF LOOSENING RUSSIAN NATION UNITY

Аннотация: *Статья посвящена анализу концепции большого общества А.С. Ахиезера, в которой особенностью России считается раскол культур и социальных отношений. Автор статьи считает раскол причиной расшатывания единства российской нации.*

Ключевые слова: *большое общество, раскол, российская нация.*

Annotation: *The article analyzes A. S. Akhiezer's concept of a large society, which considers cultures and social relations split as a peculiarity of Russia. The author believes the split to be a cause of loosening of Russian nation unity.*

Key words: *big society, split, Russian nation.*

В начале 90-х гг. XX в. А.С. Ахиезером была разработана новая концепция российской истории, в которой был проанализирован ход развития России как большого общества. К его элементам ученый относил культуру и менталитет народа, массовую грамотность, государство, закон, деньги, науку как некий минимум составляющих, которые образуют целое. Большое общество создается как результат различных Вызовов (по А. Тойнби): угроза гибели, завоеваний, необходимость строительства гигантских сооружений и т. д. Нравственным основанием Руси как большого общества является, по мнению А. С. Ахиезера, массовый догосударственный вечевого идеал. Когда сформировалось большое общество, этот идеал распался на соборный идеал крестьянства и авторитарный идеал элиты. Но первый не обеспечивал существования большого общества, а второй, превратившись в авторитарную власть, разрушал общество. Тем не менее «большое общество, государство в России сформировалось на основе культуры, сложившейся в общине, патриархальной семье, в любых догосударственных локальных мирах» [Ахиезер, 1998, с. 27].

Поскольку большое общество возникает в силу интеграции локальных сообществ, это создает для них в рамках нового целого дискомфортное состояние, в связи с чем возникают опасности дезинтеграции. В России эти опасности были особенно велики, потому что она создалась путем присоеди-

нения территорий с народами, имевшими разную культуру, язык, менталитет, религию, систему власти. Вследствие этого возникает состояние социокультурного раскола, т. е. «существования в одном обществе не только различных, но прямо противоположных систем смыслообразования, а, следовательно, – ценностей и действий» [Ахиезер, 1993, с. 6–7]. Понятие «раскол» применительно к России было введено Н. А. Бердяевым в работе «Истоки и смысл русского коммунизма». «Противоположения и расколы, – писал он, – достигли в России максимального напряжения» [Бердяев, 1990, с.113]. Он проанализировал ряд социокультурных расколов. У Ахиезера раскол превращается в центральное понятие, с помощью которого он исследует историю России.

Раскол проходил «трещиной» через всю историю России, то как раскол между принявшей христианство элитой и язычеством основной массы населения; то как раскол между властью московского царя и властью князей, имевших собственные княжества (Смутное время); то как раскол между Петром I, стремившимся европеизировать Россию, и боярами, защищавшими ценности традиционного общества; то как раскол между двумя частями интеллектуальной элиты – западниками и славянофилами, поддерживавшими территориально-локальные интересы крестьянских общин; то, как раскол между революционной народнической интеллигенцией и религиозной интеллигенцией; то, как раскол между царской властью и крестьянской массой (потеря доверия к царю); то как раскол между большевиками и той частью населения, которая имела иные ценности (следствием раскола было «белое движение», гражданская война, крестьянские бунты); то, как раскол между демократами 90-х гг. и основной массой населения, обнищавшей в результате реформ 90-х гг.; то, как раскол в элите между либералами и государственниками. Каждый раз использовались различные механизмы для преодоления раскола, и каждый раз он возобновлялся, превращаясь в способ воспроизводства общества.

Большевики, получив расколото общество, использовали два механизма для преодоления раскола. Первый заключался в слиянии крестьянства с революционной интеллигенцией не непосредственно, а через рабочий класс, руководимый большевистской партией, который стал социальной базой поддержки новой власти. Второй механизм заключался в использовании, по сути дела, манихейского религиозного мировоззрения, рассматривавшего мир как борьбу сил зла и добра, которое было трансформировано таким образом, что миром добра был объявлен мировой пролетариат, а миром зла – мировой капита-

лизм. Массы сплывались на основе идеологии ненависти к миру капитализма. В интерпретации В. И. Ленина, партия рефлексировала «исторически детерминированные потребности эксплуатируемых» [Бердяев, 1990, с. 11–13].

Противоположность между коммунистической идеологией партийно-хозяйственной элиты и традиционализмом крестьянских масс была устранена формированием идеологии и психологии утилитаризма как средства осуществления строительства социализма. Бердяев писал, что война и революция выдвинули новый тип человека: «Он (большевизм – И. С.) воспользовался историческим расколом между народом и культурным слоем, народным недоверием к интеллигенции и с легкостью разгромил интеллигенцию, ему не подчинившуюся. ...Россия перешла от старого средневековья, минуя пути новой истории, с их секуляризацией, дифференциацией разных областей культуры, с их либерализмом и индивидуализмом, с торжеством буржуазии и капиталистического хозяйства. ...Произошла метаморфоза: американизация русских людей, выработка нового типа практика, у которого мечтательность и фантазерство перешло в дело, в строительство, техника, бюрократа нового типа» [Бердяев, 1990, с. 115–116].

Ахиезер считал, что большевизм использовал государственный утилитаризм (превращение государства в главного управляющего всей экономикой страны) и утилитаризм интеллигенции (превращение культуры в сферу утилитарного манипулирования), а также различные порождаемые ими средства, детерминирующие социальную реальность и социальное поведение масс (коммунистическая мифология, разгром церкви и атеизация населения, массовые репрессии, партийная пропаганда и т.д.). Крах большевизма был обусловлен тем, что социальное управление свелось к манипулированию общественным сознанием и социальным поведением масс, а в культуре господствовал моральный догматизм (партийная коммунистическая мораль жестко навязывалась массам). Н. С. Хрущев инициировал в известной степени процесс дезинтеграции страны своей программой территориального управления с помощью совнархозов, которое оказалось гораздо эффективней, чем федеральное централизованное управление. Наконец, не использовался детерминированный механизм этнического разнообразия культур, которые превращались в придаток единой огосударственной социалистической культуры.

В конце 1991 г. СССР как большое общество распался, и к власти в России пришла либеральная элита, которая начала модернизацию страны по ев-

ропейским стандартам. Первоначально, в 1991 г. Ахиезер рассматривал Россию как промежуточную цивилизацию, а реформы 90-х гг. как импульс движения России *«из промежуточного состояния к либеральной цивилизации, (чтобы – И.С.) в конечном итоге превратить Россию в либеральную страну с массовой либеральной почвой»* [Ахиезер, Российский либерализм] Но даже тогда Ахиезер усматривал специфику общества в России «в существовании *раскола* – особого состояния, характеризующегося острым застойным противоречием между культурой общества и социальными отношениями» [Ахиезер, Российский либерализм], расколом общества между двумя ведущими цивилизациями – либеральной и традиционной. Но неудачные либеральные реформы привели Ахиезера к пессимистическому выводу: «Не означает ли воплощение либерального проекта не просто переход к новой технологии хозяйства, но, по сути, к новому типу цивилизации, т. е. от традиционной к либеральной. А если это так, то не превращается ли либеральный проект в некоторую абстракцию, возможно обоснованную в каких-то своих параметрах, но в наших условиях играющую роль очередного мифа» [Ахиезер, 1993, с. 19].

Слабостью русского либерализма философ считал то, что он смотрит на нашу реальность через призму опыта, сложившегося в западной реальности, что свидетельствует о его кризисе. Вопрос о сохранении России как большого общества решается Ахиезером амбивалентно. С одной стороны, подчеркивается, что раскол детерминирует такой способ решения проблемы как инверсия (быстрый переход от одной крайности к другой в форме движения исторического маятника). С другой стороны, признается наличие шанса «соединить либеральные ценности с массовыми почвенными процессами, поиск путей формирования массового почвенного либерализма» [Ахиезер, Российский либерализм].

Теория Ахиезера оценивается современными исследователями как теория переходных общественных систем, которая, кроме того, раскрывает механизм действия русской культуры. Более того, в ней усматривается пример «ситуаций, общих для стран, опаздывающих в своем развитии». И. Ионов считает положительным взгляд философа на общество «не как на твердый кристалл, а как на жидкий кристалл, способный менять свои характеристики при в общем достаточно незначительно изменяющихся внешних обстоятельствах» [Россия: критика]. Фундаментальную работу Ахиезера «Россия: критика исторического опыта» он рассматривает как форму «адаптации национального

сознания к новым проблемам, которые характеризуют процессы перехода с периферии цивилизации в ее ядро» [«Россия: критика исторического опыта»]. Существуют и другие концепции, которые рассматривают Россию как самостоятельную цивилизацию, отличную от Запада, которая в силу социокультурных причин не может превратиться в либеральную цивилизацию западного типа. Примером подобных цивилизаций считается Китай, сумевший синтезировать рыночную экономику с авторитарным политическим режимом и конфуцианской культурой.

В современной России существуют различные формы раскола в сфере социальных отношений и культуры: раскол между традиционной и либеральной цивилизацией, богатыми и бедными социальными слоями населения, национальной и компрадорской буржуазией, либеральной и государственнической элитой, русским и мусульманским этносами, христианским православием и радикальным исламом, традиционными для России религиями – христианством и исламом – и «новыми религиями». Так называемые «новые религии» исследователи делят на три группы; неохристианские, неоориенталистские и новоязыческие [см. Писманик, 2006, с. 166–185]. Все эти формы раскола расшатывают единство российской нации. Поэтому поиски способов преодоления раскола являются актуальной задачей для власти, политических партий, гражданского общества, конфессиональных сообществ.

Библиографический список

1. Ахиезер, А. С. Специфика формирования большого общества в России / А. С. Ахиезер // Религия, человек, общество: Доклады Международного научного религиоведческого конгресса (Курган, 22–24 сентября 1998 г.). Ч.1. – Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 1998. – С. 26–33.
2. Ахиезер А. С. Россия как большое общество / А. С. Ахиезер // Вопросы философии. – 1993. – №1. – С.3–19.
3. Ахиезер А. С. Российский либерализм перед лицом кризиса [Электронный ресурс] / А. С. Ахиезер // Федеральный образовательный портал ЭСМ: Экономика. Социология. Менеджмент. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/791/717>
4. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YNCA-PRESS, 1955 г. / Н. А. Бердяев. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
5. Писманик М. Г. Лекции по религиоведению: учеб. пособие / М. Г. Писманик; Перм. гос. техн. ун-т. – Пермь, 2006. – 245 с.

Стерледев Р. К., Стерледева Т. Д.
Sterledev R. K., Sterledeva T. D.

**ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА РОССИЙСКОЙ НАЦИИ
(ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД)**
**THE PROBLEM OF UNITY OF RUSSIAN NATION
(THEORETICAL APPROACH)**

Ключевые слова: единство российской нации, идеология, идея, соборность.

Key words: unity of Russian nation, ideology, idea, collegiality.

Единство нации как проблема существовала во все времена и во всех государствах, но особенно она обострялась в критических ситуациях, когда под угрозу становилась целостность страны, ее независимость и т.д. Поэтому данная проблема всегда привлекала к себе внимание исследователей, изучавших ее в разных аспектах и под разными наименованиями, например, поиск национальной идеи, проблема единства нации и т.д. Сложности данной проблемы заключались в том, что теоретические исследования часто велись абстрактно, без достаточно конкретного социального наполнения, в то время как проблема единства нации требует теоретической конкретизации.

Проблема единства нации может быть конкретизирована в различных аспектах. Первый аспект единства нации – единство в военном отношении. Этот аспект проблемы включает в себя создание условий либо для защиты, обороны страны, либо для завоевания новых территорий. Второй аспект единства нации связан с социально-экономическими задачами жизни нации, с социальным строительством. Третий аспект единства – сплоченность нации для решения какой-то угрожающей экологической проблемы, например, противостояние какой-то экологической катастрофе.

В настоящий момент Россия находится в сложной ситуации, связанной с обострением экономических и политических проблем. Выход же из этой сложной ситуации во многом зависит от уровня и качества единства и сплоченности российской нации. Сегодняшняя ситуация в России во многом осложняется тем, что Россия не имеет четко выраженной идеологии. Например, неясно,

какое общество строится в России. Во всяком случае, четко это не озвучено. За время перестройки и постперестроечного периода российский народ во многом разочаровался в капитализме. Поэтому сейчас все сильнее в обществе начинают проявляться ностальгические настроения по утраченному прошлому. Народ все еще помнит завоевания социализма: бесплатную медицину, бесплатное образование, социальная защищенность личности и т.д. Кроме того, высокая степень неравенства в российском обществе также не способствует единению нации. В результате этого, искать национальную идею в рамках российского социального строительства пока сложно.

Поэтому остается иной вариант укрепления единства нации – единство на базе сплоченности для защиты от внешних врагов. Запад и Соединенные Штаты всегда угрожали России. Только угроза эта осуществлялась в двух вариантах: либо в мягком варианте, когда Россию пытались, так сказать, мирным путем подчинить себе и расчленить ее территорию, либо в жестком варианте – когда угроза России носила явно выраженный военный характер. И в этом смысле патриотическое воспитание является тем способом, который может на данном этапе сплотить российскую нацию. Однако, при этом необходимо помнить, что единение на базе обороны страны выполняет свою функцию только на какой-то определенный отрезок времени. Поэтому проблема единства нации на базе идеи построения справедливого общества неизбежно рано или поздно снова встанет. В такой ситуации какая-то определенная религия или совокупность религий может выступить как та духовная сила, которая позволит сплотить нацию для построения действительно справедливого общества. Именно религия, поскольку она дает возможность объединить людей независимо от их экономического и социального положения, которое в обычных ситуациях разъединяет людей.

В русской философии есть понятие соборности. Оно появилось в начале XX в. и было наполнено конкретно историческим содержанием того времени. Однако, понятие «соборность» можно понимать по-разному. В одном из вариантов понимания соборность означает объединение людей вокруг духовного центра. Вся история XX в. показала, что нация становится сплоченной, когда имеются два центра руководства: во-первых, социально-политическое руководство и, во-вторых, духовное руководство, которые, взаимодействуя друг с другом, создают некую целостность, которая и дает новое качество, объеди-

няющее коллективы. Когда Гитлер в 1941 г. напал на Советский Союз, он и его окружение полагали, что недовольство сталинской политикой, а также теми ошибками, которые допустило советское руководство в предвоенные годы, приведет к тому, что в тылу Советского Союза возникнет мощное антигосударственное движение и эта «пятая колонна» ударит в «спину» Советской армии. Однако такого не случилось. Новая историческая общность «советский народ» выдержала испытание Великой Отечественной войной. Мы не хотим здесь защищать коммунистическую идеологию, но факт налицо: коммунистам удалось создать единую общность именно благодаря единству политического и духовного руководства. Большую помощь здесь оказала сама общественно-политическая ситуация, которая поставила перед советским народом две задачи: во-первых, освобождение родины от фашистской оккупации и, во-вторых, восстановление народного хозяйства в послевоенное время.

В настоящий же момент одного общественно-политического руководства явно недостаточно. И ставка должна быть сделана на духовный компонент, а именно на религию ибо других сил, которые взяли бы на себя духовное руководство в стране, в данный момент нет. Мы подчеркиваем, что речь идет именно о духовном руководстве, а не об общественно-политическом. Безусловно, проблема эта очень деликатная. Церковь у нас отделена от государства и здесь крайне нежелательны перегибы ни в ту, ни в другую сторону, то есть нежелательно ни подчинение церкви государству, ни подчинение государства церкви. Как показывает опыт Италии, подчинение государства церкви ни к чему хорошему не приводит. Интересно отметить, что американский ясновидящий Э. Кейси еще в 40-х гг. XX в. отмечал, что спасение миру придет из России и связано оно будет с духовным фактором. С каким именно, он не уточнил. Но Россия всегда сильна была именно духовностью, которая всегда выступала главным элементом ее восстановления после социальных катаклизмов и ее побед.

Суслов М. Г.
Suslov M. G.

СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ ДЛЯ ЕДИНСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

CONTEMPORARY THREATS FOR UNITY OF RUSSIAN FEDERATION

Аннотация: В статье выявляются современные угрозы единству Российской Федерации как государству. Дается характеристика внешних и внутренних угроз и факторам их порождающим. Показано влияние глобализации, мировых экономических кризисов на процессы дезинтеграции, национальных движений, которые несут новые угрозы единству государств и народов.

Ключевые слова: вызовы для России, старые и новые угрозы, характеристика внешних и внутренних угроз современной России.

Annotation: The author consider some aspects of contemporary threats of Russia as a unified, federal state. The Issue describes the external and internal dangerous and reveals some factors that give rise to them. In particular, the article investigates influence of globalization and the world economic crisis on the disintegration processes, increase of national movements, which themselves are new threats to the multiethnic countries and their peoples.

Keywords: global problems of Russia, old and new threats, characteristic of modern external and internal threats to Russia.

О современных угрозах для единства Российской Федерации писать можно очень много. Этим угроз много извне и еще больше изнутри. Одно перечисление этих угроз может занять много места и времени. Если сравнивать угрозы советского и постсоветского времени, то можно отметить, что в советское время было больше угроз извне. В современной России больше угроз внутреннего порядка, хотя гораздо опаснее угрозы извне.

Когда должностные лица Соединенных Штатов Америки заявляют, что на карте мира не должно быть государства под названием Россия, когда американские военные делают достоянием всей мировой общественности стратегию глобального молниеносного удара, направленного против России, названной в числе трех самых главных угроз мировой цивилизации, т. е. терроризма и эболы, – то можно понять, что это не просто угроза единству, а это реальная угроза существованию нашего государства и нашего народа.

Эта угроза порождена новой стадией развития мировой цивилизации и задачами, которые поставили ведущие страны мира на современном этапе. К сожалению, ни власти, ни ученые пока не дают понять о мере осознания ими этой весьма и весьма серьезной угрозы.

К числу внешних угроз следует отнести и процесс глобализации [Паздерин, 2003]. Этот процесс носит объективный характер, но влияние на него субъективного фактора, т. е. политиков и государств, желающих ускорить процесс глобализации и провести его по разработанному ими сценарию, включает не только давление, но и насилие, в том числе и военное, в отношении тех, кто не может или не желает принимать этот сценарий.

Кроме того, глобализация и сама по себе несет угрозы странам второго и третьего эшелонов капиталистического развития [Стиглиц, 2003], поскольку их пониженная конкурентоспособность порождает проблему неэквивалентного обмена товарами и услугами с развитыми и более сильными государствами, что создает в этих странах острые социально-экономические проблемы, чреватые расколами и борьбой.

Глобализация, как явление, глобализирует очень многие процессы и явления в современном мире. Ярче всего это проявляется в терроризме и нарастающих миграционных потоках. Если на стадии восходящего капитализма терроризма, можно сказать, не было или были самые примитивные формы в виде движения луддитов в Англии, то на второй стадии терроризм дает о себе знать в рамках многих национальных государств.

На новой стадии развития капитализма, в условиях глобализации, терроризм приобретает международный характер. Поскольку очаги международного терроризма располагаются вблизи российской территории, то терроризм будет представлять серьезную угрозу России и единству ее народов в ближайшем будущем и в далекой перспективе.

Процессы в области геополитики тоже указывают на нарастающие внешние угрозы. США, НАТО, их союзники и сторонники прилагают немало усилий для организации «цветных революций» [Мусаелян, 2012], для создания очагов напряжения и реальных конфликтов вдоль границ нашей страны.

События на Ближнем Востоке, в Средней Азии и вдоль западных границ России указывают на применение стратегии «анаконды» [Комлев, 2014], опоясывающей нашу страну кольцом недружественных, враждебных и агрессивных государств, с целью удушения России.

Введенные и не снятые еще санкции против нашей страны, как и все перечисленное, порождают неоднозначную реакцию и неоднозначное отноше-

ние к происходящему не только в разных слоях отечественной элиты, но и в массах российских граждан. Это различие обозначает расхождение и вероятный раскол единства российского общества.

К числу серьезных факторов, которые могут влиять на раскол, следует отнести мировые экономические кризисы [Суслов, 2015]. Происходившие в нашей стране в недавнем прошлом процессы включили стартовый механизм для целой череды глобальных мировых экономических кризисов, которые пойдут один за другим и от которых не сможет уберечься и сама Россия. Прямо и косвенно мировые экономические кризисы будут оказывать негативное воздействие, дестабилизировать обстановку и порождать угрозу единству страны и общества.

Что касается внутренних угроз единству, то они таятся в социально-экономической, политической, национальной, конфессиональной и других сферах. По данным академика Т. Заславской, после развала СССР в России было 75 социальных групп со своими групповыми интересами. Если к этому прибавить расслоение общества на бедных и богатых, то угроз единству окажется достаточно много. Только гибкая и грамотная политика власти согласования интересов социальных групп может предотвратить острые формы борьбы между ними.

Политический фактор, связанный с многопартийностью, так же представляет угрозу единству. В постсоветской России насчитывалось более 500 политических партий, т. е. больше, чем в 120 странах мира вместе взятых. Это очень разные политические партии: от анархистов до монархистов, от коммунистов до фашистов. Они представляют межсистемную, внесистемную, системную и несистемную оппозицию, что означает не только угрозу раскола, но и реальный раскол одним фактом своего существования.

Если первые два вида оппозиции реальной угрозы власти и обществу не представляют, то взаимоотношения власти и несистемной оппозиции строятся по принципу «кто – кого», т. е. либо власть уничтожит несистемную оппозицию, либо несистемная оппозиция уничтожит власть и политическую систему. При наличии несистемной оппозиции речь идет не просто о расколе общества, а о борьбе на поражение. Индикатором этой борьбы являются репрессии.

Поскольку в России нет массовых репрессий, то можем утверждать, что пока не существует и сколько-нибудь значимой по силе несистемной оппозиции. Но это сегодня. В связи с мировыми экономическими кризисами, которые пойдут один за другим, ситуация в мире, в отдельных странах и в России в том числе, может и будет ухудшаться, что повлечет недовольство и борьбу, а это изменит ситуацию и появление несистемной оппозиции может стать реальностью.

Фактором угрозы единству российского общества является и религиозный фактор. Россия многоконфессиональное государство, в котором представлены все основные религии. Если традиционно власти удавалось и удается поддерживать межконфессиональный мир, то в рамках самих религиозных конфессий зачастую идет борьба, а то и война. Между суннитами и шиитами Ирана и Ирака почти десять лет шла война. Сложны отношения между суннитами, шиитами и ваххабитами в рамках отдельного государства, в том числе и в России. Многоконфессиональность сама по себе несет потенциальную угрозу раскола и борьбы, разрушающей единство общества и государства.

Не менее сложен национальный вопрос [Мусаелян, 2010]. Россия – многонациональное государство и многие века удавалось поддерживать межнациональный мир. В царской России этого удавалось достигать потому, что коренные народы России имели крайне низкий уровень национального самосознания и лишь в редких случаях власти приходилось сталкиваться с открытыми проявлениями национальных движений. В советское время это удавалось достигать во многом за счет очень грамотной и гибкой национальной политики, но и это не исключало межнациональные противоречия [Суслов, 2011].

В современной России все очень заметно усложнилось. С переходом к рынку и капитализму начинается быстрый рост национального самосознания у многих народов России. Рост национального самосознания порождает запрос на свое национальное государство. Постсоветская Россия уже сталкивалась не только с потребностью своего национального государства, но и с вооруженной борьбой некоторых народов за создание такого независимого государства.

Угрозы единству Российской Федерации кроются и в национальных движениях. Три этапа национальных движений прошлого уже известны науке. В настоящее время мир вступает в четвертый этап национальных движений, который предстоит изучить. На этом этапе будет обозначать себя тенденция формирования этнически чистых государств. Сразу оговоримся, что нигде и никому не удастся создать этнически чистое государство, но тенденция будет набирать силу, создавая угрозу реальных расколов единства. Наличие данной тенденции будет проявляться в этнических чистках.

Факты этнических чисток сегодня фиксируются в очень многих странах мира, в том числе и в России. Если в России это отдельные немногочисленные проявления, то на Украине и в Прибалтийских республиках этнические чистки в разных формах проводятся на государственном уровне и в масштабах всей страны. Для этого используют ограничение использования русского

языка, закрытие «русских» школ, введение высокой платы за получение гражданства и вида на жительство и т. п. меры.

Тенденция формирования этнически чистых государств больше всего будет касаться многонациональных государств и будет проявляться не только на общегосударственном, но и на региональном уровне, на территориях проживания коренных народов или этнических общностей. Это потребует от государственной власти предельной аккуратности в решении всех вопросов и особенно национального. К сожалению, эта тенденция будет набирать силу и сохраняться десятки лет, что делает угрозу единству перманентной.

Следует отметить как угрозу единству множества стран мира, в том числе и России, проявление одной из двух глобальных мировых тенденций – интеграции и дезинтеграции. Если процесс интеграции в редких случаях может представлять угрозу единству (когда какая-то часть общества будет не согласна на интеграцию), то другая тенденция – дезинтеграции будет представлять серьезную угрозу единству очень многих стран.

В современном мире дезинтеграция проходит на двух основах: на национальной и социально-экономической. О национальной уже написано. Дезинтеграция на национальной основе будет касаться только многонациональных государств, а вот дезинтеграция на социально-экономической основе может коснуться каждого государства, в том числе и мононационального [Гранин, 2015].

Эта тенденция проявлялась или проявляется в ряде стран: в Италии, Испании, Франции, Великобритании, США, Канаде и других странах. Данная тенденция связана с неравномерностью социально-экономического развития в том или ином государстве, с различиями в уровне и качестве жизни народов или жителей целых регионов. К примеру, «Лига севера» в Италии требует отделения Севера Италии от Италии. Промышленно развитой север не желает дотировать бедный юг и своей борьбой за отделение создает серьезную угрозу единству Италии.

Учитывая неравномерность развития субъектов Российской Федерации и разный уровень жизни граждан в разных регионах, угроза единству страны может быть реальной. В 1990 г. Б. Н. Ельцин в своих статьях высказывал идею разделения России на семь республик: Дальневосточную, Сибирскую, Уральскую, Поволжскую и т. д. Эта идея встретила негативную реакцию населения, и Ельцин больше к ней не обращался.

Вслед за Ельциным губернатор Свердловской области Э. Россель предлагал создать «Уральскую республику». Президент Б. Ельцин в жесткой форме пресек эту попытку. Тем не менее, эта идея может возродиться вновь в

любом другом регионе, что создаст реальную угрозу единству России как государства.

Как видим, многие факторы могут влиять на появление угрозы целостности государства и единства российского общества. Лишь взвешенная, научно обоснованная политика государственной власти может ослабить или снять угрозы раскола общества и распада Российской Федерации. Очень важным представляется обращение органов государственной власти к научным наработкам прошлых времен и стимулирование более активного исследования новых глобальных и региональных процессов в разных сферах жизни Российской Федерации и мирового сообщества.

Библиографический список

1. Гранин, Ю. Д. Сохранятся ли «национальные государства» в XXI веке? / Ю. Д. Гранин // Свободная мысль. – 2015. – № 2. – С. 65–80.
2. Комлева, Н. Украинский кризис как элемент «тактики анаконды» / Н. Комлева // Вестник российской науки. – 2014. – № 3. – С. 191–206.
3. Мусаелян, Л. А. Национальный вопрос в России: опыт прошлого и некоторые аспекты его современного политико-правового решения / Л. А. Мусаелян // Вестник Пермского университета. – 2010. Вып. 4 (10). Серия: Юридические науки. – С. 32–48.
4. Мусаелян, Л. А. О законах истории, цветных революциях и возможности белой революции в России / Л. А. Мусаелян // Вестник Пермского университета. Серия «Философия, психология, социология». – 2012. – Вып. 3. – С. 5–16.
5. Подзигун, И. М. Глобализация как реальность и проблема / И. М. Подзигун // Философские науки. – 2003. – № 1. – С. 5–16.
6. Подпрятков, Н. В. Межнациональные противоречия и причины роста национализма в СССР в 50-е – 80-е годы / Н. В. Подпрятков, Р. А. Соловьев, М. Г. Суслов // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2011. – № 2. – С. 23–26.
7. Стиглиц, Дж. Глобализация: тревожные тенденции / Дж Стиглиц. – М.: Национальный общественно-научный фонд, 2003. – 304 с.
8. Суслов, М. Г. Почему мир вступает в эпоху новых глобальных и глубоких экономических кризисов / М. Г. Суслов // Журнал «АНТРО: Анналы научной теории развития общества». – 2015. – № 1. – С. 115–125.

КУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГРАЖДАНСКОГО ЕДИНСТВА

Бородина Е. А.
Borodina E. A.

СОВРЕМЕННОСТЬ ФОЛЬКЛОРА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ PRESENT OF FOLKLORE: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES

***Аннотация:** Статья посвящена вопросам изучения фольклора современности. Анализируются разные подходы в изучении современного фольклора, концепции и методологические подходы в изучении современного фольклора. Выдвигается предположение, что фольклор, бытующий в современных условиях, есть ни что иное, как традиционный фольклор, с присущими ему моделями, но существующий в рамках современной действительности.*

***Ключевые слова:** фольклор, традиция, современная культура, устный рассказ, постфольклор.*

***Annotation:** Article is devoted to questions of studying of folklore of the present. Different approaches in studying of modern folklore, the concept and methodological approaches in studying of modern folklore are analyzed. The assumption that the folklore occurring in modern conditions is that other, as traditional folklore, with models inherent in him, but existing within modern reality is made.*

***Key words:** folklore, tradition, modern culture, oral story, post-folklore.*

Что такое современный фольклор и что включает в себя это понятие? Сказки, былины, сказания, исторические песни и многое-многое другое – это наследие культуры наших далеких предков. Современный фольклор имеет другие формы и живет в новых условиях.

Для того чтобы искать признаки устного народного творчества в современности, нужно четко представлять себе, что это за явление – фольклор.

Фольклор – народное творчество, чаще всего именно устное; художественная коллективная творческая деятельность народа, отражающая его жизнь,

воззрения, идеалы; создаваемые народом и бытующие в народных массах поэзия, песни, рассказы, былички, легенды и т. д.

При всем своем многообразии рассматриваемые нами многочисленные примеры фольклорных сюжетов в дискурсе современного горожанина обнаруживают достаточно последовательный набор интерпретационных моделей. Сюжетные ходы, образы – все, что, казалось бы, дает простор для фантазии, обнаруживает применительно к теме фольклорных сюжетов не слишком широкий круг. Рассказчики не слишком отличаются друг от друга, свидетельствуя об осознанной или неосознанной актуальности не столько индивидуальных, сколько коллективных, фольклорных представлений. Фольклористический анализ текстов, позволяет настаивать на принципиальности тезиса о фольклорной природе сюжетов и образов в рассказах современных горожан.

Методологической основой для исследования анализа устных фольклорных текстов современных горожан, может стать концепция М. Вебера. Вебер полагает, что ценность обусловлена характером исторической эпохи, определяющей общую линию прогресса человеческой цивилизации. Иными словами, ценности, по Веберу, выражают общие установки своего времени и, стало быть, историчны, относительны. Они в концепции Вебера своеобразно преломляются в категориях идеального типа, который используется, как инструмент понимания явлений человеческого общества, поведения его членов. Понятно, что в реальной жизни различные условия приводят к тому, что общественное явление всегда будет иметь отклонение от идеального типа. Согласно Веберу, идеальный тип как методологическое средство позволяет, во-первых, сконструировать явление или человеческое действие, а в нашем случае это будет устным рассказом, как если бы оно имело место в идеальных условиях; и, во-вторых, рассмотреть это явление или действие независимо от локальных условий. Применяя концепцию Вебера, можно рассмотреть устный рассказ как явление социально историческое, в нем можно выделить закономерности, которые можно в равной степени применить как к ценностям традиционной культуры, так и для ценностей, транслируемых в культурах современных горожан [2].

Согласно концепции М. Вебера, выбирая позицию отстраненного наблюдателя, исследователь умозрительно выстраивает некие идеальные типы, модели, заключенные в рассказах современных горожан. Предположим, что

эти идеал-типические модели будут сходны с описываемыми в концепции В. Проппа структурными элементами волшебной сказки. Например, такие модели-образы как: Баба Яга, Иван-дурак, волшебный помощник, ребенок-сирота и т.д. Эти структуры можно с успехом увидеть и в устном современном нарративе. Структурно-типологический принцип описания фольклорных текстов у В. Проппа был одним из очень важных результатов, который был тогда получен и который послужил базой для последующих исследований. Не распространяя свои выводы на другие нарративные жанры, Пропп показал, что все волшебные сказки строятся по общей модели. Эта модель конструируется из динамических единиц – функций, порядок которых в сказке неизменен. Каждая функция состоит из постоянного и переменных членов: постоянным является действие, переменными – субъект действия, объект, на который действие направлено, обстоятельства действия и пр. [6].

Гипотеза нашего исследования будет заключаться в следующем – на сегодняшний день существует фольклор современности, а не современный фольклор. Суть фольклора современности состоит в переложении, трансляции моделей традиционного фольклора, существующего в условиях современной действительности.

Задача исследователя в рамках этого предположения – проследить, как устный нарратив современных горожан становится традицией. Увидеть, что характер сегодняшних фольклорных сюжетов не проспективный, а ретроспективный.

Вопрос о границах и объеме понятия «фольклор» в современных исследованиях достаточно сложный. Здесь сыграли свою роль два главных фактора: **объективный** (всегда непросто выделить в сфере культуры, общественной жизни особый, реально существующий, внутренне единый, обусловленный рядом постоянных показателей комплекс явлений) и **субъективный** (развитие науки, возникновение и смена школ и направлений, неизбежное столкновение разных точек зрения и подходов). Исходя из специфики нашего исследования (устный рассказ современных горожан), можно выделить свое определение фольклора как элемента вербальной культуры.

В самой общей форме фольклор – это слово, ставшее преданием (т. е. традицией) и в этом своем качестве закрепившееся в народном сознании. Однако предание может быть общенародным, но также и принадлежащим ка-

кой-то группе – социальной, профессиональной, региональной, возрастной и т. д. Итак, вербальный фольклор – это культурное поле, не имеющее четких границ, и оно само состоит из множества субкультур, обладающих своими конкретными особенностями, связями. И поле это, открыто.

Таким образом, фольклор – в узком ли, широком ли значении – вливается в единый поток традиционной культуры, общим качеством которой на всех стадиях ее развития является «устность». Мы можем выделить и качества фольклора, например – фольклор как общественное явление, фольклор как инструмент для конструирования и воспроизведения социальной реальности, фольклор как средство адаптации и интеграции персонального опыта на уровне социальных групп.

Из этого следует, что явления фольклорного характера могут быть обнаружены в разнообразных и типологически несходных социальных контекстах.

На сегодняшний момент существует большое количество подходов в изучении фольклора современности. Рассмотрим лишь несколько из них. Вопрос о современном фольклоре не нов, у него своя история. По необходимости кратко отмечу только главное в ней.

До 1917 г. среди специалистов господствовал взгляд, суть которого состояла в утверждении, что фольклор вступил в полосу кризиса, отмечен чертами упадка. Исключали самую мысль о достоинствах фольклора, идущего на смену прежнему. Писали о том, что частушка не художественна, что «фабричная» песня пошлая, что городской романс не фольклор, что все это не идет в сравнение с прекрасной традиционной песней, вообще, со всей давней устной поэзией. Однако были и другие мнения. В суждениях о том, что происходит с фольклором, осмотрительные исследователи не были склонны драматизировать ситуацию, а что касалось собирателей, то они неизменно говорили о *преображении* продолжающегося фольклора. Очень рано, в сущности, оформились два противоположных воззрения на судьбу фольклора. Они сохранились до сегодняшних дней, хотя с той поры время от времени видоизменялись.

После 1917 г. в суждения о судьбе фольклоре была привнесена политизация, сместившая спор в ненаучную область. В отходе от академического решения вставших перед наукой вопросов меньше всего повинны крупные ученые. Они лишь настаивали на собирании фольклора, не считая возможным уходить от исследования его новизны. Ю.М. Соколов опубликовал в из-

вестном сборнике «Художественный фольклор» программную статью «Очередные задачи изучения русского фольклора», в которой писал: «... фольклориста должны интересовать не только традиционные формы, но также и новообразования, частью, впрочем, выросшие из традиции. Это сочетание старого и нового наблюдается почти во всех видах фольклора» [7].

Собирать «новый» фольклор, отражающий революционное время, одним из первых предложил Е. И. Хлебцевич. После смерти Ленина он составил рекомендацию по сбору фольклора о вожде революции, в которой говорилось: «Если каждая эпоха отражается в произведениях отдельных писателей и в произведениях коллективного устного творчества, то тем более ярко должна отразиться Октябрьская революция, олицетворение которой массы находили в Ленине. Произведения устного творчества очень подвержены утечке, изменениям, распылению, поэтому следует поспешно приступить к собиранию произведений коллективного устного творчества масс о Ленине» [10].

В рекомендации по записи современного фольклора, подготовленной Институтом речевой культуры, говорится: «Гигантские изменения, происходящие в промышленности и сельском хозяйстве нашей страны и ведущие за собою мощные классовые сдвиги, должны вызвать в широких народных массах разнообразные поэтические отклики: песни, частушки, загадки, пословицы, поговорки, сказки, анекдоты и тому подобные рассказы. Долг науки – неустанно собирать все эти произведения, учитывая факты положительного и отрицательного отношения всех слоев населения к происходящему» [10].

В известных инструкциях 1920-х годов братьев Соколовых «Поэзия деревни» (1926) и М.К. Азадовского «Беседы собирателя» (1924) имеются советы по записи фольклора, отражающего революционные события и новый быт, однако не оговаривается необходимость записи антисоветского и контрреволюционного фольклора, хотя отмечается его существование: «Но консервативная, может быть, пожилая, а может быть, и кулацкая часть деревни по-своему откликнулась на революцию, создав бесчисленное количество легенд об антихристах-большевиках, о наступающем конце мира, о жестоком наказании безбожников, позволивших себе нарушить покой святых мощей, о комиссарах, запечатывавших церкви, о раскаянии и обращении безбожников «на правый путь веры», о пятиконечной звезде, как антихристовой печати, и т. д. и т. п.» [8].

В предвоенные 30-е годы настроения суждений о современном фольклоре резко изменилась. Постепенно сложилась политически агрессивная концепция. Какой она была, можно судить по сборнику статей «Современный фольклор». В статье «Новый фольклор» известный фольклорист М.К. Азадовский сформулировал положения, с которыми согласились многие исследователи тех лет. Считали, что фольклористика чрезвычайно обогатилась новыми материалами, которые обязывают по-новому решать «основные вопросы» науки: изменилось самое понятие «фольклор». Те же специалисты, которые, подобно дореволюционным ученым, продолжали толковать фольклор как «традиционное творчество», были объявлены отсталыми, не поспевавшими за движением научной мысли. По словам Азадовского, такие ученые оказались неспособными понять новые явления в народном творчестве, закоснели в суждениях давнего времени – признали у фольклора лишь «регрессивное значение». По мнению Азадовского и его многочисленных единомышленников, фольклор как проявление народной культуры, напротив, обладал «организующим и действенным значением»: «Современный фольклор имеет дело не только с отражениями далекого прошлого, но и с творческими произведениями, отражающими сегодняшний день, его борьбу и завоевания. Этот новый взгляд выходил за привычные рамки: совершенно отчетливо определилось активное начало в фольклоре и его живая связь с современностью» [1].

Рассмотрим дискуссии середины 50-х – начала 60-х годов. Их значение состояло, прежде всего, в том, что были отвергнуты дезориентирующие публикации. Но дискуссии, как это нередко случается, когда они затрагивают интересы большого числа участников с противоположными воззрениями на предмет спора, остановились на полпути – перед постижением специфики фольклора в его исторически менявшихся формах, хотя все вопросы своеобразия фольклора как явления культуры и художественного творчества были так или иначе поставлены. Итоги дискуссий подводили В. И. Чичеров и В.Е. Гусев. Их суждения не были лишены полемичности, но ученые настаивали на необходимости искать критерии фольклорности, утраченные в 30-е и 40-е годы. Уже то было хорошо, что произошла переоценка «новообразований», несколько не обязанных происхождением фольклору. Был поставлен вопрос о необходимости выработать четкие ориентиры в оценке разнообразных видов

массового творчества и понять исторические преобразования фольклорных традиций, не исчезающих, а обретавших новое бытие [3,9].

По этой причине вести сегодня дискуссию в альтернативных понятиях «современный фольклор» или «фольклор современности» означает искать новые методологические подходы. Вопрос состоит в следующем: необходимо решать, какие свойства присущи традициям фольклорного творчества нашего времени и чем эти традиции отличаются от давних. Речь должна идти именно о традициях, так как вне традиционного содержания и традиционных форм фольклора нет. Никаких фольклорных новообразований, свободных от традиции, в фольклоре не существует. Если в новообразованиях налицо свобода от традиции, то они не могут рассматриваться как фольклорные. Напротив, если новообразования отмечены приверженностью к традиции, даже если сама традиция изменилась, то новообразования фольклорны. И в первую очередь надо изучать новое качество традиций, понять, как они изменились.

Интересно мнение еще одного специалиста, изучающего фольклор современности, а именно песенный современный фольклор, ниже приведем цитату из статьи Михаила Лурье «Политические и тюремные песни в начале XX века. Между пропагандой и фольклором»: **«...Понятно, что и песни каторги и ссылки были песнями самой революции, и песни революции были родными на каторге и в ссылке».**

Учитывая полисемичность прилагательного «политический» и отсутствие терминологической определенности понятия «политический фольклор», словосочетание «политическая песня» может осмысляться и употребляться по-разному. Например, есть все основания называть политическими песнями как шуточные переделки Гимна СССР, имевшие широкое хождение в поздний советский период, так и многочисленные фронтовые песни времен Великой Отечественной войны, поносившие Гитлера и его приближенных».

Лурье ведет речь о вполне конкретной традиции: о песнях второй половины XIX – первых десятилетий XX века, направленных на дискредитацию существующего политического режима и ассоциируемого с ним общественно-го устройства, экономических, социальных, политических установлений и практик. В большинстве таких песен, в той или иной степени, присутствует элемент пропаганды. Нестрогими уточняющими синонимами к обозначению «политические» для этих песен могли бы стать, с одной стороны, определе-

ния «антиправительственные», «революционные», с другой стороны – «крамольные», «запрещенные». История таких песен в России восходит к известным стихотворно-песенным опытам поэтов-декабристов, которые, по сути, создали прецедент использования песни для массовой революционной агитации, особенное же распространение подобные тексты получили, начиная с 1860–1870-х годов.

Большинство таких политических песен начинались с публикации стихотворений (в основном, в зарубежных изданиях), к которым впоследствии (как правило, довольно быстро, а иногда – одновременно с сочинением или публикацией текста) подбиралась или сочинялась мелодия. Во многих случаях авторы были изначально известны, а некоторые тексты появились как переводы, переложения или «подтекстовки» песен возникших. При этом песни в основном исполнялись коллективно, авторство текстов, как правило, не актуализировалось при пении, при публикации часто не указывалось или приписывалось другим сочинителям, забывалось и путалось; тексты песен быстро теряли зависимость от исходного оригинального стихотворения, заметно варьировались, сокращались и дополнялись, на основе одного сочинялись другие, а отдельные строки и строфы переходили из песни в песню, т.е. по всем качественным показателям, были фольклорны. В кругах, где эти песни создавались и распространялись, к ним относились как к коллективному достоянию. Таким образом, в соответствии с функциями, выполняемыми в социальной среде своего бытования, и характеристиками самого бытования, эта песенная традиция может быть описана как случай фольклора субкультуры...» [4].

В 1995 году в современной науке появляется еще один термин, предложенный С.Ю. Неклюдовым – «постфольклор». Пост-фольклор как объект изучения относится к так называемой третьей культуре, которая дистанцирована и от культуры элитарной, официально санкционированной, и от патриархальной сельской ("традиционно-фольклорной"). В свою очередь, она включает гетерогенные и гетероморфные элементы – и массовую культуру как таковую, производимый профессионалами «для сбыта», и низовой фольклор, создаваемый самими носителями «для потребления». К той же области может быть отнесена и «наивная» (или «простонародная») литература.

Пост-фольклор, который возникает в городе, а затем распространяется далеко за его пределы, отличается от предшествующих устных традиций пат-

риархального крестьянства и тем более – архаических обществ. Подобно массовой культуре, он полицентричен и фрагментирован в соответствии с социальным, профессиональным, клановым, даже возрастным расслоением общества, с его распадом на слабо связанные между собой ячейки, не имеющие общей мировоззренческой основы.

Кроме того, постфольклор – опять-таки в отличие от фольклора крестьянского – как правило, идеологически маргинален, поскольку фундаментальные идеологические потребности горожан удовлетворяются другими способами, кустным традиция прямого отношения не имеющими (средствами массовой информации, в меньшей степени – кино и другими зрелищами, еще в меньшей – популярной литературой).

Как и всякая синкретическая традиция, постфольклор не существует в виде чистого репертуара текстов или обрядовых действий, и уж во всяком случае это не самодостаточный репертуар. «Низовые», официально не санкционированные культуры, составляют сложные семиотические ансамбли, включающие в себя орнаментику и содержимое рукописных альбомов, тюремные поделки (четки, шахматы, платки и пр.), настенные граффити и татуировки с их символикой, одежду и прически, украшения и жесты, «арготизированные» формы речи, «посвятительные» обряды, практикуемые у уголовников, подростков, солдат срочной службы, туристов, альпинистов и т.п. От всего этого контекста неотделима и устная словесность (т.е. собственно фольклор в узком значении этого слова) – одним явлениям она параллельна, другим синонимична, а с третьими составляет нерасторжимые комплексы.

В городской культуре формируется ряд «закрытых» традиций, порожденных потребностью в идентификации и самоидентификации членов тех сообществ, которые стремятся к культурной изоляции, что приводит к возникновению специфических культурных кодов и текстов, бытующих внутри подобных сообществ. Таковы некоторые профессиональные объединения, уголовные кланы, неформальные группы молодежи и т.д.

Однако границы любых социальных ячеек (включая, в конечном счете, и «закрытые» коллективы) неизбежно проницаемы (хотя и в разной степени). Подобная проницаемость предопределяет циркуляцию текстов постфольклора далеко за пределами породившей их среды.

Наконец, огромное значение для процессов фольклорной трансмиссии продолжает играть давняя традиция рукописных песенников и альбомов, породившая такие синтетические субкультурные формы, как тюремные, солдатские, школьные, девичьи и другие альбомы, прямо включающие тексты устного происхождения или воспроизводящие стилистические и сюжетные трафареты городского фольклора [5].

Думается, что все вышесказанное является очень важным, лежащим в основе понимания фольклора как феномена, не застывшего в архаике, а меняющегося под влиянием социальной новизны. Фольклор как явление культуры исторически непреходящ, хотя и изменчив. Возникнув в период архаики, он в последующие времена не исчезал, но многократно преображался.

Библиографический список

1. Азадовский, М. К. Новый фольклор / М. К. Азадовский // Советский фольклор. Сб. статей. – М., 1939. – С. 5, 10–25.
2. Бельцев, Л. В. Социология религии М. Вебера: критический очерк. Автореф. дисс. канд. филос. Наук / Л. В. Бельцев. – М., 1975.
3. Гусев, В. Е. Русская народная художественная культура: Теоретические очерки / В. Е. Гусев. – СПб., 1993. – С. 84–85.
4. Лурье, М. Л. Песенный фольклор как зеркало русской оппозиции / М. Л. Лурье // Антропологический форум. – 2009. – № 10. – С. 335–342.
5. Неклюдов, С. Ю. После фольклора / С. Ю. Неклюдов // Живая старина. – 1995. – № 1. – С. 4.
6. Пропп, В. Я. «Морфология волшебной сказки» / В. Я. Пропп. – Издательство: «Лабиринт», 2011.
7. Соколов, Ю. М. Очередные задачи изучения русского фольклора / Ю. М. Соколов // Художественный фольклор. Вып. 1. – М., 1926. – С. 28.
8. Фольклор России 1994 // Фольклор России в документах советского периода, 1933–1941 гг.: Сб. документов. – М.: ГРЦРФ, 1994.
9. Хлебцевич, Е. И. Массовый читатель и книга / Е. И. Хлебцевич // Труды II Всероссийского библиографического съезда. – М., 1929. – С. 212–246.

Бредихина Н. В.

Bredikhina N. V.

ХОРОВОЕ ПЕНИЕ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ МЕХАНИЗМ ЕДИНЕНИЯ СТРАНЫ В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЕ ВРЕМЯ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

CHORAL SINGING AS A SOCIOCULTURAL MECHANISM OF THE COUNTRY OF UNITY IN POST-REVOLUTIONARY PERIOD (FORMULATION OF THE PROBLEM)

Ключевые слова: социокультурный механизм, советская песня, идеология, культурная революция, хоровое пение.

Key words: socio-cultural mechanism, Soviet song, ideology, cultural revolution, choral singing.

В гуманитарных исследованиях последнего десятилетия растет интерес к культуре СССР. Этот интерес связан не столько с ностальгическими настроениями, сколько с необходимостью теоретического осмысления, в русле современного гуманитарного знания, социокультурных механизмов единого культурного пространства страны, пережившей Первую мировую и гражданские войны. Идеологическая необходимость состояла в том, что бы создать единую страну без сословных и национальных барьеров.

Следует отметить, что произошла не только социальная, но и культурная революция. Шел процесс создания новых смыслов и ценностей культуры. Безусловно, возникали новые формы культуры, но для, в большинстве своем, крестьянской страны, эстетика авангарда не всегда была приемлема. Тем временем, старые культурные формы, наполненные новым содержанием, становились действенным механизмом создания нового социокультурного поля. Дух музыки служил паролем для создания мира новой культуры. Л. Сабанеев писал: «Именно как искусство, способное организовать психику человека, музыка имеет огромное социальное значение» [Сабанеев, 1925, с.6]. Наибольшее внимание уделялось песне, поскольку именно в песенном творчестве достигается максимальное сотворчество в художественном акте, и песня как никакая другая художественная форма может объединить в едином чувстве массы. [Сабанеев, 1925]

Фундаментом для возникновения советской песенной культуры послужил хоровой еще дореволюционный ренессанс [Смирнов, 1996]. Но в послереволюционной России хоровое пение приняло на себя еще и разрушаемую рели-

гиозную традицию. В хоровом пении выражалась идея единства на новой основе. Основанием единства выступало служение общему делу, построение нового общества и, более того, сама идея построения этого общества представлялась новой сотериологией. Поэтому весьма закономерно что: «по самым скромным подсчетам, мы имеем по республике 10 417 городских музыкальных и хоровых кружков (данные ВЦСПС на 1 окт.1928 г., значительно преуменьшенные) с непрерывной тенденцией к дальнейшему количественному росту. Насколько значительна эта тенденция, можно заключить из того, что эти десять с лишним тысяч кружков на апрель 1928 г. мы имеем против 6634 кружков на февраль 1927 г. Та же статистика ВЦСПС говорит нам, что эти десять с лишним тысяч кружков объединяют около 200 тысяч членов. В деревне количество художественных ячеек доходит до 30 тысяч и охватывает свыше полумиллиона крестьян-кружковцев» [Бюллетень всероссийской музыкальной конференции (14–20 июня). № 1 М.Л. 1929. с. 3–4].

В двадцатые годы закладывается основополагающее положение всей советской культуры, а именно это «утрата инобытия». В дальнейшем мышление и поведение советских людей во многом будет определяться «неразличением имманентного и трансцендентного» [Смирнов, 2010, с. 60]. Светское повседневное, обыденное окрашивается в героические тона и получает статус сакрального. Такая перестройка мышления связана с движением к новому организованному социуму, который сам свою природу понимает как природу сакрального. Революционная хоровая песенность одновременно являлась формой нового социального бытия и реальностью, которая формирует идеи и представления людей.

Таким образом, хоровая песенная культура была социальным механизмом обретения новой социальной реальности и чувства гражданского единства, способом интеграции страны в единое целое после пережитого небывалого исторического слома.

Библиографический список

1. Бюллетень всероссийской музыкальной конференции (14–20 июня). № 1 М.Л. 1929. – С. 3–4.
2. *Сабанеев, Л.* Что такое музыка. / Л. Сабанеев. – М.: Работник просвещения, 1925. – 267 с.
3. *Смирнов, Д. В.* Первые этнографические концерты в Москве / Д. В. Смирнов // Живая старина. 1996. – № 2 (10). – С. 23–27.
4. Смирнов, И. П. Кризис современности / И. П. Смирнов. – М.: «Новое литературное обозрение», 2010. – 296 с.

Гашева Н. Н.
Gasheva N. N.

ТЕРНАРНЫЙ СИНТЕЗ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX-XX ВВ.

TERNARY SYNTHESIS IN RUSSIAN LITERATURE OF XIX-XX CENTURIES

Аннотация: В статье исследуется проявление свойственного системе русской литературы XIX-XX вв. тернарного синтеза. Фундаментальные для философии и семиологии положения переосмысливаются автором в культурологическом ракурсе. Используя опыт теоретического изучения бинарного структурирования, автор распространяет на культурный процесс принцип комплементарности, который автоматически снимает установку на иерархию полярных моделей. Тернарность русской литературы органически выявляет ее имманентную синтетичность через экзистенциальные интенции. Делается вывод о том, что для семиотических оснований динамических структур текстов духовной и художественной культуры, характерен не столько антиномический, сколько тернарный синтез, обусловленный целостной исторической и общекультурной динамикой русской ментальности.

Ключевые слова: бинарность, тернарный синтез, культурорефлективный контекст русской литературы, христианский реализм, экзистенциально-онтологический реализм, живая жизнь.

Annotation: The article deals with manifestation of ternary synthesis which is typical of the XIX-XX Russian literature system. Fundamental philosophical and semiological tenets are reconceptualized by the author in the cultural perspective. On the basis of theoretical study of binary structuring, the author examines the cultural process in the light of the complementarity principle which automatically excludes the hierarchy of dipole models. The ternary nature of Russian literature naturally reveals its immanent synthetism through existential intentions. It is inferred that the semiotic grounding of the dynamic structures of texts related to spiritual and artistic culture is characterized not so much by antinomic as by ternary synthesis determined by the integral historical and common cultural dynamics of Russian mentality.

Key words: binary principle, ternary synthesis, culture-reflective context of Russian culture, Christian realism, existential and ontological realism, live life.

Основная черта русской культуры, рефлекслируемая в исследовательской литературе, определяется чаще всего как бинарность. Однако нам представляется плодотворной точка зрения Ю. Лотмана, неоднократно обращавшего внимание на то, что при изучении культуры как непрерывно движущегося процесса

мы оказываемся «...не в центре однозначной и легко моделируемой, описываемой структуры, а в центре живого мира, который сам себя осознает, постоянно взаимодействует со своими различными уровнями» [Лотман, 1987, с.393]. В такой ситуации любое построение будет условностью описания, поскольку интересующий нас материал есть живой и не прекращающий своего движения объект, постоянно меняющийся, не являющийся чем-то самим себе равным. Отталкиваясь от идеи Ю. Лотмана о том, что русская культура XIX века, проявляя структурное единство, внутри себя делится на два различных структурных модуса: бинарную и тернарную системы, мы вместе с тем не можем согласиться с выводом ученого об их либо параллельном сосуществовании, либо противоположности (Ю. Лотман противопоставляет бинарность Ф. Достоевского и тернарность Л. Толстого), либо об уникальности только двух исключительных моментов их совмещения в творчестве А. Пушкина как начального этапа развития русской классической культуры, и А. Чехова как ее итога.

Имея в виду основные структурные закономерности дуального смыслополагания, мы стремимся исследовать внутреннее содержание и структурный принцип тернарной парадигмы, реализующейся в русской культуре XIX-XX вв. Мир духовный – территория культурных смыслов, где в результате медиации рождается срединная культура, осуществляет себя в литературных текстах XIX-XX вв. Русская литература XIX-XX вв. растворена в воздухе культуры. Ее лучшие произведения – это пристрастный полилог о судьбах России и ее культуры. Сложность «культуррефлексивного контекста» [Кондаков, 1997, с.10] определяется тем, что он является динамичным и рождается на пересечении русской литературы XIX-XX вв. с мировой культуры в целом. Можно говорить об интерактивности и несинхронности культуррефлексивного контекста, поскольку только учет многоуровневой, многосоставной коммуникации, полилога в «Большом времени» культуры [Бахтин, 1979, с.125], незамкнутости того или другого автора в своем хронотопе, открывает возможность проследить глубинную логику рождения смыслов. Плотность интеллектуальных перекличек – свидетельство общего поля, как никогда напряженного в русской культуре XIX-XX вв., доказывающего и общность проблем, и общность решений, в том числе образных. Рассматривая русскую литературу XIX-XX вв. как культурное самосознание, мы имеем в виду, что она универсально репрезентативна и, как пограничное явление, выражает ментальные ценности всей культуры. Особенность культуррефлексивного контекста, в котором развива-

ется сам принцип российского философствования XIX-XX вв., в том, что он тесно связан с вечной книгой христиан, ее пафосом, мистикой ее постижения мира. Русские писатели XIX-XX вв., придерживающиеся христианских взглядов, выдвигали концепцию человека и мира, в которой синтезировали трансцендентное и имманентное. Предполагалось, что в личности заложены два начала: «новый человек», сотворенный «Духом Святым», и «ветхий человек», влекомый ко злу. Соответственно, есть земной Иерусалим и небесный. Эти начала выступали не в виде иллюстративной схемы – они воплощались в сложных психологических комплексах, в живых человеческих характерах и конкретно-исторических, эмпирических обстоятельствах. Однако повседневное, земное сопрягалось в особой поэтической системе с Высшим началом. Из этого синтеза возникала своеобразная третья реальность, которая обосновывалась русскими религиозными философами-неоидеалистами С. Франком, Н. Лосским, С. Булгаковым. Следует говорить вообще не о двух, а о трех сферах Бытия. Одна сфера – предметный мир, то есть мир эмпирический, исторически-имманентный. Вторая сфера – мир метафизический, мистический, вечный. И третий мир – ненаблюдаемая реальность, сопрягающая земное и сверхземное, душевное и Духовное. Имея в виду подобный синтез, осуществляемый за счет творческих усилий человеческого Духа в его прямом обращении к Богу, С. Франк назвал свою философскую систему «идеал-реализмом» [Франк, 1992, с.114]. В работах И. Есаулова, М. Дунаева, А. Алексеева, А. Любумудрова закономерно актуализировался термин «духовный» или «христианский реализм» [Есаулов, 1992, с.158]. Однако при выявлении доминантных особенностей художественного сознания в литературе XIX-XX вв., необходимо иметь в виду, что стремление воплотить действительность с точки зрения вечности не обязательно связано у того или иного художника напрямую с религиозной мистикой. Вот почему более корректным было бы вести речь об экзистенциально-онтологическом реализме [Гашева, 2009, с.105]. Тернарность русской литературы органически выявляет ее имманентную синтетичность через экзистенциальные интенции. В этих рамках мир жизни располагается между добром и злом, а центром внимания оказывается мир обыденной жизни. Этот мир может оцениваться как мир пошлости, и тогда зло будет принимать облик своего обычного, каждодневного проявления, как у А. Чехова. Но он может оцениваться и как мир естественного человеческого существования, мир, который оправдан не добром и не злом, не талантом и не преступлени-

ем, не высокой нравственностью и не низкой безнравственностью, а просто своим бытием, как у Л. Толстого, А. Ахматовой, В. Набокова. Это мир пушкинского Евгения из «Медного всадника», мир героя, который не обладает ни умом, ни талантом, это мир гоголевского Башмачкина, несчастного Мармеладова. Здесь важно представление о том, что человеческое бытие на земле не нуждается во внешнем оправдании и само по себе имеет безусловную ценность. Зло мыслится как отклонение от возможностей человеческой личности, а добро как реализация их. И добро, и зло в своем одновременном слиянии находятся в человеческой личности в ее обыденном проявлении и реализуются в чистом виде в двух полярных элементах тернарной схемы. У Л. Толстого мы сталкиваемся с героями саморазвития и самооценки, и с героями существования, которые не подлежат оценке, чей мир – поэтический, он в определенном смысле лежит вне нравственных оценок, оправдан тем, чем оправдана жизнь, – фактом своего существования. Тернарная модель создает в русской литературе возможность оправдания жизнью и вносит, рядом с религиозно-этической оценкой нравственности, ее эстетическую и философскую оценку, представление о том, что бытие нравственно по своей природе, а зло есть уклонение самого человека от природы бытия. «Жизнь хороша, а мы были гадки» [Достоевский, 1978, с.297], – говорит Лиза Подростку. «Надо полюбить жизнь прежде ее смысла» [Достоевский, 1981, с.440], – истина, выстраданная Алешей Карамазовым. Отсюда – характерная для русской литературы (да и в целом для национального сознания) мысль об искажении сущностной природы человека, его «натуры» вторжением социального зла и рационализма. Бинарность и тернарность – это не параллельные тенденции, а неотделимые и взаимосвязанные аспекты единого целого культуры XIX-XX вв. Именно существование их в некоем едином целом и одновременное столкновение этих двух тенденций и создавало необходимое внутреннее разнообразие культуры, обеспечившее динамику системы как таковой. Но бинарная парадигма, порождая синтетическую структуру, реализовывалась по-разному в исторической и духовно-эстетической практиках. В истории она приводила лишь к торжеству мертвого догматизма, статики, анти-синтезу (терроризм, большевизм, революция, все виды насилия). В духовной же и художественной сфере синтетическое воплощение идеала реализовывалось в многообразных его вариантах, сохраняя свою суть и являясь мощным противовесом исторической реальности, влияя на нее, опосредованно изменяя ее.

Система русской культуры, таким образом, обладала изначально способностью саморазвития и осмысления внележащих структур в переводе на свой внутренний язык именно потому, что она была разнообразна и могла себя осознавать в формах постепенного перевода то на одну, то на другую знаковую систему. Тернарная модель в русской литературе XIX-XX вв., в отличие от бинарной, представляет собой движение мысли не от рациональной схемы, умозрения, идеи, модели к реальности (натуре), а от реальности к умозрению. Это проявляется на примерах творчества Ф. Достоевского и Л. Толстого, где реальность (натура) всегда вступает в противоречие с идеологической умозрительной схемой и представляет нечто более богатое и глубокое. Тернарная модель всегда бывает внутренне подвижна, неравновесна. Бинарные модель логически последовательны, непротиворечивы, так как исключают момент динамического синтеза и переструктурирования системы. Происхождение русских тернарных моделей противоречиво также: на общую христианскую бинарность, из которой закономерно вырастает тернарность, – накладывается противоречивое синкретическое мироощущение языческого типа, оправдывающее мир жизни как таковой. Экзистенциальная парадигма русской культуры опирается и на «идею троического единства, которое всегда существовало на Руси как идеал, воплощенный в русской святости и религиозном искусстве» [Бердяев, 1993, с.43]. Н. Бердяев обращал внимание на «экзистенциальный смысл» троичности: «Три есть священное число, потому что оно означает завершение, преодоление всякой двойственности, раздвоения...; троичность есть не только единство, но и идеальное множество» [Бердяев, 1993, с.78]. Об экзистенциальном смысле троичности писали С. Булгаков, П. Флоренский, С. Франк, кн. Е. Трубецкой [Булгаков, 1989, с.106]. В то же время, многие литературные источники XIX-XX вв. в русской культуре противопоставляют официальному христианству народную его интерпретацию, где языческое начало неразрывно с христианством. Но апелляция к язычеству – не единственный путь структурирования синтеза. И здесь, в качестве примеров, можно обращаться не только к образам языческого сознания, воплощенным в русской литературе (концепция любви и смерти в «Снегурочке» и «Грозе» А. Островского; Митенька Карамазов у Достоевского с его гимном индивидуальному бытию; мироощущение лирической героини М. Цветаевой, бунтующей против смерти, попирающей жизнелюбием законы небытия), но и к противоречию между официальным русским православием, богословием и

русской философией, и вообще всеми попытками «еретиков» от русской духовности к «реформации» в сфере церковной догматики. Любые попытки христианского инакомыслия, предполагавшие допущение мировоззренческого плюрализма, возникновение разных течений в религиозной духовности (Нил Сорский, Л. Толстой, В. Соловьев, П. Флоренский, Н. Бердяев, А. Мень) взрывали бинарную модель изнутри, актуализируя синтетическую структуру. Мы рассматриваем их (все они самобытны и не тождественны) не как исключения, а как закономерные этапы на пути самоопределения и самовыявления русской духовности, ее сложного, многосоставного синтетически становящегося смыслополагания.

Тернарные модели Л. Толстого и Ф. Достоевского, внутренне противоречивые, тоже структурируются как динамические синтезы. С одной стороны, антиномия «естественной» жизни, гармонической, с другой, – «противоестественная», отрицательная, конструируемая человеком. На эту схему накладывается другая: созданный человеком мир распадается на мир, остановившийся в своей противоестественности, и мир, который, выявляя свою природу, приобретает высшую нравственную ценность. Чтобы приблизиться к исходной ценности, он должен от нее предельно удалиться. Таков путь героев Достоевского, укладывающийся в евангельский алгоритм: грехопадение-духовная смерть-Воскресение. Пересечение этих двух моделей, из которых, каждая в отдельности, бинарна по своей структуре, создает непоследовательную тернарную модель, описывающую реальность действительности (может описывать, но не строить их в реальности), а бинарная модель позволяет строить строго последовательную структуру, но непременно вступает в конфронтацию с эмпирической реальностью, воплощаясь на практике в антисинтетических формах. Деструктивному характеру социокультурных процессов противостоит трихотомичное мышление, в категориях троичного алгоритма, способное членить картину мира по логике триад. Русская литература и является такой формой саморефлексии и самоидентификации культуры в режиме тернарной системы ценностей. Тернарные модели, реализованные в творчестве А. Пушкина и А. Чехова, пограничные (начало и конец) и внутренне более сложные. Путь А. Пушкина выходит даже за рамки тернарной схемы и может осознаваться как полиглотический, преодолевающий бинарную жесткость и полярность. Логика и формула, заданная А. Пушкиным, становится сквозной во всей последующей русской литературе XIX-XX вв. и проявляется как у Ф. Достоев-

ского, Л. Толстого, И. Тургенева, А. Гончарова, так и у акмеистов, М. Булгакова, Г. Газданова, Б. Пастернака, И. Бродского, В. Высоцкого, А. Солженицына, Л. Петрушевской, Ю. Мамлеева, В. Набокова, в форме экзистенциального мировидения. Здесь огромна роль А. Чехова, соединившего бинарную структуру анекдота (и вообще бинарности второстепенной литературы) с тернарной структурой психологической повести, проложил новые пути и заложил новые способы выражения и воплощения русской экзистенции уже в рамках философской парадигмы XX века.

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Советская Россия, 1979. – 400 с.
2. Бердяев, Н. А. О назначении человека / Н. А. Бердяев. – М.: Прогресс, 1993. – 279 с.
3. Булгаков, С. Философский смысл троичности / С. Булгаков // Вопросы философии. – 1989. – № 12. – С. 105–112.
4. Гашева, Н. Н. Синтез в русской культуре: типология и динамика форм / Н. Н. Гашева. – Пермь.: Пермский государственный институт искусства и культуры. – 2009. – 348 с.
5. Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы / Ф. Достоевский // Достоевский Ф. Полн. собр. соч.: В 30 т. – Л.: Наука, 1981. – Т. 14. – 520 с.
6. Достоевский, Ф. М. Подросток / Ф. Достоевский // Достоевский Ф. Полн. собр. соч.: В 30 т. – Л.: Наука, 1978. – Т. 15. – 399 с.
7. Есаулов, И. Тоталитарность и соборность: два лика русской культуры / И. Есаулов // Вопросы литературы. – 1992. – Вып. 1. – С. 151–158.
8. Кондаков, И. В. Введение в историю русской культуры / И. Кондаков. – М.: Аспект пресс, 1997. – 687 с.
9. Лотман, Ю. М. Несколько мыслей о типологии культуры / Ю. Лотман // Языки культуры и проблемы переводимости. – М.: Искусство, 1987. – 450 с.
10. Франк, С. Смысл жизни / С. Франк // Франк С. Духовные основы общества. – М.: Правда, 1992. – 528с.

Дюкин С. Г.
Dyukin S. G.

К ВОПРОСУ О ГАРМОНИЗАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ

ABOUT HARMONIZATION OF ETHNIC AND CULTURAL SITUATION IN RUSSIA

Аннотация: В данной статье актуализируются факторы формирования в условиях полиэтнического и многоконфессионального государства безконфликтной этнической и религиозной среды. Данная проблема рассматривается в аспекте Федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)», направленной на гармонизацию данных отношений. Особое внимание уделяется балансированию между этнической и национальной идентичностями.

Ключевые слова: идентичность, полиэтничность, многоконфессиональность, этнокультурное многообразие.

Annotation: In This Article We Analyze The Factors Of Forming Conflict-free Ethnic And Religious Environment In Multi-Ethnic And Multi-Religious State. We Consider This Problem In The Aspect Of Federal Programm «The Strengthening The Unity Of Russian Nation And Ethnicultural Development Of The Peoples Of Russia (2014–2020), Which Aimed To Harmonization Of Relations. We Pay Especial Place For Balance Between Ethnic And National Identity.

Key words: identity, polyethnicity, multi-confessional, ethnocultural diversity.

Полиэтнический и многоконфессиональный характер российского общества влечет за собой множество противоречивых последствий. С одной стороны, многокультурность страны видится одним из залогов ее жизнестойкости, поскольку, во-первых, Россия изначально формировалась как общество на перекрестке культур, во-вторых, допускается, что совокупность внутреннего множества служит для усиления сущности общего. Таким образом, очевидно, что содержательно ядро России как социокультурного института состоит из идеи полиэтничности и многоконфессиональности, определяющих сущность страны и ее культуры. С другой стороны, средоточие на единой территории множества народов и религиозных традиций чревато отсутствием взаимопонимания, конфликтами, взаимным бойкотированием, создает почву для экстремизма различного рода. Огромный спектр проблем, перманентно

возникающих в данном поле, пребывают в состоянии постоянного решения, которое *a priori* не может быть конечным.

Немаловажным фактом для понимания рассматриваемой ситуации является то, что число этносов в России, вопреки устойчивому обыденному представлению, не является рекордным по сравнению с другими странами. Так в Нигерии насчитывается более 200, в Индии более 400, а в Индонезии более 700 этносов, говорящих на различных языках. В России, согласно переписи 2010 года, проживает 193 народа. Принципиальное отличие заключается в том, что в России этничность с ее многочисленными проявлениями не подавляется, а поддерживается государством. Такая традиция была заложена большевиками вскоре после создания Советского государства в рамках их популистской политики. Возведение этнокультурного (в отечественной риторике национального) принципа в основу административного деления страны создало прецедент для последующей этнизации всех социальных отношений в пределах государства. Данная проблема предельно скрупулезно рассмотрена В. Малаховым в работе «Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций» [Малахов, 2014]. Более того, полиэтничность и поликонфессиональность возводятся в принцип существования государства на уровне властной риторики. Таким образом, в Федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» отдельно оговаривается: «Эта цель (поддержание единства) не направлена на нивелирование этнокультурного многообразия в Российской Федерации. Напротив, этнокультурное многообразие России является ее конкурентным преимуществом, неотъемлемой частью мирового культурного наследия, необходимым элементом ее международного имиджа» [Федеральная целевая программа].

При этом очевидным фактом является неизбежность ассимиляции, которая в рамках заявленной риторики представляется крайне нежелательным процессом, последствием ошибок и недоработок. Ради предотвращения ассимиляции этносам предлагается определенный спектр возможностей для сохранения собственной идентичности. Одна из таких возможностей – создание и сохранение территориально-административных единиц, закрепляемых за этносами. Сам по себе факт включения этнонима в политический тезаурус государства уже сам по себе способен играть огромную роль в воссоздании и ретрансляции этнической идентичности. С другой стороны, перед государст-

вом и обществом возникает большой ряд трудноразрешимых вопросов о том, как в условиях такого разнообразия сформировать целостный организм и установить гармонию во взаимоотношениях народов и конфессий.

Одним из определяющих направлений внутренней политики, направленной на поддержания гармонии в условиях разнообразия, заявляется необходимость формировать позитивное социально-экономическое и гражданское состояние Российской Федерации гарантировать реальное обеспечение прав, свобод, материальных, культурных и духовных запросов россиян. По сути, речь идет о том, что подлинная этнокультурная и конфессиональная гармония возможна лишь в социуме, ориентированном на всестороннее развитие человека, которому предоставлен максимум возможностей для самореализации. Материальные проблемы, негативный социальный фон, гражданское бесправие порождают дисбаланс интересов и возможностей, что, в свою очередь, оформляется в этноконфессиональные конфликты. Это обусловлено тем, что проблемы, коренящиеся в социальной сфере, часто получают форму этнических. Актуальные социально-экономические и политические противоречия влияют на порождение этнокультурных конфликтов в большей степени, нежели негативная историческая традиция. Иначе говоря, народы становятся своеобразными «заложниками» общечеловеческих универсальных сбоев, выполняя функцию оформления социальных интересов и реальных социальных групп. По словам В. Амелина, «в силу полиэтничного состава населения бывшего СССР и нынешних новых государств, любой внутренний конфликт приобретает этническую окраску» [Амелин]. Согласно ряду теоретических установок, не только в полиэтничном обществе, но в любом, в том числе самом гомогенном социуме, всякие этнокультурные противоречия есть отражение различий социальных интересов. В данном аспекте актуализируется теоретическая концепция Э. Балибара и Э. Валлерстайна, согласно которой за этносом в любом конфликте стоит тот или иной класс [Балибар, Валлерстайн, 2004].

Один из путей преодоления этой ситуации, в которой на этническую карту экстраполируется различие социальных интересов, связан с переориентацией внимания на обобщающую идентичность, то есть частичная замена этнической идентичности национальным самосознанием. Речь идет о дихотомии гражданской нации и этнокультурной общности (в нашем случае, совокупности таких общностей) в законченном виде обозначенной В. А. Тишковым [Тишков, 2003, с. 51]. В контексте сегодняшней властной риторики данная идея

оформляется как «необходимость развития гражданско-патриотического единения». Речь в таком случае, безусловно, идет о частичном отчуждении этнического самосознания в пользу общенационального, что необходимо для формирования социума, построенного на принципах единения и взаимного согласия. Примеры подобной национально-культурной политики демонстрируют США и в особенности Франция, где всякое этнокультурное разнообразие является уделом сугубо приватной сферы.

В ряде случаев мы сталкиваемся с противоположной ситуацией. Народ может, по сути, отказаться от собственной идентичности, что чревато потерей его социокультурного лица, утратой ценностей и размыванием семиотической структуры, которая обеспечивает неповторимость и узнаваемость общности. Нередко в российском политическом и культурном дискурсе высказывается мысль об отрицательном коэффициенте самосознания собственно русского этноса, который утрачивает свою сущность, будучи крупнейшим и центрообразующим народов внутри российской нации. Об этом же сказано и в самой Федеральной целевой программе. В качестве одной из ключевых проблем выделено «сложное социокультурное самочувствие русского народа, неудовлетворенность его этнокультурных потребностей» [Федеральная целевая программа]. Д. Драгунский говорит об этом так: «Институты русской идентичности весьма слабы и неопределенны... Русское «я» прилипает к чему попало, с готовностью образуя национальное «мы» [Драгунский]. Речь, по сути, идет о том, что русское этническое начало полностью поглощается российской национальной сущностью и в результате утрачивается. Аналогичная ситуация существовала в дореволюционной Российской империи, где русский народ воспринимался как субъект империи, *de facto* таковым не являвшийся, однако в результате в этническом бытии ему отказывалось. То же самое происходило в СССР, где русский народ уравнивался с советской общностью, в результате теряя свою уникальность. Опасность данной ситуации видится нам в том, что, не имея своей этнической базы, крупнейшая общность в рамках российской нации не способна в полной мере обрести идентичность национального уровня, поскольку последняя возникает исключительно, имея под собой этническое самосознание.

Нередко в качестве условия жизнеспособности русской, впрочем, равно как и российской, идентичности, обозначается наличие идеологического стержня, нейтрализующего этноконфессиональные противоречия. Прототи-

пом подобной ситуации может служить советская идеология, на основе которой в течение долгого времени Коммунистической партии удавалось сдерживать потенциальные конфликты в мультикультурном обществе. Однако в силу несостоятельности самой системы, актуализация разного рода социальных проблем в конце 80-х гг. привела Советскую империю к коллапсу, в том числе этнокультурному. Жизнестойкость идеологии в современных условиях может, очевидно, быть построена на высоком правовом сознании россиян, на их четком понимании стратегического курса государства. Разумеется, речь идет не об обязательном и всеобщем одобрении решений действующей власти, которое формируется на основе традиционно-харизматической легитимности власти, но о высокой степени политической культуры.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о роли исторической памяти в гармонизации этно-национальных отношений. Очевидно то, что выстраивание самосознания исключительно на основе ретроградной семиотики (за счет обращения к историческим фактам и именам) носит пагубный характер и, в конечном счете, размывает национальную идентичность. Помимо опасности, которую несет за собой идентичность ретроградного типа, она же является показателем определенной дисфункциональности. Иначе говоря, народ без настоящего вынужден искать свою сущность в прошлом. В связи с этим Э. Хобсбаум пишет: «Допустим, что прошлое невосстановимо, – тогда пристанищем для него или нее оказываются этническая принадлежность и религия, по отдельности или в союзе друг с другом» [Хобсбаум, 2002, с. 340]. Во избежание симуляции социального на основе этно-религиозной жизни, необходима стимуляция постоянного каждодневного участия граждан в делах общества. В противном случае, обращаясь исключительно к символике, действующей на мифологизированные пласты сознания, люди подчас вовлекаются в идеи, служащие базой для экстремистских проявлений. Речь идет о воинствующем национализме, шовинизме, расизме.

Базируясь на мифологической картине мира, обозначенные типы праворадикальной идеологии возникают и распространяются в случае действия социально-культурных индикаторов, влияющих на подсознательные пласты сознания. «Рост национального самосознания можно представить как защитную реакцию на стандартизацию социальной жизни», – пишет Д.Н. Батырев, анализируя современную ситуацию в сфере этнокультурной идентичности [Батырев, 2011, с. 4]. Противовесом обозначенной ситуации должно стать осозна-

ние людьми своего стремления к единению нации, основанное на своеобразном «расколдовывании» этнической и религиозной принадлежности. Именно данный фактор способен обеспечить долговременность установки на единение и, как следствие, социальный мир, возникающий в условиях существования устойчивой нации.

Определяющая роль в формировании осознанного рационализованного представления о необходимости национального единения принадлежит институтам социализации, в качестве которых обозначены семья, учреждения образования и культуры.

В этом же контексте стоит рассматривать религиозные институты, выполняющие идентификационную функцию, а стало быть, активно участвующие в формировании этнического состава российского социума. Условием гармоничного воздействия религиозных институтов на этническую идентичность в современном социуме является гарантированная свобода совести. Данный принцип должен обеспечиваться государством, светский характер которого является неоспариваемой категорией. В противном случае происходит деградация религиозных институтов. По мнению М. Г. Писманика, «союз Церкви с властью имущими в большей или меньшей степени ведет к отступлению от моральных, да и вероисповедных, принципов религии» [Писманик, 2006, с. 170]. Сращивание религиозных институтов с государственными приводит к политизации первых. Следствием становится формирование напряжения во взаимоотношениях между конфессиями и, в конечном счете, религиозный экстремизм.

Подчас истоки этих негативных явлений кроются в неверной оценке представителями власти реально существующей ситуации, в форсировании ими ряда процессов, в том числе обеспечения единения народов и религий. Отсюда следует необходимость предостережения чиновников от чрезмерного рвения, стремления «перевыполнить план» в реализации Федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России». Очевидно, что претворение в жизнь программы должно вестись постепенно, в течение долгого времени. Семь лет, которые отведены на программу (2014–2020 гг.), включают в себя, главным образом, создание базы, основы для формирования подлинного этноконфессионального единства.

Библиографический список

1. О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» (с изменениями на 25 мая 2016 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/499040473>
2. Амелин, В. В. Этнополитические конфликты: типы и формы проявления, региональные особенности [Электронный ресурс] / В. В. Амелин // Библиотека Гумер – гуманитарные науки. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/Amelin_Konflikt.php
3. Балибар, Э. Раса, нация, класс / Э. Балибар, И. Валлерстайн. – Москва: Логос, 2004. – 288 с.
4. Батырев, Д.Н. Проблема национальной идентичности в глобализирующемся мире: социально-философский анализ: диссертация кандидата философских наук / Д. Н. Батырев. – Ростов н/Дону, 2011.
5. Драгунский, Д. К. Особенности национального проектирования [Электронный ресурс] / Д. К. Драгунский. – Режим доступа: <http://users.kaluga.ru/kosmorama/dragunsky.html>
6. Малахов, В. С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций / В. С. Малахов. – Москва: Новое литературное обозрение, 2014. – 232 с.
7. Писманик, М. Г. Лекции по религиоведению / М. Г. Писманик. – Пермь: Пермский государственный технический университет, 2006. – 245 с.
8. Тишков, В. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии / В. Тишков. – Москва: Наука, 2003. – 544 с.
9. Хобсбаум, Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе / Э. Хобсбаум // Нации и национализм. – М.: Логос, 2002. – С. 332–346.

Куличкина Г. В.
Kulichkina G.V.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СМИ КАК ФАКТОР ПОДДЕРЖКИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ

REGIONAL MEDIA AS A SUPPORT FACTOR OF ETHNIC AND CULTURAL TRADITIONS OF THE POPULATION

Аннотация: Региональные СМИ, будучи фактором поддержки этнокультурных традиций россиян, являются важным информационным ресурсом в укреплении единства народов России. Успех реализации информационного ресурса СМИ в современных условиях зависит от этнологической культуры журналиста, осознания им сути стратегии и тактики государственной национальной политики, готовности внести свой личный вклад в формирование гражданской идентичности населения полиэтничного региона. Анализ практики СМИ Пермского края за последние годы показал творческие достижения и актуальные проблемы поддержки этнокультурных традиций народов Пермского края, потребность в обновлении мировоззренческого потенциала и литературного мастерства журналистов.

Ключевые слова: региональные СМИ, этнокультурные традиции, государственная национальная политика.

Annotation: Regional media as a support factor of ethnic and cultural traditions of the Russians, are an important information resource in strengthening the unity of peoples of Russia. The success of the information resource of the media in modern conditions depends on the ethnological culture of a journalist, realizing him the essence of the strategy and tactics of the state national policy, willingness to make a personal contribution to formation of civil identity of multiethnic population of the region. Analysis of the practice of the media of the region in recent years has demonstrated creative achievements and actual problems of support of the ethnocultural traditions of the peoples of the Perm region, the need to upgrade the ideological capacity and literary skill of journalists.

Key words: regional media, ethnic and cultural traditions, leisure, multiethnic region.

Отечественные региональные СМИ при обращении к теме этнокультурных традиций отдельных народов, проживающих в полиэтничном регионе, стоят перед сложными задачами. Для журналистов большое значение имеет понимание стратегии современной государственной национальной политики в таком полиэтничном государстве, как Россия. Им предстоит четко осознавать национальную политику как систему мер, направленных на учет, сочетание и реализацию национальных интересов. Важное значение имеет личностное самоопределение автора журналистского текста. Его мировоззрение по проблемам

этнокультурного взаимодействия может оказаться либо препятствием, либо дополнительным средством к коммуникации с собеседником. Основой участия журналистов в этнокультурном взаимодействии, как отмечает И. Н. Блохин, являются формулирование, объяснение и анализ интересов различных этнических сообществ и многонационального общества в целом [Блохин, 2013, с. 75]. Справедливо это и в отношении освещения этнокультурных традиций народов в полиэтничном регионе. Обращаясь к данной теме, журналист при воссоздании картин этнических традиций должен, с одной стороны, рассказать об их своеобразии, но с другой стороны, не забыть определить этническую составляющую современного социума как компонент полиэтничного целого.

Однако на практике такое не всегда получается. Существует ряд актуальных проблем теоретического и практического характера, которые препятствуют профессиональному освещению журналистами этнокультурных интересов и потребностей, живых традиций разных народов одной страны. Среди них сегодня на первый план выдвигаются не до конца решенные вопросы этнологической культуры современного журналиста. В системе вузовского образования приобщение студентов к проблемам функционирования журналистики в этнокультурном взаимодействии только начинается. Далеко не все работники региональных СМИ, которые пишут об этнокультурных традициях и современных этносоциальных процессах, имеют специальное или общее гуманитарное образование. Профессиональная неготовность на уровне осознания ценностей и владения технологиями освещения этнокультурного взаимодействия ведут к искажению картины действительности, неполноте или необъективности фактов, поверхностности в изложении темы, снижении социальной ответственности за публичное слово [Куличкина, 2016, с. 30].

В контексте обозначенной проблематики стоит исследовать опыт Пермского края. На пермской земле проживают представители 146 народов, здесь зарегистрированы 75 общественных организаций (в том числе 22 краевых), представляющих различные народы. По данным социологических исследований 2013–2015 годов, более 80% опрошенных отметили отсутствие социальных конфликтов на почве межэтнических отношений и были удовлетворены имеющимися возможностями реализации своих этнических потребностей [Народы Пермского края: Словарь-справочник, 2014, с. 24]. Стабильная по преимуществу социально-культурная ситуация на почве межэтнического взаимодействия в регионе сложилась, благодаря многолетним совместным усилиям представителей власти, научной общественности, национально-культурных общественных объединений в постсоветский период.

Пермские СМИ тоже внесли свой вклад в межнациональное согласие в Пермском крае. Более десяти лет региональные русскоязычные СМИ при поддержке властей осуществляют собственные творческие проекты по гармонизации межнациональных отношений. Некоторые из них получали первые места на журналистских конкурсах краевого, всероссийского и международного уровней. Таковы, например, телефильмы «Национальный характер», «Мы будем вместе» Юлии Долговой и Михаила Овсейчика студии Fmvideo из Кунгура, победителей международного журналистского конкурса «Золотое перо», всероссийского «Наш дом – Россия», краевого конкурса имени А. Гайдара. Для самых многочисленных, после русских, народов, проживающих на территории края, издаются этнические СМИ. На татарском языке выходят газеты «Тан» – «Рассвет» Бардинского района и краевая «Халык Чишмесе» – «Народный родник»; краевое радио ведет передачи под рубрикой «Кардэшлер» – «Земляки».

На коми-пермяцком языке выпускаются газета «Кама – Кыштын» – «В окружении Камы» Коми-Пермяцкого округа, журналы «Коми говк», «Сизимок». Окружная молодежная интернет-радиостанция «Том-радио» ведет передачи на русском и коми-пермяцком языках. Билингвизм (русский и еврейский языки) использует газета «Йом – Йом» – «День за днем» Пермской региональной еврейской национально-культурной автономии. Газеты малых городов и районов Пермского края, всего более 40 изданий, активно включают в информационную повестку дня освещение исторических дат в жизни народов, традиционных народных праздников и гуляний, возрождения народных промыслов и ремесел. Пермская организация Союза журналистов России совместно с краевыми властями и научной общественностью с 2000 по 2013 годы проводила конкурс на лучшую публикацию по проблемам гармонизации межнациональных отношений.

В 2015–2016 годах отечественные региональные СМИ оказались перед новыми вызовами: рост миграционных потоков из стран ближнего зарубежья; осложнение экономического и финансового факторов деятельности СМИ, вызванное внешнеполитической ситуацией вокруг России; необходимость определения позиции в отношении к новой государственной гражданской модели, сформулированной в «Стратегии государственной национальной политики РФ». Стало ясно, что необходимо менять журналистские подходы в освещении «привычек милой старины».

С целью изучения готовности региональных СМИ к новым вызовам современности, Пермская организация Союза журналистов России в 2014 году провела мониторинг информационной активности в сфере межнациональных отношений. Выяснилось, что снизилось количество редакций – участников в

краевом конкурсе «Разноплеменный пермский край»; практически не затрагивались темы формирования культуры повседневного бытия мигрантских этнических общин в новой социальной среде. Средства массовой коммуникации редко привлекали представителей местной власти и ученых-экспертов к размышлению о национальной политике и этнокультурном взаимодействии.

Особое внимание стоит обратить на то, что в большинстве пермских массовых общественно-политических СМИ не затрагивается проблематика традиций русского языка и русской культуры как основы духовной общности народов России. В 2015 году Пермское Русское национально-культурное общество проводило в Усть-Кишерти краевой традиционный фестиваль «Русский мир». Фестиваль финансово поддерживался администрацией края, в нем приняли участие несколько тысяч человек, в том числе, представители национально-культурных организаций других народов, проживающих на территории края. Однако работа пермских СМИ по освещению этого социально значимого события свелась к перепечатке пресс-релизов с сайтов администрации Пермского края и краевого Дома народного творчества. Сайт «59.ru» из фестивальной программы предпочел только один момент – конкурс «Прикамские смотрины» и сделал по нему сюжет «Главные свахи России выбрали лучшую невесту Пермского края» (<http://59.ru/text/newsline/47832820338688.html>). В сюжете никак не было оговорено, что конкурс проходит в рамках «Русского мира», и совсем не случайно его участницами стали девушки, которые занимаются возрождением и сохранением различных видов русской народной культуры, участвуют в фольклорно-этнографических ансамблях, занимаются или преподают в школах традиционной культуры. Практически незамеченным пермскими СМИ прошел «Русский мир» в поселке Юрла в 2016 году.

Надо сказать, что фестивализация, которая в буквальном смысле слова захлестнула всю Россию, составляет большую часть организованного досуга населения и в Пермском крае. В июне 2016 года здесь было осуществлено 27 фестивальных проектов, в июле этого же года – более 30, в августе – чуть более десятка. Большинство из этих проектов основаны на этнокультурных традициях народов Пермского края. Журналисты в погоне за таким множеством событий часто отражают их в жанре фотосессий – ярких картинок, на которых русские сарафаны, косоворотки, гармошки перемежаются с рядами румяных хлебов по марийским рецептам, портретами мастеров горлового пения, групповыми снимками детей, осваивающих в квеструмах национальные игры и забавы. Стоит напомнить в связи с подобным информационным извещением

слова Н. В. Гоголя о том, что «истинная национальность состоит не в описании сарафана, но самом духе народа».

Вместе с тем, в 2016 году в пермских СМИ появляется соответствующая времени новая тенденция в освещении этнокультурных традиций. Она связана с тем, что Пермь стала площадкой для всероссийского научно-практического осмысления проблем гражданского единения в России. В 2014 и 2015 годах здесь были проведены масштабные Всероссийские форумы-диалоги, направленные на укрепление патриотизма и гражданской идентичности, в которых приняли участие представители из 50 регионов страны. В феврале 2016 года руководитель Федерального агентства по делам национальностей Игорь Баринов высоко оценил созданную в регионе «многоуровневую вертикальную систему исполнения и наблюдения за ходом реализации Стратегии государственной национальной политики». В июле 2016 в Перми состоялся семинар по вопросам реализации государственной национальной политики в Пермском крае. Одним из его ведущих стал заместитель Председателя Совета Ассамблеи народов России, член комиссии по вопросам информационного сопровождения государственной национальной политики Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям А. Н. Худолеев. Именно А. Н. Худолеев в интервью краевой телекомпании «Т7» для передач «Pro Пермь. Актуально» (<http://t7-inform.ru/s/videonews/20160706101231>) и «Вести» (<http://t7-inform.ru/tv.php?youtube=ZhnkCOfRJUM>) призвал пермских журналистов больше думать не о дежурном информационном сопровождении программы «Стратегия государственной национальной политики», а рассказывать о живой жизни народов, населяющих Россию.

Новая тенденция в расстановке акцентов при освещении этнокультурных традиций: от показа этнической экзотики к раскрытию духовно-нравственных ценностей традиций, объединяющих разные народы в единое целое. На этом пути, отметим газету «Пермская трибуна» с рядом публикаций Максима Черепанова о сути традиционной народной культуры (беседа с директором краевого Дома народного творчества Т. Санниковой (<http://tribunaperm.ru/2015/09/19/tatyana-sannikova-o-suti-traditsionno>), культурологом Н. Кожановой – об основах воспитания в традиционной семье. Показательным можно считать репортаж о Сабантуе в Барде под заголовком «Гуляй, душа! Как в крае сохраняют национальные традиции?» Ольги Семеновой в газете «АиФ-Прикамье» (№ 25 от 21.06.2016). Автору удалось показать единство участников, зрителей, высоких гостей, местной власти и представителей национальной общественности на этом празднике, выразить собственную зараженность его душевностью. С тех же объединительных позиций представлен взгляд на это же событие в газете

«Верный путь» Ординского района корреспондентом Татьяной Южаковой, которая в подзаголовке подчеркивает, что Сабантуй стал межнациональным праздником. (№ 28 от 14.07.2016).

Таким образом, отечественные региональные СМИ как фактор поддержки этнокультурных традиций в полиэтничном регионе в 2014–2016 годах являются важным информационным ресурсом в укреплении гражданского единения россиян. Для его реализации они нуждаются в журналистах с соответствующей времени этнологической культурой мышления. То есть с пониманием государственной стратегии и тактики в отстаивании национальных интересов полиэтничного российского государства; с готовностью применить весь арсенал информационных технологий для укрепления позиций содружества и единства наций при освещении возрождения этнокультурных традиций. Опыт пермских региональных СМИ, работающих в полиэтничном регионе, показал, что наряду с достижениями в этом отношении журналисты упускают из виду роль русского языка и русской культуры как объединяющего начала в жизни народов Прикамья, часто идут по пути поверхностного освещения народных праздников, фестивального движения с их консолидирующим потенциалом. Но сам факт того, что Пермь стала всероссийской площадкой для размышлений о гражданской идентичности россиян разной этнической принадлежности, заставил пермских журналистов заново осмыслять свои функции как фактора поддержки этнокультурных традиций в XXI веке и двигаться в новом направлении.

Библиографический список

1. Блохин, И. Н. Журналистика в этнокультурном взаимодействии: учебное пособие / И. Н. Блохин. – СПб.: С.-Петербур. гос. ун-т, 2013. – 198 с.
2. Куличкина, Г. В. Актуальные проблемы этнологической культуры российского журналиста (из опыта СМИ Пермского края 2013–2015 гг.) / Г. В. Куличкина // Этническая журналистика: История и современность. Ежегодник № 9. – Москва: Факультет журналистики МГУ имени Ломоносова, 2016. – С. 29–39.
3. Народы Пермского края: этническая история и современное этнокультурное развитие. Словарь-справочник / под ред. А. В. Черных, М. С. Каменских, А. А. Субботиной, С. В. Неганова. – СПб: Изд-во «Маматов», 2014 – 416 с.

Кульбачевская О. В.
Kulbachevskaya O. V.

ПРОБЛЕМЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ¹ PROBLEMS IN INTERETHNIC RELATIONS IN MIGRATION SPHERE

Аннотация: В статье рассматриваются особенности миграционных процессов в современной России. Исследуются причины, формирующие негативное отношение местного населения к мигрантам, которое зачастую переводится в этническую плоскость. Приводится аргументация о необходимости учета миграционного аспекта в государственной национальной политике. Даны рекомендации в области миграции при реализации национальной политики в России.

Ключевые слова: миграция, межэтнические отношения, межкультурное взаимодействие, негативные стереотипы, культурные риски, государственная национальная политика.

Annotation: In the article the special features of migratory processes in modern Russia are examined. Are investigated the reasons, which form the negative relation of the local population to the migrants, which often is transferred into the ethnic plane. Is given the line of reasoning of the need for the calculation of migratory aspect in the state national policy. Dana is recommendation in the region of the migration in the implementation national policy in Russia.

Key words: migration, the interethnic of relation, mezhkulturnoe interaction, negative stereotypes, cultural risks, state national policy.

Характер миграционных процессов, происходящих в России в последние десятилетия, не позволяет игнорировать их значимость для общественно-политической жизни страны, особенно в сфере межнациональных отношений, и обуславливает необходимость учета миграционного аспекта в государственной национальной политике. По данным ФМС России, в нашей стране на начало 2015 г. находились 10,9 млн. иностранцев. Со второй половины 2014 г. из России стали уезжать трудовые мигранты из Узбекистана, Таджикистана, Армении, Молдавии, что связано с девальвацией рубля и ужесточением правил получения разрешения на работу. Однако, несмотря на это, присутствие инокультурных мигрантов продолжает оставаться заметным, а проблемы

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14–18–03090).

взаимодействия принимающего населения и мигрантов нередко лежат в этнической плоскости. В общем миграционном потоке в последнее десятилетие значительно увеличилась доля трудовых мигрантов из стран Центральной Азии, большинство из которых сельские жители, плохо знающие российскую культуру и русский язык. Именно эти мигранты, а также выходцы с Кавказа, стали объектом мигрантофобии со стороны принимающего населения [2, с. 338–343]. В 2000-е гг. мигрантофобия в России достигла высокого уровня, именно антимигрантская риторика была ключевой в идеологии националистов. И в последнее десятилетие националистическая идеология, к сожалению, находит отклик в массовом сознании россиян, в том числе у молодежи. Результаты исследований, проводимых Институтом этнологии и антропологии РАН (ИЭА РАН) совместно с Сетью этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN), показывают, что для определенной части населения страны в межнациональных отношениях характерно противопоставление себя мигрантам. Это можно проиллюстрировать на примере Москвы. По данным департамента региональной безопасности г. Москвы, в конце 2014 г. численность мигрантов в столице составляла 1,519 млн. человек [2]. Согласно заявлению мэра города С. Собянина, в 2015 г. количество мигрантов по сравнению с предыдущими годами не уменьшилось [3]. По неофициальным оценкам, численность мигрантов в Москве может достигать 3–3,5 млн. человек. В последние десятилетия в Москве существует межэтническая напряженность, имеющая тенденцию нарастать. Об этом свидетельствуют результаты многолетних исследований Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN). Доля москвичей, испытывающих неприязнь к определенным национальностям, на протяжении последних лет, остается относительно стабильной и составляет 25–30% [4]. Какие же факторы переводят взаимодействие местного населения и мигрантов в этническую плоскость? Одним из основных факторов «этнизации» мигрантов принимающим обществом является различие в социальных моделях адаптации и социально-экономических стратегиях у местных и мигрантов. Этот фактор усугубляется также повышенным уровнем фрустрации у населения вследствие экономических кризисов и сложной социальной ситуации в условиях мегаполиса с его жестким ритмом жизни. По данным исследования, проведенного ИЭА РАН и EAWARN летом 2015 г. почти половина москвичей (45%) не уверены в хороших перспективах заработка, 46,5% моск-

вичей опасаются потерять источник дохода, заработок или место работы. Усиливаются опасения москвичей в отношении мигрантов по поводу конкуренции на рынке труда, о чем свидетельствует динамика результатов массового опроса москвичей, проведенного нами в 2014 и 2015 гг. Если в 2014 г. 42% москвичей считали, что мигранты отнимают в их городе рабочие места, то в 2015 г. 35,5% москвичей были уверены в этом, и еще одна треть москвичей считала, что это вероятно (в общей сумме почти 70%). В 2014 г. 42% москвичей были уверены, что их рабочие места мигранты занять не могут; в 2015 г. москвичей, уверенных в этом, стало меньше (одна треть).

Как показывают наши исследования, москвичи слабо осознают факт культурного многообразия столицы и страны. Для них характерно представление о «непрерывности и однородности русскоязычного пространства» столицы и страны, то есть для многих москвичей единственно возможными являются русская культура и русский язык. Таким образом, еще одним фактором, придающим взаимодействию местного населения и мигрантов этническую окраску, является тот факт, что определенная часть населения России и ее столицы живет четким представлением о том, что Россия – это страна для русских. При этом представители народов Северного Кавказа в других российских регионах воспринимаются местным населением не как сограждане, а как мигранты. Для многих россиян, и особенно для жителей российской столицы характерно предпочтение этнической идентичности, а не гражданской, либо гражданская идентичность тесно сопряжена с такой самоидентификацией как «русский». Вследствие вышеперечисленных факторов получают развитие ксенофобия и националистические настроения не только в Москве, но и в других крупных мегаполисах.

Одной из основных целей государственной национальной политики Российской Федерации, согласно действующей Стратегии, является успешная социокультурная адаптация мигрантов. Для выстраивания эффективной миграционной политики в сфере адаптации и интеграции очень важным является учет культурных рисков, которые может принести с собой массовая миграция. Для этого необходимо знать, как местное население относится к культурам иноэтничных мигрантов и к каким формам взаимодействия с мигрантами оно готово. Результаты нашего опроса москвичей, проведенного в июле-августе 2015 г., показали, что лишь 44% москвичей считают, что нужно со вниманием относиться к культуре мигрантов. Отметим, что среди принявших

участие в опросе москвичей подавляющее большинство (83,5%) составляли русские, то есть результаты исследования отражают в первую очередь точку зрения именно русского населения столицы.

Характер межкультурного взаимодействия во многом определяется установками культурного большинства по отношению к «чужим», инокультурным. Для нашей страны и ее столицы на сегодняшний день характерно неприятие «чужаков». Более того, большинство россиян (на официальном и бытовом уровнях) предполагают однозначный сценарий интеграции мигрантов – безусловное признание и усвоение ими местных ценностных и поведенческих культурных норм. Кроме того, существуют опасения русских по поводу нежелательных изменений социокультурного пространства, связанных с исламским влиянием. В условиях русского (православного) окружения массовое отправление мусульманских обрядов вызывает раздражение у местного населения. В массовом сознании россиян ислам несет в себе угрозы, в связи с этим следует более широко освещать общечеловеческие нормы и ценности традиционного ислама в общественном пространстве нашей страны. Также, на наш взгляд, информирование россиян об особенностях социокультурного бытования мигрантов с Кавказа и из стран Средней Азии могло бы снять многие недоразумения при взаимодействии мигрантов и местных, ослабило бы влияние негативных стереотипов.

92% экспертов в сфере миграции считают, что тема миграции на сегодняшний день в нашей стране очень важная. Согласно их мнению, в сфере миграции следует учитывать, в первую очередь, не проблемы трудовых ресурсов, а реакцию местных жителей на миграцию. Очевидно, что миграционный аспект должен являться одним из ключевых при выстраивании и реализации эффективной национальной политики в стране. Исходя из особенностей сложившейся ситуации в этой области, следует предложить следующие рекомендации в области миграции при реализации национальной политики:

- обеспечение комфортного социального самочувствия россиян и предоставление гарантий социальной стабильности;
- осуществление мониторинга состояния межэтнических отношений на постоянной основе с использованием научного потенциала (путем вовлечением научных учреждений Российской академии наук, общественных организаций);
- осуществление мониторинга социокультурных нужд мигрантов;

- совершенствование и укрепление правовой основы регулирования миграции и легализации трудовых мигрантов;
- контроль прав и обязанностей работодателей, принимающих на работу трудовых мигрантов;
- активизации деятельности органов власти по профилактике и противостоянию проявлениям националистической и экстремистской направленности;
- преодоление опасной тенденции транслирования и формирования негативного образа мигранта в федеральных и региональных СМИ;
- необходимо изучать и выявлять конкретные отличительные формы социокультурного поведения мигрантов и принимающей стороны, разрабатывать правила, нормы и методики по преодолению несоответствия выявленных поведенческих форм, внедрять эти правила, нормы и методики в общеобразовательный процесс (как для учителей, так и для учеников) и транслировать в общественное пространство страны;
- информирование россиян об особенностях социокультурного бытования мигрантов с Кавказа и стран Средней Азии в региональных и федеральных СМИ;
- формирование в сознании россиян образа поликультурной страны, а также объективного образа мигранта.

Библиографический список

1. Тишков, В. А. Антимигрантская риторика / В. А. Тишков // Московская модель этнической политики / ред. О. В. Кульбачевской, В. В. Степанова. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2015. – С. 338–343.
2. В Москве увеличилось количество зарегистрированных мигрантов [Электронный ресурс] // ТАСС: информационное агентство России. – 15 октября 2014. – Режим доступа: <http://tass.ru/obschestvo/1509365> (дата обращения: 12.11.2015).
3. Собянин: число мигрантов в Москве в 2015 году не уменьшилось [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 29.05.2015. – Режим доступа: <http://ria.ru/moscow/20150529/1067189923.html#ixzz3yTXQcSNQ> (дата обращения: 12.11.2015).

Ломова А. С.

Lomova A. S.

МУЗЕЙ, КАК ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В УСЛОВИЯХ МАНИПУЛЯТИВНОГО ОБЩЕСТВА

MUSEUM AS THE INSTITUTE OF SOCIAL MEMORY UNDER THE CONDITIONS OF THE MANIPULATION SOCIETY

***Аннотация:** В работе рассматривается роль современного музея в формировании исторического самосознания и коллективной гражданской идентичности, влияние факторов современности на эти процессы.*

***Ключевые слова:** социальная память, социальный конструкт, коллективная идентичность, историческое самосознание, музейный предмет, манипулятивность, привыкание, эмпирическая реальность исторического мира.*

***Annotation:** In work the role of the modern museum in formation of historical consciousness and collective civil identity, influence of factors of the present on these processes is considered.*

***Key words:** social memory, social construct, collective identity, historical consciousness, museum piece, manipulations with society, habitualization, empirical reality of the historical world.*

Конец XX века и начало XXI оказались для России богатыми на события, итогом которых стал тот факт, что в условиях современности историческое самосознание большинства россиян представляет собой довольно эклектичную конструкцию. «Перестройка», за ней крах СССР и смена экономической модели, несколько экономических кризисов, отторжение западным сообществом и рухнувшие надежды либерально настроенной части российского общества на культурную ассимиляцию со странами Запада, локальные военные конфликты – слепки этих событий остались в социальной памяти российского общества, которое продолжает претерпевать изменения, обусловленные рядом факторов: усиливающееся влияние консюмеризма, дигитализация, формирование интернет-культуры, увеличение роли информации и технологий. Указанные факторы оказывают влияние как на формирование исторического самосознания и гражданской идентичности человека, так и на функционирование музея, который являясь институтом социальной памяти, консолидирует ее, интерпретирует, актуализирует и легитимизирует. В результате указанных процессов социальная память общества становится частью его исторического

самосознания, оказывая влияние на конструирование коллективной гражданской идентичности. Социальный конструкт, называемый коллективной идентичностью – психосоциальный комплекс человека, задающий эмоционально важное для него самоотнесение к какой-либо группе или общности [3].

Представления личности или группы об историческом прошлом также являются социально сконструированной реальностью. Историограф и источниковед О. М. Медушевская использует новую парадигму «Эмпирическая реальность человеческого мира» [4] в своем одноименном труде, указывая на специфику человеческого мира, где информационный обмен осуществляется не только в пространстве, но и во времени, что ведет к возможности фиксации памяти и обуславливает возможность создания истории.

Музейный предмет, наряду с другими историческими источниками, являясь высказыванием во времени и пространстве от лица создавшей его культуры, есть часть процесса информационного обмена человека с себе подобными. Процесс этот, обуславливающий эмпирическую реальность мира исторического – обоюдный. Человек не только сам способен считывать культурные и семантические коды предмета-высказывания, но он диалогизирует с этим высказыванием, наделяя его смыслом, помещая его в определенный ментальный, событийный или предметный контекст, тем самым, формулируя ответное высказывание от лица человека (или общности людей) из иного времени и пространства, нежели собеседник-предмет.

Притягательность музейных предметов для посетителей обуславливается не только возможностью диалога сквозь время и пространство, но также возможностью выстраивания собственной коллективной идентичности в процессе этого диалога, потребностью посетителя приобщиться – ощутить себя частью целого: этноса, культуры, края, города. Музейный предмет, будучи распознаваем и осмыслен посетителем, становится частью его реальности здесь и сейчас. Однако наличный социальный запас знания посетителя дифференцирует эту реальность по степени знакомства [1]. Знания в области истории, фауны родного края или живописи эпохи модерна, в том случае, если посетитель не часто имеет дело с указанными реальностями, будут лишь в общем виде и неточными. Следовательно, диалог посетителя с музейным предметом окажется несодержателен, скуден и скучен, потребность приобщения останется не удовлетворенной. Для того чтобы облегчить диалог посети-

теля с предметом, создать условия для распознавания и типизации, предмет помещается в контекст знаний о предмете – музейную экспозицию или выставку. Это помогает посетителю через распознавание знакомого в незнакомом установить собственную связь с предметом, расшифровать высказывание, закодированное в предмете, осмыслить его и найти отклик. Это значит, почувствовать себя в результате такого диалога частью исторической реальности, транслятором которой является музейный предмет.

Действительно, красный флаг на фоне фотодокументов, повествующих о взятии Рейхстага, и тот же красный флаг, использованный как фон, на котором размещены фотографии голодающих Поволжья – в восприятии посетителя это будут совершенно разные красные флаги. Даже если историческая истина будет в том, что конкретно этот флаг в 1975 году украшал фасад здания местного горисполкома, предмет, использованный как символ, в данных контекстах будет задавать диалогу посетителя с предметом совершенно другие, причем противоположные друг другу векторы. Эта иллюстрация возвращает нас к вопросу социального конструирования исторической реальности. В сущности, конструирование реальности – это процесс додумывания, ментального «достраивания» окружающего мира. «Всегда есть вещи, остающиеся вне поля зрения», – продолжая эту метафору из работы П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности») и обозначая поле в сознании человека, дающее почву для конструирования как повседневной, так и исторической реальности, назовем это поле «областью бокового социального зрения». Насколько бы ни было велико знание посетителя о конкретном музейном предмете – всегда есть что-то, что остается вне поля зрения. Помещение предмета в соответствующий контекст позволяет раскрыть значительную часть смыслов, но всегда будет оставаться область смыслов вне поля зрения и всегда будет область, охваченная лишь боковым зрением наблюдателя.

Все, попавшее в область бокового социального зрения человека, становится материалом для возведения социальных конструктов, а строительной площадкой – пространство вне поля зрения. Мы домысливаем и достраиваем то, что находится вне области непосредственного эмпирического познания при помощи образов и смыслов, выхваченных боковым социальным зрением из воспринимаемой субъективно окружающей реальности, куда входят и уже сформировавшиеся, устойчивые социальные конструкты. П. Бергер и Т. Лук-

ман приводят интересную метафору познания: «Мое знание повседневной жизни напоминает инструмент, прорубающий дорогу в лесу и проливающий узкую полосу света на то, что находится впереди и непосредственно рядом, а со всех сторон дороги обступает темнота». Чем шире полоса света, проливаемая знанием – тем меньше пространства для домысливания.

Рассматривая музей как институт социальной памяти, не забудем о том, что институционализация как таковая есть социальный контроль, в данном случае социальный контроль осуществляется институциональными функционерами (сотрудниками музея) над социальной памятью в широком смысле этого понятия. Логика функционирования института – логика власти над объектом институциональных функционеров и объективность мира социального института есть объективность, социально сконструированная функционерами, обладающими властью над носителями социальной памяти и знаниями о них. Власть над объектом открывает функционеру возможности для манипулирования собственными знаниями об объекте и, как следствие, диалогом между носителем социальной памяти (музейным предметом) и реципиентом (посетителем музея). Степень манипулятивности зависит в значительной степени от понимания функционером исторических процессов, в результате которых возник институт и цели функционирования самого института. В противном случае, музей рискует оказаться рупором правительственной, религиозной или иной пропаганды.

Первые музеи, созданные традиционным обществом, комплектовали свои коллекции по принципу уникальности, редкости или «куриозности» экспоната. В контексте социализации и конструирования коллективной идентичности, они имели своей целью приобщение посетителя к человеческому миру во всем его многообразии. Такая ситуация сохранялась в провинциальных музеях еще в начале XX века. Д. П. Веселков, член окружного бюро Верхнекамского округа в 1925 г. пишет: «Здесь, в Верхнекамье, еще держится старый взгляд на музей как на хранилище редкостей. Между тем, краевой музей нашего времени очень близко подошел к жизни...» Не вдаваясь в сложности процесса смены модели общества, замечу, что «близко подошедший к жизни» [2] музей начала XX века – свидетельство потребности общества в сохранении собственных локальных идентичностей, свидетельство ускользающей реальности, которая усложняясь и обрастая системами «подмиров», которым

необходимо институциональное обоснование, начинает сильно выходить за рамки хабиитуализированного обывателем.

Такие процессы, как смена модели общества, смена политического строя, модернизация, неизбежно приводят к возникновению новых социальных «подмиров», актуализируя которые через музей как социальный институт можно вторично социализировать посетителя, вызвать у него ощущение общности с этими новыми «подмирами», ощущение собственной коллективной идентичности, потребность в которой у человека – социальной единицы, всегда есть.

В начале XXI в. начался переход от информационного общества к пост-информационному (встречается также определение – постпостиндустриальное общество), для которого характерен высокий уровень манипулятивности во всех сферах жизни. В связи с возрастающей степенью дигитализации окружающего мира, сила информационных потоков, воздействующих на сознание человека, выросла настолько, что превратить всю эту непрерывно транслируемую информацию в знание невозможно физически. Возвращаясь к метафоре П. Бергера и Т. Лукмана, ситуация выглядит так, словно человек начал воспринимать мир исключительно боковым зрением. Следовательно, современный нам социум являет собой как никогда благоприятную почву для мифотворчества на почве возведения новых социальных конструктов и актуализации не слишком новых. Это ведет ко все большей дифференциации общества, разобщению его на группы, объединенные реальностями различных социальных мифов. Манипулирование социальными стереотипами, технологии которого хорошо отработаны, становится привычным фоном повседневности.

В новых условиях такой социальный институт, как музей, начинает лихорадить: пытаюсь угнаться за новыми технологиями и небывалыми скоростями информационных потоков, пытаюсь конкурировать с индустрией развлечений и удержать посетителя, музей теряет власть над своим объектом – исторической реальностью, он из транслятора знаний трансформируется в транслятора информации, дигитализируя своих институциональных функционеров. Возникает путаница между понятиями «потребности посетителя» и «желания посетителя». Желания посетителя как единицы постинформационного общества – продукт манипуляций его сознанием. У него больше нет своих желаний –

продукта личного эмпирического познания и осмысления окружающего мира. Он желает еще информации, еще развлечений, еще товаров. Подавленная, глубоко эшелонированная, но от этого не менее актуальная и острая, – живет в нашем современнике потребность ощутить себя не дифференцированной единицей общества, а социальной единицей – частью целого. Потребность увидеть что-либо не боковым зрением, а прямо перед собой: познать, осознать, почувствовать подлинную связь с человечеством, свою идентичность с сообществом города, края, страны. И в том случае, когда музей, исторически располагая инструментариум для удовлетворения этих потребностей, предпочитает действовать по рыночному закону спроса-предложения, он тонет в информационном шуме, становясь лишь одним из его голосов. Реципиент утрачивает возможность внести вклад в формирование своего исторического самосознания. Музейный предмет, попадая в искаженный функционером, но легитимизированный социальным институтом контекст или вовсе лишаясь его, – перестает диалогизировать с посетителем, остается в поле «бокового зрения». Иногда, пытаясь встроиться в реалии современности, музеи намеренно культивируют «боковое зрение», оставляя посетителя во власти мифа. Здесь можно привести не единственный в России, но территориально близкий пример бала в Усадьбе князей Голицыных (г. Усолье), где появляется костюмированная пара, изображающая князя и княгиню Голицыных. Казалось бы, вполне приемлемая практика, если не знать о том факте, что хозяева усадьбы никогда не бывали в ней и тем более не устраивали балов, а в усадьбе довольно скромно проживал управляющий князя.

Искажение исторической памяти институцией, за которой закреплена функция сохранения этой памяти, искажает и историческое самосознание общества, в конечном итоге усиливая эффект его дифференциации. Лишаясь возможности конструирования коллективной гражданской идентичности на почве единой реальности исторического мира, люди остаются во власти мифов. В случае, когда институт социальной памяти симулирует знания (а информационный поток, это не более чем симуляция знаний) – общество симулирует патриотизм. Отмечу, что ответственность за социальный контроль над социальной памятью общества при этом музеями не утрачена, ее утратой было бы ознаменовано разрушение музея как институции. Интересен и тот аспект, что дигитализируя сегодня свое пространство, музей, как в начале XX века,

снова пытается «приблизиться к жизни», хабиитуализировать новое. Несоответствие состоит в том, что это виртуальная жизнь в пространстве информационного шума. Понимая это, музеи пытаются вернуть экспонатам «голос» и силу эмоционального воздействия на реципиента путем его вовлечения в пространство интерактивной экспозиции, используя тактильно-чувственный канал восприятия, призванный компенсировать отсутствие «ментального прикосновения», возможность которого обуславливается степенью знакомства с исторической реальностью предмета. Такая инфантилизация контекста лишает впечатления полученные в результате взаимодействия с транслятором исторической реальности зрелости и осознанности, присущих восприятию взрослого человека, вышедшего из сенсорной фазы развития, хотя вполне обоснованно использовалась и используется музейными педагогами в работе с детьми.

Итак, следует учитывать сохраняемую музеем ответственность за социальный контроль над социальной памятью общества, а также риск утраты власти институциональных функционеров музея над объектом – эмпирической реальностью исторического мира. Поэтому необходимо пересмотреть критерии эффективности работы музея. Следует при этом уделять самое пристальное внимание качественным характеристикам и методам работы с музейным предметом, сводя к минимуму манипулирование историческим знанием о нем. Необходимо создавать внятный и правдивый исторический контекст, как условие для конструирования реципиентами коллективной гражданской идентичности.

Библиографический список

1. Бергер, П. Социальное конструирование реальности [Электронный ресурс] / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – Режим доступа: http://skepdic.ru/wp-content/uploads/2013/05/Berger_Lukman_-_Sotcialnoe_konstruirovanie_realnosti_Skepdic.ru_.pdf (Дата обращения 24. 06. 2016).
2. Варнакова, О. Н. Хранители исторической памяти / О. Н. Варнакова. – Березниковский историко-художественный музей. Березники, 2015.
3. Крупкин, П. Л. Россия и Современность: Проблемы совмещения, опыт рационального осмысления / П. Л. Крупкин. – М.: Флинта; Наука, 2010.

Носов А. В.

Nosov A. V.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ДУХОВНОЙ АССИМИЛЯЦИИ В ПАРАДИГМЕ ЯЗЫК-ДУХОВНОСТЬ OVERCOMING OF SPIRITUAL ASSIMILATION IN THE PARADIGM LANGUAGE-SPIRITUALITY

Аннотация: Рассмотрение проблем духовной ассимиляции в современном обществе носит регулярный характер. Парадигма язык-духовность является определяющей отправной точкой в анализе состояния современного общества, установления причин возникновения конфликтных ситуаций и путей их решения. Задачей данной статьи является установление уровней и путей преодоления духовной ассимиляции.

Ключевые слова: язык, духовность, ассимиляция, культурология, социология.

Summary: Consideration of problems of spiritual assimilation in modern society takes a regular character. The paradigm language-spirituality is a starting point in the analysis of the state of modern society, identification of the causes of emergence of conflict situations and ways to tackle them. A task of this article is disclosure of levels and ways of overcoming of spiritual assimilation.

Keywords: language, spirituality, assimilation, cultural science, social science.

На современном этапе вопрос о развитии языка звучит нераздельно с проблемами духовной ассимиляции.

Понятие ассимиляция отражает проблемный характер взаимодействия этносов и предполагает процесс, в результате которого члены одной этнической группы утрачивают свою первоначально существовавшую культуру и усваивают культуру другой этнической группы, с которой они находятся в непосредственном контакте. [Николаев, 1998] Этот процесс возникает сразу на нескольких уровнях:

1. На культурном уровне он характеризуется в первую очередь приспособлением к новой культурной среде.

2. На психологическом уровне интегрирующаяся этнокультурная группа, находясь под постоянным давлением необходимости, постепенно в мягкой или жесткой форме принуждается к адаптации в рамках ценностей, устоев, жизненных ориентаций, обычаев и прочего принимающей культуры.

3. На языковом уровне ассимиляция происходит не всегда, так как связана одновременно с системой образования и институтом семьи. Такой диссонанс часто приводит к неполной аккультурации, подразумевая неполную ас-

симиляцию в базовом обществе, что в конечном итоге приводит к внутренним конфликтам в обществе.

4. На поведенческом уровне происходит или не происходит смена идентичности, другими словами, этническое самосознание входящей группы, утрачивает свое предыдущее этническое самосознание, которое в первую очередь связано с памятью о родине.

5. На национальном уровне принято говорить о полной смене этнической идентичности и адекватном восприятии норм и устоев принимающей культуры.

Рассматривая ассимиляцию сквозь призму прагматизма современной жизни, пришедшего из Западного мира, мы отмечаем, прежде всего, доминирование потребительских целей на всех вышеуказанных уровнях, что, несомненно, превращает процесс ассимиляции в принудительную процедуру, замаскированную под идею всеобщего финансового благополучия на Западе. В связи с этим, необходимо все больше повседневных усилий для того, чтобы поддерживать фундамент русской культуры, не ставящей эту идею во главу угла. В нашем исследовании мы подробно остановимся на сопоставлении русской и французской духовности. Между русской и французской духовностью много противоречий, которые не могут быть преодолены безболезненно, без внутреннего личностного перелома: либо русский становится французом, либо он остается русским, отторгнутым на всех уровнях этого общества. Необходимость принятия однозначного решения стоит здесь как никогда остро. «Вообще, эта страна переработает всех иммигрантов, кто здесь останется, кроме старшего поколения, тех, кто приехал в очень зрелом возрасте. Но их дети уже непременно будут французами, здесь достаточно жесткие социальные отношения. Если человек достаточно долго здесь будет жить, он отшлифуется и станет французом» [Федоров, 1999].

Возникает вопрос, сколько культур может гармонично сочетать человек, оставаясь личностью. Многие считают, что лишь одну, чтобы не случился надлом (Л. Гумилев, О. Шпенглер, В. Шнирельман, С. Панарин, Л. Клейн, А. Янов, Ю. Бромлей и др.). Однако практика многих этносов, присутствующих сейчас в Европе и, в частности, во Франции говорит об обратном.

Мы считаем, что можно прожить всю жизнь во Франции и сохранить русскую культуру. Однако тогда не будет возможности полноценно развиваться там. Это естественно, что ходить в школу, работать, продвигаться по карьерной лестнице и получать различные социальные блага в полном объеме – вы сможете только при условии полной ассимиляции, в противном случае, удовольствие от жизни будет утрачено как данность. При этом, существуя в но-

вой реальности, вы полностью теряете связь со старой, за редким исключением, когда вы сохраняете язык ради экзотики, что больше относится к личной культуре, чем к общественной.

Таким образом, тенденция к ассимиляции иммигрантов во Франции выглядит как неизбежная, но при условии, если не будут предприниматься целенаправленные действия для сохранения и развития русского культурного потенциала иммигрантов, или вестись иная культурная политика.

Здесь нужно, в первую очередь, полагаться на носителей русской культуры давать стимулы дополнительного развития для тех русских, которые стремятся сохранить ее, поощрять русскую миротворческую идею.

Однако если в данный процесс будет вовлечена всего одна сторона, это рано или поздно приведет к конфронтации, что мы наблюдаем на примере сегодняшних отношений на мировой арене.

Мы выделяем несколько путей, которые могут способствовать исключению возникновения внутренних и внешних конфликтов на вышеуказанной почве.

Первый путь – создание принципиально иного отношения к русской культуре, к ее сохранению и развитию. В этом отношении билингвизм и полилингвизм являются проверенной моделью, которая примиряет все стороны (ярким примером здесь является Бельгия, где практически все граждане говорят на 4 языках).

Второй путь – укрепление русской языковой основы, из которой появляется тенденция к плодотворному единению различных культур, которым обладают иммигранты.

Третий путь – создание русских школ, конкурсов, объединений с целью поддержания уровня языка и духовности.

Подводя итог, обратим внимание, что пути развития языка духовности в иммигрантской среде, не являются инновационными, а лишь отражают потребности на данном историческом этапе.

Библиографический список

1. Федоров, Н. Особенности интеграции иммигрантов из бывшего СССР / Н. Федоров // Диаспоры. – 1999. – 2–3.
2. Николаев, В. Г. Культурология. XX век / В. Г. Николаев. – СПб.: Университетская книга, Энциклопедия, 1998.
3. Nature WEB.ru: Научная сеть [Электронный ресурс]. – М.: ООО «Мир науки и культуры». – Режим доступа: <http://nature.web.ru>

Пащак И. В.
Paschak I. V.

ГРАЖДАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.П. ЧЕХОВА

CIVIC ASPECTS OF A. CHEHOVS ACTIVITY

Ключевые слова: гражданственность, патриотизм, человечность, справедливость, нравственность, каторга, перепись.

Key words: citizenship, patriotism, humanity, justice, morality, penal servitude, census.

Вопросы гражданских ценностей, патриотизма, единения русского народа – вопросы, ныне широко обсуждаемые в научном сообществе, публицистике, литературе. Это направление мысли, эта заинтересованность не является случайной, надуманной, искусственной или, быть может, навязанной извне, – в этом чувствуется историческая потребность современного русского общества. У нашего современника, жителя нынешней России могут возникнуть такие вопросы как: что значит быть гражданином? какова роль гражданственности в развитии страны? что означает истинный патриотизм? Ответить на эти и другие подобные вопросы, по нашему мнению, поможет знание истории России, обращение к ее духовному наследию. В исследовании поступков, свершений, достижений лучших представителей нашей страны (философов, писателей, художников, ученых) мы можем приобрести столь необходимые ориентиры, образцы гражданственности, патриотизма и истинной человечности.

Целью представленной работы является рассмотрение некоторых гражданственных аспектов в деятельности Антона Павловича Чехова. В данном случае, нам будет интересен Чехов как *гражданин* и *человек*. Обращение к вопросу гражданственности, патриотизма, гуманизма представляется нам актуальным, значимым и своевременным на данном этапе развития российского общества.

Для раскрытия заявленной темы мы обратимся к известной книге Чехова «Остров Сахалин. Из путевых записок» и письмам писателя. На наш взгляд, именно эта нашумевшая в то время поездка писателя на далекий остров, на

край тогдашней цивилизации является наиболее яркой иллюстрацией его гражданской позиции.

Немного фактов. Как известно, Сахалин в царской России был ссыльной землей, куда отправлялись люди за самые тяжкие преступления и политические ссыльные. В свою поездку на Сахалин Чехов отправился один, без сопровождающих, весной 1890 года, путь через Сибирь занял 82 дня (см. повесть «Из Сибири») и на сам остров он прибыл 11 июля. Здесь за работой писатель провел 3 месяца. Для лучшего ознакомления с положением дел, нравами, образом жизни Чехов провел перепись населения (которая, кстати, там ранее не проводилась). В письме к А. Суворину он писал: «Кстати сказать, я имел терпение сделать перепись всего сахалинского населения. Я объездил все поселения, заходил во все избы и говорил с каждым; употреблял я при переписи карточную систему, и мною уже записано около десяти тысяч человек каторжных и поселенцев. Другими словами, на Сахалине нет ни одного каторжного или поселенца, который не разговаривал бы со мной. Особенно удалась мне перепись детей, на которую я возлагаю немало надежд» [Чехов, т. 11, 1963, с. 463]. Итак, около десяти тысяч карточек с данными местных жителей были заполнены. В то время писатель иронично сам себя называет в письмах Человеком с Сахалина (*Homo Sachaliensis*). В 1897 году Чехов был удостоен медалью «За труды по первой всеобщей переписи населения».

В конце XIX века Сахалин был практически отрезан от европейской части России, добраться, чисто технически до острова было настоящим подвигом, во всяком случае, делом не безопасным и трудоемким. Эти факторы приводили к тому, что объективных знаний, сведений об этой каторжной земле в Петербурге, Москве было очень мало. Эти сведения будут добыты Чеховым. Так писатель и гражданин Чехов оценивал свой труд в том же письме к А. Суворину: «Я видел все; стало быть, вопрос теперь не в том, *что* я видел, а *как* видел. Не знаю, что у меня выйдет, но сделано мною не мало. Хватило бы на три диссертации. Я вставал каждый день в 5 часов утра, ложился поздно и все дни был в сильном напряжении от мысли, что мною многого еще не сделано, а теперь, когда уже я покончил с каторгою, у меня такое чувство, как будто я видел все, но слона-то и не заметил» [Чехов, т. 11, 1963, с. 463].

Основной тезис, который мы защищаем в данной статье – наличие глубокого гражданственного и гуманистического содержания путешествия А.П. Че-

хова на Сахалин. В чем проявлялось это содержание? 1. Были показаны невыносимые, бесчеловечные условия содержания каторжников на Сахалине, нарушение санитарных и прочих условий. «Места для каторжных не нумерованы, ничем не отделены одно от другого, и потому на нарах можно поместить 70 человек или 170. Постелей совсем нет. Спят на жестком или подстилают под себя старые драные мешки, свою одежду и всякое гнилье, чрезвычайно непривлекательное на вид. На нарах лежат шапки, обувь, кусочки хлеба, пустые бутылки из молока...» [Чехов, 1963, т. 10, с. 92].

2. Чеховым были выявлены случаи унижения человеческого достоинства, которые на острове были, к сожалению, нормой, делом привычным и повседневным. Приведем такой пример из книги «Остров Сахалин»: «На Сахалине свободные при входе в казармы не снимают шапок. Эта вежливость обязательна только для ссыльных. Мы в шапках ходим около нар, а арестанты стоят руки по швам и молча глядят на нас. Мы тоже молчим и глядим на них, и похоже на то, как будто мы пришли покупать их. Мы идем дальше, в другие камеры, и здесь та же ужасная нищета... та же сарайная жизнь, в полном смысле нигилистическая, отрицающая собственность, одиночество, удобства, покойный сон» [Чехов, 1963, т. 10, с. 93].

3. Были проиллюстрированы и жестокие нравы арестантов, а они были во многом результатом тяжелых, невыносимых условий в которые были люди поставлены, а ведь большинство из них, как отмечал Чехов, не были закоренелыми преступниками и злодеями. «В общих камерах приходится терпеть такие безобразные явления, как ябедничество, наушничество, самосуд, кулачество» [Чехов, 1963, т. 10, с. 98].

4. Была вскрыта неприглядная, горькая сущность арестантских работ, которые проводились без соблюдения каких-либо человеческих условий (например, работы в шахтах). Каторжных приковывали к тачкам (наказание продолжалось и ночью), а также держали в кандалах.

5. Были показаны недобросовестность, ограниченность, алчность «мелких чинов», мелкого начальства, от которого страдало все население острова.

6. Чехов также отмечал важность труда, как для отдельного человека, так и для общества в целом, для изменения существующего общественного положения вещей. На наш взгляд, истинная гражданственность всегда связана с

конкретной практической деятельностью, работой, трудом, а теоретические гражданственность и патриотизм – это призраки.

По итогам своего путешествия Чехов издал книгу «Остров Сахалин» – путевые заметки писателя, имеющие документальное значение (заслуживающие статуса диссертационного исследования). Это было «переоткрытие» острова для большинства жителей России, все узнали о тяжелых условиях жизни каторжных, поселенцев, о серьезных социальных проблемах этого региона. Чехов – настоящий *гражданин* и *человек*, раскрыв правду, способствовал изменению печальной судьбы этой далекой земли. Каторга со временем будет отменена, условия жизни будут более человечными, остров перестанет быть *terra incognita*. По всей видимости, для самого Чехова – это путешествие было очень важной общественной миссией, зовом сердца и голосом совести.

Библиографический список

1. Чехов, А. П. Остров Сахалин / А. П. Чехов // Собрание сочинений. – Т. 10. – Москва, 1963. – 640 с.
2. Чехов, А. П. Письма / А. П. Чехов // Собрание сочинений. – Т. 11. – М., 1963. – 696 с.

Родионова Е.В.

Rodionova E.V.

**ЭТНИЧЕСКИЙ СТАТУС РАЗЛИЧНЫХ НАРОДОВ
В ПОЛИЭТНИЧНОМ МЕГАПОЛИСЕ:
НАЦИОНАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ¹**

**ETHNIC STATUS OF DIFFERENT PEOPLES IN THE
MULTIETHNIC METROPOLIS: THE NATIONAL SETTINGS
OF THE MASS CONSCIOUSNESS IN ST. PETERSBURG**

***Аннотация:** В статье представлены результаты социологического исследования, направленного на выявление этнических установок в массовом сознании. Для исследования была использована шкала социальной дистанции Эмори Богардуса. На основании полученных данных были выделены три группы этнических общностей: народы-братья, народы-коллеги, народы-изгои. В группу народов-братьев вошли русские, белорусы, украинцы и евреи. К группе народов-изгоев была отнесена лишь одна этническая общность – цыгане.*

***Ключевые слова:** шкала социальной дистанции, этническая общность, этническое неравенство, этнический статус, толерантность.*

***Annotation:** The article presents the results of a sociological survey aimed at identifying ethnic attitudes in the mass consciousness. For this study, we used Emory Bogardus social distance scale. On the basis of the obtained data three groups of ethnizes were allocated: nations-brothers, Nations – colleagues, Nations – outcasts. Nation – brothers group included Russians, Belarusians, Ukrainians and Jews. Only one nation was classified as Nation-outcast– the Gypsies.*

***Key words:** social distance scale, ethnic group, ethnical status, ethnic inequality, tolerance.*

Крупный экономически развитый мегаполис представляется весьма привлекательным, кажется, что в большом городе легко построить карьеру и достичь головокружительных финансовых успехов. По этой причине в крупных городах России присутствует неиссякаемый поток мигрантов из различных уголков, как нашей страны, так и стран ближнего зарубежья. Столкновение различных этнических групп в борьбе за экономические ресурсы может привести к возрастанию социальной напряженности и возникновению межэтниче-

¹ Статья выполнена в рамках проекта Российского научного фонда № 15–18–00119 «Исторический опыт управления этническим разнообразием и этноконфессиональными конфликтами в имперской, советской и постсоветской России: междисциплинарное исследование».

ских конфликтов, что в дальнейшем может привести к дестабилизации общества в целом. Постоянное изучение межэтнических конфликтов и этнического статуса различных народов как фактора возникновения этих конфликтов, позволяет диагностировать конфликт в его латентной фазе и предпринять профилактические меры для его разрешения. На решение этой задачи направлены исследования, проводимые Институтом этнологии и антропологии РАН, Всероссийским Центром изучения общественного мнения, Центром исследования национальных конфликтов [Общественное мнение, 2015].

М. В. Савва отмечает, что этнический статус личности является элементом ее социального статуса. «Этнический статус указывает место индивида или группы в системе межэтнических отношений на личностном и групповом уровне и в некоторой степени определяет структуру социальных связей личности. Но в еще большей степени этнический статус определяется феноменами группового сознания: самооценкой этноса в целом, различных групп и слоев внутри этноса, а также оценкой его контактирующими этническими общностями по целому ряду критериев (другими этносами и этническими группами)» [Савва, 1996, с. 34]. Проблема этнического статуса различных народов всегда представляла интерес для исследователей, причем к категории этнический статус подходили с разных теоретико-методологических позиций. Прежде всего, необходимо отметить исследования посвященные положению различных народов в иноэтнической среде, исследования этнического статуса титульного народа в сравнении с другими этническими группами, положение малых народов в полиэтнических регионах [Родионова, Савин, 2016; Сикевич, 1996; Савин, 2016].

Межэтническая толерантность и согласие до сих пор являются ключевой традицией населения страны. Тем не менее, в постсоветский период управление межэтническим разнообразием приобрело особое значение, так как некоторые объединяющие неэтнические наднациональные идентификаторы (идентификация – советский народ) утратили свою силу. Но, в то же время, З. В. Сикевич отмечает, что «этнический фактор в начале XXI века продолжает влиять на социальное развитие в глобальном масштабе, включая западное общество «постмодерна». [Сикевич, 2011, с. 46]. Во многих полиэтнических государствах попытка свести на нет роль этнического фактора, оказалась безуспешной. В благополучных странах существуют очаги этнической напряженности: Шотландия в Великобритании, баски в Испании, французские провин-

ции Канады. Подобные очаги напряжения связанные с этническими конфликтами существуют и в России. Многие межэтнические конфликты вспыхнули в различных регионах России почти сразу после распада Советского Союза (Северная Осетия, Чечня, Дагестан, Карачаево-Черкессия). И это не считая конфликтов на постсоветском пространстве (Абхазия, Нагорный Карабах, Южная Осетия, Приднестровье и др.), в которые были вовлечены в том числе и российские граждане. И хотя на сегодняшний день непосредственно на территории России нет вооруженных конфликтов, носящих межэтнический характер, острота проблемы сохраняется и необходимо проводить постоянный мониторинг текущей ситуации и общественного мнения.

Известный этнолог В. А. Тишков характеризует ситуацию постсоветской политики как «взрыв этничности», который явился своего рода «формой заполнения идеологического вакуума доступными и понятными формулами и призывами, когда после краха основ организации общественной жизни обращение к этнической принадлежности стало наиболее доступным и понятным средством новой солидарности и достижения коллективных целей в условиях глубоких трансформаций, включая приватизацию принадлежащих государству ресурсов» [Тишков, 2001. С. 162]. Закономерно, что на этом фоне происходил рост этноцентризма и ксенофобии среди населения практически во всех субъектах федерации, нередко в форме общественно-политических движений. Доктрина и практика национализма в постсоветских странах воздействует на массовую психологию населения. Несомненно, усилил влияние этнического фактора вооруженный конфликт на Украине, бросив дополнительный вызов российской социокультурной идентичности.

По этой причине большинство исследователей признает наличие данной проблемы. Л. М. Дробижева отмечает, что «вхождение России в пространство государств с рыночной экономикой, новые акценты в этнонациональной политике нашего государства предопределяют изменения фокуса исследования социальных изменений в этнических группах. Главным становится изучение неравенства этнических групп» [Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность, 2002, С.9].

З. В. Сикевич следующим образом описывает ситуацию этносоциального неравенства в российском социуме: «Сложная система этнических статусов, обусловленная этнической принадлежностью, а также местом, расширяет социальную дистанцию между представителями разных народов, провоцирует

усиление этнической конфликтности. Так, совершенно очевидно, что статус русского в Москве или в Казани, не говоря уже о Грозном или Махачкале, различны, несмотря на принадлежность к титульному народу и национальному большинству всего государства» [Сикевич, 2011, С. 50].

Проведен ряд социологических исследований, обнаруживших в массовом сознании россиян представления о существовании этнического неравенства и этнической стратификации, которые в существенной мере определяют характер и стиль межэтнических отношений. Статус этнической общности в этой иерархии в значительной степени зависит не только от политики государства, но во многом определяется представлениями об этносе в общественном мнении, экономическим и политическим факторами жизни населения конкретных территорий.

Однако необходимо отметить, что, не смотря на признание существования проблемы этнического неравенства, в российском научном дискурсе исследований данной проблематики немного, а методики измерения этнического статуса, используемые в зарубежных исследованиях не применялись в полной мере. Для измерения этнического статуса еще в середине прошлого века была разработана так называемая шкала Богардуса. Но исследователи отмечают, что в России исследований с применением шкалы Богардуса проводилось крайне мало, хотя методика интерпретации данных по шкале Богардуса описана в работе Почебут Л. Г. Кросс-культурная и этническая психология [Почебут, 2012]. Данная методика была отработана украинскими социологами в ходе различных исследований [Панина, 2005; Кирченко И.]. Анализ методических возможностей применения шкалы Богардуса можно найти в публикации В. Сергеева «Социальная дистанция и социальные установки» [Сергеев, 2008].

Этническое неравенство изучалось в работах Л. М. Дробижевой, Ю. В. Арутюняна, но в них используются несколько иные методики и техники. Так, Л. М. Дробижева сочетает анализ статистических данных о социальном положении различных этносов с анализом восприятия собственного этноса и других этносов в социальной иерархии, таким образом вскрывая зачастую противоречивые представления и стереотипы в общественном мнении, и реальное положение этноса на основании данных профессиональной занятости [Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность, 2002].

Так как понятие этнического статуса и этнической стратификации недостаточно разработано в отечественной историографии, необходимо проведе-

ние дополнительных исследований, в первую очередь, адаптирующих признанные методики, принятые в международном научном сообществе.

Целью нашего исследования было выявить межэтнические представления в крупном городе современной России (на материалах Санкт-Петербурга).

Объектом исследования выступали жители Санкт-Петербурга, граждане Российской Федерации.

Предмет исследования: – массовые представления по вопросу этнического статуса и этнической стратификации.

Исследование было реализовано в период с 15 по 20 декабря 2015 года методом телефонного опроса на базе Ресурсного Центра Интернет-исследований Санкт-Петербургского государственного университета. Объем выборки составил 723 респондента (N=723).

В рамках исследования были опрошены 723 человек, 56% опрошенных это женщины и 44% мужчины соответственно. Одной из основных задач исследования была апробация шкалы измерения социальной дистанции Э. Богардуса. Респондентам был предложен список следующих этнических групп:

1. Русские.
2. Белорусы.
3. Украинцы.
4. Выходцы из республик Северного Кавказа (РФ).
5. Выходцы с Кавказа и республик Закавказья.
6. Выходцы из республик Средней Азии.
7. Цыгане.
8. Евреи.
9. Китайцы.
10. Американцы.

Респондентам предложили ответить на следующие вопросы для выявления социальных установок относительно разных этнических групп:

Готовы ли вы принять представителей этих этнических групп как:

1. близких родственников посредством брака;
2. личных друзей;
3. соседей, проживающих на моей улице;
4. граждан моей страны;
5. только как туристов в моей стране;
6. предпочли бы не видеть их в моей стране.

Полученные результаты позволили нам выявить как группу народов-братьев, так и группу народов-коллег, отношение к которым можно охарактеризовать как деловое (присутствует готовность к сотрудничеству, но нет стремления допустить в ближний круг) и отдельно была выявлена этническая группа – изгой.

В группу братских народов можно включить: русских, белорусов, украинцев и евреев. Причем данные показывают, что респонденты наиболее близкими считают для себя белорусов: 81,5% готовы принять русских как близких посредством брака, а для белорусов этот параметр составил 70,7%. Для украинцев и евреев этот показатель составил 59,9% и 51% соответственно. Если анализировать данные по каждому вопросу, то мы увидим, что, несмотря на то что украинцев готовы принять в качестве близких родственников почти 60% опрошенных, по другим параметрам данная этническая группа уступает евреям. Так 62,4% опрошенных готовы принять евреев как личных друзей, тогда как для украинцев этот показатель составляет 58,5%.

В группу народов-коллег, к которым отношение скорее нейтральное, чем отрицательное или положительное, входят выходцы из республик Северного Кавказа, выходцы из стран Закавказья, китайцы, выходцы из республик Средней Азии, американцы. Отнести все эти этнические группы к народам-коллегам можно в силу того, что доля респондентов, готовых к сотрудничеству с ними, достаточно велика, а доля респондентов, не желающих вообще видеть их в стране очень низка и колеблется в диапазоне от 8 до 13%.

Единственной этнической группой, по отношению к которой респонденты высказали больше отрицательных утверждений, стали цыгане. Доля респондентов, готовых принять цыган в качестве близких родственников посредством брака, составила лишь 12,5% (для сравнения – выходцев из республик Средней Азии готовы принять посредством брака 23,5% опрошенных), тогда как предпочли бы не видеть их в своей стране 30% опрошенных. Если сравнить данные по последнему утверждению, то мы увидим, что этот показатель почти в три раза ниже для других этнических групп и более чем в десять-пятнадцать раз выше, чем в группе народов-братьев.

Библиографический список

1. Кирченко, И. Ксенофобия: испытание чужим [Электронный ресурс] / И. Кирченко // Зеркало недели. – 2005. – 1–7 октября. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0215/gazeta09.php>
2. Общественное мнение – 2014. – М.: Левада-Центр, 2015. – 234 с.
3. Панина, Н. В. Социологический мониторинг. Украинское общество 1994–2005: год перелома / Н. В. Панина. – Киев, 2005. – 150 с.
4. Почебут, Л. Г. Кросс-культурная и этническая психология / Л. Г. Почебут. – М., 2012.
5. Родионова, Е. В. Этносоциальные проблемы в зеркале российской социологии / Е. В. Родионова, С. Д. Савин // Вестник СПбГУ, Сер. 12. Социология. – 2016. – № 1. – С. 108–123.
6. Савва, С. М. Этнический статус: Анализ социально-политического феномена / С. М. Савва. – М., 1999.
7. Савин, С. Д. Воздействие этнонациональных версий исторического прошлого на массовое сознание современного российского общества / С. Д. Савин // Информация – Коммуникация – Общество (ИКО – 2016): Труды XIII Всерос. науч. конф. / Санкт-Петербург, 21–22 января 2016 г. – СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2016. – С. 294–296.
8. Сергеев, В. Социальная дистанция и социальные установки / В. Савин // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2008. – № 12. – С. 57–61.
9. Сикевич, З. В. Влияние этнического фактора на современное общество и человека / З. В. Сикевич // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2011. – №2. – С. 47–58.
10. Сикевич, З. В. Русские: «образ» народа / З. В. Сикевич. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. – 152 с.
11. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / отв. ред. Л. М. Дробижева. – М.: Academia, 2002. – 480 с.
12. Тишков, В. А. Этнология и политика / В. А. Тишков. – М., 2001. – 450 с.

Ширинкин П. С.
Shirinkin P. S.

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ
ДИНАМИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭТНОСА
И МАТЕРИНСКОГО ЛАНДШАФТА
(НА ПРИМЕРЕ ПРИКАМЬЯ)**

**SOME ASPECTS OF THE ETNA-ECOLOGICAL DYNAMICS OF
INTERACTION OF ETHNOS AND MATERNAL LANDSCAPE
(BASED ON THE EXAMPLE OF THE KAMA REGION)**

Аннотация: Работа посвящена описанию отдельных аспектов этно-экологической динамики взаимодействия этноса и вмещающего его ландшафта на примере Прикамья. В статье представлена концепция динамики бинома «территория (этноценоз) – этнос» в срезе истории социально-экономического развития этноса. В процессе освоения территории этнос получает доступ к ресурсам, приспособлявая условия окружающей среды под свои нужды. В этом процессе этнос сам приспособляется к внешней среде, становится более специализированным в направлении хозяйственной и социально-экономической деятельности, начинает терять конкурентное преимущество и вместе с исчерпанными ресурсами снижается его энергетика, этнос становится уязвимым для внешнего воздействия и переходит, согласно теории Л. Н. Гумилева, в мемориальную (реликтовую) фазу развития. Анализ аспектов этнической истории Урала с древнейших времен и до наших дней позволяет предположить, что русский этнос на территории Прикамья после семисот лет развития на данной территории закономерно утрачивает эффективный контроль над регионом.

Ключевые слова: этнос, этноценоз, этно-экологическая динамика, ресурсы территории, окружающая среда, конкурентное преимущество этноса, Прикамье.

Annotation: the article is devoted to the description of certain aspects of the ethno-ecological dynamics of the interaction of ethnicity and enclosing the landscape on the example of the Kama region. The article presents the concept of dynamic binomial "territory (Ethnies) – ethnicity" in the slice of history of socio-economic development of the ethnic group. In the process of development of the territory of the ethnic group has access to the resources, adapting the environmental conditions to fit your needs. In this process, the ethnic group adapts itself to the external environment, becomes more specialized in the direction of economic and socio-economic activities, is beginning to lose competitive advantage and, with depleted resources, reduced energy, ethnicity becomes vulnerable to external influence and moves, according to the theory of L. N. Gumilev, in the memorial (relic) phase of development. Analysis of aspects of the ethnic history of the Urals from ancient times to the present day suggests that the Russian ethnic group in

the territory of Prikamye after seven hundred years of development in this area naturally loses effective control over the region.

Key words: *ethnos, etnies, ethno-environmental dynamics, resources, environment, the competitive advantage of ethnic group, Kama.*

Одним из первых на сложную специфику взаимодействия этноса и материнского ландшафта (последний часто обозначают термином «этноценоз») в конце 70-х годов XX века обратил внимание Л. Н. Гумилев [4]. Автор теории этногенеза убедительно доказал не только предопределенность многих этнических процессов под влиянием биосферы, но и раскрыл особенности этнической эволюции в качестве диалектики причинно-следственных связей, когда не только этнос оказывает экологическое влияние на занимаемую им территорию, но и сам ландшафт со временем приводит этнос к чрезмерной специализации, потере конкурентоспособности и последующей деградации.

Во все времена и эпохи, поселившись на определенной территории, этнос ведет хозяйственную и социально-экономическую деятельность на уровне и в масштабах, которая позволяет ему делать вмещающая его территория, исходя из ресурсной базы. Этнос находится в сложной и зачастую бессознательной системе постоянно действующих энерго-вещественных циклов. Внешняя среда также постоянно находится с этносом в двухсторонней связи: с одной стороны, изменяется под влиянием этноса, а с другой стороны, ставит перед ним встречные вызовы посредством истощения ресурсов и внешних этнических диффузий.

Концептуально примечательно проанализировать динамику взаимодействия биннома: «территория (материнский ландшафт, этноценоз) – этнос» в срезе истории социально-экономического развития этноса.

На первоначальном этапе, осваивая новую территорию, этнос получает в процессе освоения ресурсов и возможного смешения генетического материала отчетливый импульс развития, затем приспосабливается к условиям среды, потребляя ресурсы и начиная специализироваться на определенных видах деятельности, так что оскудение ресурсной базы зачастую оказывается для этноса столь катастрофичным, что он становится не в состоянии перейти на другие ступени эволюционного развития и проигрывает этно-экологическое взаимодействие с окружающей средой. Речь идет о пока неопределенной закономерности, которая, вероятно, существовала во все эпохи, в любых регионах и, как было принято раньше говорить, во всех «общественно-экономических формациях».

Представляется интересным проследить отдельные аспекты данного процесса на примере конкретной территории со сложной историей этнического и социально-экономического развития. В Прикамье представлен сегодня чрезвычайно разнообразный калейдоскоп этносов и субэтнических групп [12]. Следует говорить о наличии многовековой преемственности указанного процесса сквозь культуры и эпохи и фиксации прямо пропорциональной взаимосвязи между социально-экономическим уровнем развития этноса на данной территории и масштабом эксплуатации ее ресурсов. Это означает буквально, что воздействие на природную среду Прикамья проживавших и проживающих на его территории этносов как во времена гляденовской эпохи, в период деятельности прикамского купечества, так и индустриальной эпохи наших дней, имеет непрерывную диалектическую взаимосвязь. Каждый предыдущий этнос своим влиянием на окружающую среду во многом предопределял не только свое будущее, но и эволюционное развитие всех последующих этнических систем. Территория выступает в данном случае своеобразной вечной сценой, на которой акт за актом разыгрываются триумфы и трагедии этнической жизни. Например, если этнос своей хозяйственной деятельностью приводит к истощению запасов древесины, он безапелляционно лишает следующую этническую систему, сменившую его эволюционным или революционным путем, возможности заниматься этим типом хозяйствования.

В изложенном методологическом ключе представляется интересным проследить примерно за последние три тысячи лет отдельные аспекты этно-экологической динамики развития археологических культур и этносов, проживавших и проживающих на территории Прикамья и Предуралья. Безусловно, сегодня очень многие моменты за удаленностью времени будут носить тезисный и во многом гипотетический характер, поскольку только с началом русской эпохи в Прикамье появились письменные источники, по которым можно сделать более определенные и достаточно объективные выводы. В период ранее XIV века придется полагаться лишь на археологические данные и заключения специалистов, которые чаще всего констатируют сами виды интенсивности и последствий хозяйственной деятельности исследуемой культуры, без учета экологического влияния последней на вмещающий природный ландшафт и чаще всего в статике, чем в динамике процесса. Поэтому период до начала XIV века в рамках данной статьи будет рассмотрен весьма тезисно и фрагментарно.

За более чем 300-х летний период изучения пермского звериного стиля появилось множество концепций и теорий о его смысловом и функциональном значении. В основном это философские, культурологические, религиозные и символические концепции [13]. Однако, без сомнения, достаточно даже поверхностного взгляда на предметы металлопластики, чтобы понять, что предметы звериного стиля полны рационализма и тривиальности. На них изображен целый спектр промысловых животных, птиц и рыб, которые составляли трофическую и экономическую основу жизнедеятельности архаичных этносов дорусской эпохи Прикамья. Численность этнических групп того времени остается до конца не выясненной, но однозначно: человек в тот период, несмотря на свою роль в биоценозе, не был на вершине пищевой пирамиды. Изобилие и разнообразие видов в окружающей природной среде было необходимой и достаточной основой для существования и развития архаичных этносов на территории Прикамья. Правда, не следует идеализировать этот этап этнической истории Прикамья, поскольку даже поверхностного анализа исторических и археологических данных достаточно, чтобы понять, что этническая история Прикамья была необычайно сложна, динамична, не обходилась без этнических эксцессов и внешних диффузий.

Трудно согласится с А. В. Черных, который в большинстве своих публикаций считает, что современная этно-культурная картина Прикамья есть результат постепенного, практически бесконфликтного эволюционного этнического развития существующих на территории края этнических групп [12]. Действительно, подобное мнение достаточно устойчиво, поскольку начавшаяся русская колонизация, по официальным данным, в XIV веке заретушировала существовавшую напряженность между этническими группами, в частности, между коми и манси, в пределах описываемой территории. Сегодня считается, что главный антагонизм якобы возник между пришлым русским населением и местными этническими группами. Эта, без сомнения, политическая идеология активно поддерживается в настоящее время из-за рубежа и периодически возникает в качестве экстремистских тенденций в регионах России.

Русские первопроходцы, оказавшись после похода Ермака на территории Западной Сибири, многократно фиксировали факты того, что даже между мансийскими соседними родами происходили постоянные конфликты и вооруженные стычки, которые уходили своими корнями в глубокую древность, выступая в качестве специфической традиции [7]. Поэтому можно утверждать, что ко времени прихода русских на территорию Прикамья и Предуралья, коми-

пермяцкие и мансийские этнические группы, относящиеся в общей языковой группе, были крайне истощены ежегодными (!) междоусобными конфликтами. Ситуация напоминала известный библейский сюжет про Каина и Авеля: коми-пермяки в этот период уже вели в основном оседлый образ жизни, расселившись по долинам рек бассейна Камы, занимались охотой и рыболовством, и относительно гармонично переняли от русских переход к земледелию и новому этническому стереотипу поведения. Манси, напротив, занимаясь сходными видами хозяйствования, опирались на оленеводство, не имея возможности по природным причинам заниматься земледелием, и предпочитали кочевой образ жизни [8]. Материнским ландшафтом для коми была зона тайги и долины рек, тогда как манси, кроме тайги, выбирали еще для проживания лесотундру и субальпийские луга Предуралья [7]. Сама природная среда еще до появления русских регулярно сталкивала эти этносы в постоянных конфликтах. Разница способов и форм хозяйствования от взаимодействия этноса с биоценозом привела в итоге родственные народы к различному потенциалу развития и чрезвычайно полярным мировоззрениям и стереотипам поведения. Именно коми придумали для манси свой собственный этноним, называя их вогулами (от слова «вэгул», «вогул» – «дикий лесной человек») [7].

Можно провести удивительную параллель между манси и центрально-американскими индейцами (в частности, ацтеками), в философии жизни которых война занимала особое место [10]. В пришедших с запада русских коми-пермяки в этой сложной этнической ситуации увидели скорее союзников, чем колонизаторов. Например, коми-пермяцкий эпос гармонично пополнился сказаниями о Ермаке, как заступнике простого народа, так, если бы он был легендарным коми-пермяцким героем [5]. Коми-пермяки рассказывали про Ермака даже в тех поселениях и территориях, где он никогда не бывал даже по определению. Совсем другое дело манси. Русских интересовал товар, на который у манси была своя многовековая монополия – пушнина, а материнский ландшафт манси был более уязвим, так что хозяйственное освоение их территории русскими приводило к планомерному вытеснению их с охотничьих и кедровых угодий. Можно сказать, что конфликт был заложен изначально самой биосферой и природой Урала. Русские и манси «столкнулись» в одной экологической нише, но если манси находились на стадии значительной специализации, то русский этнос, как более молодой, имел больший потенциал развития. Все это вылилось в периодические штурмы Чердыни и регулярные набеги с участием сибирских народов на прикамские земли в XVI-XVII веках

[6]. Тем не менее, русские оказались для местных этнических групп «твердым орешком»: они планомерно и настойчиво вовлекали последних в свою культуру, в основном, на бесконфликтной основе. Коми-пермяки активно включились в предложенную систему этнического симбиоза, поскольку русские, в первую очередь, предоставляли им военную защиту. Манси же, напротив, постепенно теряли свою этническую энергетику от военного противостояния русским и нежелания изменять свою культуру и переходить к православному единобожию. С походом Ермака в XVI веке и падением Сибирского ханства вогулы впади в мемориальную и реликтовую фазу этногенеза, сконцентрировавшись за Уралом на берегах Северной Сосьвы. Но в любом случае, прав был Р. И. Мэрчисон, говоря о русской колонизации: «Побежденные выигрывают» [3].

Не вызывает сомнения, что еще в дорусскую эпоху территория Прикамья была заметным регионом торговли вдоль всего Волго-Камского торгового пути [1]. Прикамье активно поставляло в другие регионы от Прибалтики и Скандинавии на западе, до Средней Азии на востоке и Персии на юге в обмен на серебро – пушнину, соль, мед, воск, медь и другие товары. Тем самым Прикамье сконцентрировало на сравнительно ограниченной территории значительные запасы серебра, породившие легенды о «серебре закамском» [11].

Освоение природных богатств и, в первую очередь, выварка соли и торговля пушниной сделали из Прикамья один из ведущих экономических регионов сначала Московии, а затем и Российской империи. Появился целый класс купечества с достаточно четкой социально-экономической и товарной специализацией. Пушной промысел главным образом преваляировал в чердынских (московских) землях, южнее – «дымили» соляные промыслы Строгановых, которые, получая жалованные грамоты от Московских царей, тем не менее, сравнительно долго держали экономическую особину, практически до эпохи Петра I, основав собственную экономическую империю [6].

Строгановы практически со времени своего появления во второй половине XVI века активно включились в эксплуатацию прикамских природных богатств. На первом месте, безусловно, была выварка соли. Огромное количества леса на протяжении почти четырехсот лет было сожжено в варницах и отправлено на строительство барок деревянного грузового флота солепромышленников. Строгановы активно занимались и пушным промыслом. Большое подспорье Строгановым оказали многочисленные поселения староверов, которые в обмен на укрывательство от московских властей обязались пожизненно трудиться у Строгановых. Уже в XIX веке (и без приведения цифр и по-

казателей, которых в силу ряда причин тогда просто не могло быть) можно говорить о заметном сокращении запасов древесины, кедрового ореха, пушнины, пресноводной рыбы, боровой дичи. Упала и полноводность рек. Не отставали от Строгановых в эксплуатации природы и чердынские купцы.

Прикамье стало форпостом для взятия Сибири, но это была не столько колонизация и захват других этнических территорий за Уралом, как любят констатировать зарубежные специалисты. Это было, скорее всего, столкновение этнических стереотипов поведения различных культур и форм хозяйствования, когда русский образ жизни и форма хозяйствования оказались более эффективными и перспективными в будущем с точки зрения этнических и социально-экономических вызовов внешней среды. Но не вызывает сомнения то, что приход русских, быстро ставших доминирующей этнической группой, резко усилил и расширил экологическую нагрузку на окружающую природную среду Прикамья.

В книге Н. С. Согрина «Алины. Трагедия рода» потомки старинного купеческого рода не перестают удивляться тем коренным переломным событиям, приведшим к революции и вынудившим их в итоге покинуть родину [9]. Между тем, цифры, изложенные в книге, дают достаточно четкое понимание значительного экологического давления на природную среду, которое опосредованно и привело к известным трагическим событиям первой четверти XX века.

Про купцов Алиных в Чердыни было принято говорить: «С этого двора рябчики до Парижу долетали» [9]. И действительно, ежегодно с купеческими караванами мороженая боровая дичь, рыба и пушнина поступали в Москву, Петербург и европейские столицы, а природные богатства Прикамья, напротив, скудели с каждым годом. Только с одним караваном, по накладным Алиных, было отправлено 250000 штук (!) шкурок белки [9]. По некоторым оценкам «армия» заготовителей и промысловиков-охотников только у купцов Алиных по окрестным селам и деревням составляла не менее 10 тысяч человек (!). Безусловно, многие промысловики добрым словом отзывались о купеческом вознаграждении за работу и сданную пушнину. Но возможное осмысление нанесенного ущерба природной среде вовремя не пришло к купеческому сословию из-за наступившего тяжелого переломного революционного времени. Однако именно здесь кроется первопричина того, что русские уже к двадцатым годам XX века не смогли сделать отлаженный купеческий бизнес частью социалистического хозяйствования. Сама природная среда уже не могла предоставить такой возможности. Со времени прихода русских в Прикамье в XIV веке

прошло уже более шести столетий и за этот период русские, как в свое время финно-угорские этносы, достигли значительной специализации в хозяйственной деятельности, которая на фоне истощения природных ресурсов дала сбой, выразившийся в социально-экономических эксцессах, насилии и репрессиях первой трети XX века.

Включение новых ресурсов и форм хозяйствования в довоенную советскую экономику, а также напряженный труд в период Великой Отечественной войны дали русскому этносу период определенного этнического ренессанса. Ставка была сделана на лесозаготовительную, деревоперерабатывающую, целлюлозно-бумажную промышленность, производство калия и магния, но в целом на еще более беспощадную эксплуатацию природной среды. Однако деградация популяции промысловых сортов рыб, кедрового ореха и пушнины остались в прошлом вместе с дореволюционной Россией в виде закономерного этно-экологического процесса, так и не осознанного в таком особом причинно-следственном ключе.

В целом, суровая природа Прикамья оказывала столь значительное сопротивление хозяйственной деятельности, что даже с отменой крепостного права феномен горнозаводской цивилизации вошел в стадию тяжелейшего кризиса [2, 6]. К 30-м годам XX века советской власти на Урале стало очевидно, что ни идеология, ни пропаганда, ни призывы новой власти не могут заставить человека добровольно принимать усилия по преодолению суровой природной среды. Вот в чем, возможно, может заключаться причина использования труда заключенных (в том числе, политических) на масштабных советских стройках. Напомним, что филиал СЛОНа был открыт в Красновишерске уже в 1928 году, и на север Прикамья потекли многочисленные вынужденные спецпереселенцы с Украины, Белоруссии, Поволжья. Только через неимоверные сверхчеловеческие усилия в очередной раз в истории Урала и Прикамья практически «на костях» был сделан очередной шаг в «борьбе» этноса против окружающей его природной среды.

С началом Великой Отечественной войны в битву с врагом вступили не только люди, со всеми городами и весями, от заводов до маленьких лесозаготовительных поселков, но и сама природа Урала. Большинство мужчин ушло на фронт, чтобы преградить врагу путь на восток, в том числе, к Уралу и Прикамью. Оставшиеся в тылу люди подключили даже ресурсы, которые в мирное время никогда не вспоминали о своей этнической принадлежности, подключив даже те ресурсы, которые в мирное время никогда не использовались

ни до, ни после войны. Например, начали заготавливать практически в промышленных масштабах речной голянь – маленькую рыбку, никогда не вырастающая больше 3–5 см, в народе называемая «вандыш», «суш», «малек», «мальга» и даже «рыбные пельмешки». В период Великой Отечественной войны объемы вылова этой рыбки шли на сотни килограммов. Рыбку солили, и этот, по сути, рыбный фарш отправлялся на фронт, распределялся по госпиталям и детским домам.

После окончания войны в результате потерь на фронте многие прикамские деревни и поселки стали закономерно пустеть. Вместо населенных пунктов появились воинские мемориалы с бесконечными списками фамилий. По самым скромным подсчетам, счет не вернувшихся достигал порядка 60–70% от числа ушедших на фронт в каждом населенном пункте. Война, в которой принимали участие прямо или косвенно все народы СССР в целом (и Прикамья, в частности) принесла упадок экономики, нехватку трудовых ресурсов, утрату личного капитала, огромный урон демографии, в том числе, с учетом потенциально не рожденных детей.

Начиная с 50-х годов, несмотря на многочисленные проблемы, этносы на территории Прикамья, как, впрочем, и по всей стране, вступили в период восстановления экономики, в процессе которого были удачные примеры открытия новых отраслей и форм хозяйствования. Например, открытие месторождения алмазов в Красновишерском районе и активизация разработок запущенного еще в годы индустриализации Кизеловского каменноугольного бассейна (Трест «Молотовуголь»).

В регионах нового освоения от Урала до Камчатки послевоенное развитие экономики вновь во многом держалось на исправительно-трудовых учреждениях, армейских стройбатах и отчаянных вахтовиках, но все это требовало огромных государственных дотаций в сырьевых отраслях, которые практически изначально имели низкую рентабельность. С приходом рыночной экономики в 1991 году, поток государственного финансирования прервался, обрушив складывающуюся десятилетиями экономическую систему. Природа на некоторое время получила передышку, оказавшись в более выгодной ситуации, чем региональные этноценозы. Вместе с исчезновением в населенных пунктах школ, домов культуры, библиотек люди уезжают в крупные города, и под натиском природной среды уже через несколько лет от поселка не остается и следа. Наблюдаем ли мы какую-то временную социально-экономическую неурядицу или речь идет о потере контроля над территорией

слабеющим русским этносом, который по своей энергетике, также как и другие коренные народы Прикамья, уже не в состоянии эффективно взаимодействовать с окружающей природной средой.

Сегодня в Прикамье черная металлургия и угольная отрасль практически утратили свое значение в условиях мировой глобализации. Добыча алмазов в Красновишерском районе свернута. Лесная отрасль уже испытывает нехватку сырья и по-прежнему находится на сырьевой стадии. Кама, как известный с древнейших времен водный торговый путь, практически не функционирует. Железнодорожные перевозки по Транссибу упали почти в несколько раз по сравнению с уровнем 90-х годов XX века.

Русская этническая общность, как скрепляющий другие малые народы многовековой суперэтнический «скелет», после многовековых усилий начинает сдавать позиции в природной среде, уменьшая численность населения и его плотность в сельских поселениях и периферийных муниципалитетах. Безусловно, этот процесс носит многоплановый и сложный инвариантный характер, с объективными закономерностями, свойственными экономике и социальной сфере XXI века. Однако данному процессу необходимо управление и рациональное противодействие – для отдаленных территорий нужна особая государственная социально-экономическая, национально-этническая и культурная политика для стабилизации проживающих на этих территориях этнических общностей. Иначе уже в ближайшие годы можно получить национально-этническую напряженность, скрытую и явную конфликтность и социально-экономическую деградацию российской провинции.

Возможности этноса по освоению окружающей территории демонстрируют его потенциал. Этнос, не развивающий провинцию, теряет в итоге свою этническую энергетiku. Когда-то этносы, жившие на территории Прикамья в до-русский период, находились перед природой в роли ведомых, и именно природа определяла численность народов и направление их развития. Если не изменить сложившуюся ситуацию, уже к середине XXI века русский этнос окажется в реликтовой фазе своего развития.

Этническая жизнь и конкуренция не терпят сослагательного наклонения. Возникший этический вакуум на территориях, где когда-то проживали коми-пермяки, манси, а теперь и не стало русских, может быть неожиданно катастрофически заполнен. Подобные высказывания с Запада нам уже приходилось слышать в новом времени, правда, эти слова были сказаны о Сибири, но и к Прикамью они могут быть отнесены в полной мере. Бывший госсекретерь

США Кондолиза Райс 14 декабря 2005 года заявила: «Сибирь слишком большой регион, чтобы принадлежать одному государству». Комментарии, как говорится, излишни.

Библиографический список

1. Белавин, А. М. Камский торговый путь / А. М. Белавин. – Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2000. – 198 с.
2. Богословский, П. С. О постановке культурно-исторический изучений Урала / П. С. Богословский // Уральское краеведение. Вып. 1. – Свердловск, 1927. – С. 33–37.
3. Ваксман, С. И. Вся Земля или Записки о Родерике Мэрчисоне, короле пермском, Силурийском и Дэвонском / С. И. Ваксман. – Пермь: Звезда, 2008. – 384 с.
4. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. – М.: Мишель и Ко, 1993. – 504 с.
5. Заветный клад: избранная коми-пермяцкая народная проза и поэзия / пер. с коми-пермяцк. и сост. В. В. Климова. – 2-е изд. – Кудымкар: Коми-пермяцк. кн. изд-во, 2007. – 392 с.
6. Иванов, А. В. Хребет России / А. В. Иванов. – СПб.: Азбука-Классика, 2010. – 272 с.
7. Легенды и были таежного края / И. Н. Гемуев, А. М. Сагалаев, А. И. Соловьев. – Новосибирск: Наука, 1989. – 176 с.
8. Михалевич, С. И. Хозяева Уральских гор / С. И. Михалевич. – Пермь, 2009. – 156 с.
9. Согрин, С. Н. Алины. Трагедия рода / С. Н. Согрин. – Соликамск, 2014.
10. Стингл, М. Индейцы без томагавков / перевод с чешского В. А. Каменской, О. М. Малевича; под редакцией Р. В. Кинжалова / М. И. Стингл. – М.: Прогресс, 1984. – 256 с.
11. Чагин, Г. Н. Чердынские клады. Сокровища археологических коллекций / Г. Н. Чагин. – Пермь, 2013.
12. Черных, А. В. Народы Пермского края: История и этнография / А. В. Черных. – Пермь: Пушка, 2011. – 296 с.
13. Эренбург, Б. А. Звериный стиль / Б. А. Эренбург. – Пермь: Сенатор, 2014. – 212 с.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГРАЖДАНСКОГО ЕДИНСТВА

Байбородов А.Ю.
Baiborodov A. Y.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПАТРИОТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ THE EXISTENTIAL PREMISES OF PATRIOTIC CONSCIOUSNESS

Аннотация: *Статья анализирует экзистенциальные предпосылки формирования патриотического сознания. «Чувство Родины», дорефлексивно переживаемое субъектом, предшествует любым формам научного и теоретического анализа. По мысли автора, глубинные основания патриотизма следует усматривать в изначальном доконцептуальном способе со-бытия субъекта со всем сущим. Экзистенциальный подход позволяет преодолеть противопоставление теоретико-дискурсивных форм рефлексии и изначального модуса со-бытия. Кроме того, экстремальный опыт субъекта может быть осмыслен как особый способ прояснения «верности» Родине и как возможность солидарности в борьбе за Родину.*

Ключевые слова: *патриотическое сознание, изначальное единство, со-бытие, субъект, экстремальный опыт, отрицание, возможность.*

Annotation: *The article analyses existential premises of patriotic consciousness. "The feeling of Homeland" comprehended by the subject, precedes to any forms of scientific and theoretic analysis. According to the author, the profound background of patriotism should be interpreted as a primary pre-conceptual unity of the subject's coexistence with the whole world. The existential approach makes it possible to overcome the opposition of theoretic reflexion and the initial mode of coexistence. Besides, a subject's extremal experience may be considered as a specific way of "brightening" of his "loyalty" to Homeland and as an opportunity of people's solidarity in their struggle for Homeland.*

Key words: *patriotic consciousness, primary unity, coexistence, subject, extremal experience, negation, opportunity.*

Проблема гражданского единения, укрепления национальных и духовных основ государства закономерно поднимает вопрос патриотического воспита-

ния, формирования патриотического сознания. При этом встает вопрос о роли и месте *человека* как главной «живой силы» социальности, в связи с чем его свободная активность, свободный и сознательный *выбор* становится главным и решающим условием воспроизводства социальных связей [Кемеров, 2001]. Не подлежит сомнению, что сопряжение личного и общественного в его «идеальном выражении» исключает подавление или отрицание свободы личности в рамках общественного целого, а также полное забвение и отрицание личностью социального, уход в сферу «чистой» субъективности. Именно внутренние, до поры не «рационализируемые» силы мышления и поведения, протекающие *intra pectus*, зачастую выступают главным условием формирования патриотического сознания. Так, «глубинные» переживания личности получили весьма подробное освещение в философии экзистенциализма [Аббаньяно, 1998; Ясперс, 2012; Расі, 1960 и др.]. В свете вышеизложенного **цель** настоящей статьи может быть определена как обозначение исходных, «глубинных» предпосылок сознательного и ответственного бытия субъекта, могущих, в свою очередь, стать решающим условием формирования гражданско-патриотического сознания. Таким образом, патриотизм отнюдь не есть некая «объективная», «внеличностная», внеположная уникальному опыту со-бытия, автономная сфера «идеального». Патриотические ценности обретают «новую жизнь» в аспекте сугубо уникального способа бытия-события отдельной личности, раскрываясь и актуализируясь в *акте* личностного выбора.

Таким образом, в свете нашего изложения особая роль принадлежит *внетеоретическому, недискурсивному* способу постижения и актуализации патриотических ценностей. Так, существуя в той или иной ситуации, в тот или иной отрезок времени, я могу переживать себя как единое целое с моей страной, моим народом, «малой родиной». Эта изначальная, зачастую невыразимая в формах теоретического дискурса, внутренняя связь, непосредственно постигается через переживание «кровного родства» с родными местами. Переживание в данной связи есть универсально-всеобщий модус осмысления мира как «со-бытийствующего». «Со-присутствие» субъекта со всем сущим, выступая в качестве универсального модуса понимания и истолкования, становится тождественным переживанию. То, что привычно именуют «чувством Родины», изначально *дореклексивно, до- и внетеоретично*, поскольку предшествует каким бы то ни было формам теоретического анализа. В свете настоящего анализа «чувство Родины», вначале обозначаемое онтически, он-

тологически может быть истолковано как особый модус со-бытия, преодолевающий и снимающий в себе дихотомию «субъект – объект». Теоретическое мышление в данной связи выступает как особая форма «инобытия» изначального модуса со-бытия с родными местами, родной природой, языком, обычаями и т.д. Сам исконный модус со-бытия, онтически выражаемый как «чувство Родины», остается для теоретического мышления «несхватываемым». Данный а priori способ бытия-события не просто внетеоретичен, но, в своей сущности, надтеоретичен, поскольку не просто отрицает собой последующие формы дискурсивного отображения, но, скорее, «снимает», сопрягает их в высшем единстве. Но это «высшее единство» существует не иначе как в корреляции с сознательной жизнью субъекта. Таким образом, изначальный опыт бытия-события целостен, нерасчленим, ибо априорно дан субъекту как единое неразрывное целое.

С самого начала Родина предстает как то, что неотделимо от сознательной жизни субъекта. В свете этого нам не пройти мимо анализа того, что являет себя «как оно есть» в непосредственном опыте субъекта. В данной связи весьма уместны параллели с известной песней на стихи М. Матусовского «С чего начинается Родина?». Так, «картинка в букваре», «хорошие и верные товарищи», «заветная скамья у ворот» суть «феноменологический ряд» на лично данных ситуаций, явленных сознанию. Но этот «феноменологический ряд» есть не что иное, как сугубо спонтанное истолкование изначального опыта, так как «при такой интерпретации мы в понятии феномена откладываем нечто реально существующее, поскольку это реально существующее прошло через совершенно определенную индивидуальную обработку, сопрягающую в себе жизнь сознания и работу психики. То есть мы видим в нем именно символопределенного со-бытия знания и сознания» [Мамардашвили, Пятигорский, 2011, с. 198]. Само переживание этой изначальной связи, осознаваемое и эксплицируемое *post factum*, есть особый способ символизации этой самой связи. Вследствие символизации изначального «чувства Родины» спонтанный опыт бытия-события получает последующее понятийное «обрамление». Но способы подобного «обрамления» весьма вариативны, поскольку объемлют в себе как рационально-дискурсивные средства, так и средства обыденного и художественного языка. Посему упомянутая выше песня на стихи М. Матусовского есть особый способ символизации исконного со-бытия с родными местами. Таким образом, онтологические корни

патриотизма, по нашему мнению, следует усматривать в изначальном доконцептуальном единстве «бытия – жизни».

Далее, обозначая проблему личностно-экзистенциального способа актуализации патриотических ценностей, обратимся к наследию «философии существования», в частности, в лице ее виднейшего представителя К. Ясперса. Формирование субъекта в «историчности» его существования, по Ясперсу, предполагает *верность* тому, что избрано субъектом в его «действительной экзистенции» [Ясперс, 2012]. Верность не есть лишь внешнее соблюдение обязательств или сила привычки, в основе верности лежит «идентификация с самим собою в существовании» [Ясперс, 2012, с. 139]. Далее в рассуждениях немецкого мыслителя видна попытка преодолеть извечный «дуализм» феноменально данного и отвлеченно-абстрактного: «Верность великим и значительным для всех задачам и людям не может быть истинной там, где нет *простой верности истока*. Тогда это бывает не верность, а *обреченность всеобщим идеям и объективным значимостям* (курсив мой. – А. Б.), роли и влиянию» [Ясперс, 2012, с. 138]. Но в этом случае отвлеченные понятия, «славное историческое прошлое», изложенное в книгах, официальная идеология и научные понятия никогда не смогут отменить исконный опыт со-бытия с тем, что дано в непосредственном опыте. Именно «самая жгучая, самая смертная связь» с «каждой избою и тучею, с громом, готовым упасть» [Рубцов, 1997, с. 74] и наполняет в сознании субъекта живым, неповторимым содержанием абстрактные идеологические клише и штампы. История страны, родного края, города, постулируемая абстрактно, мало что значит вне сопряжения с тем, что К. Ясперс называет «верностью в малом». Более того, индивидуальный модус со-бытия с родными местами, в котором и «малая родина», и Отечество в целом обретает статус Другого и особого «Ты», есть *точка сопряжения* индивидуального и универсального. В последнем случае официально пропагандируемые патриотические ценности, знание истории Отечества могут стать, по замечанию К. Ясперса, «*функцией возможной экзистенции* (курсив мой. – А.Б.), поскольку содержания и образы этого знания обращаются ко мне, говорят со мною, предъявляют мне требования или отвергают меня, а не просто наличествуют замкнуто сами по себе» [Ясперс, 2012, с. 121–122].

При этом следует иметь в виду, что непосредственный опыт со-бытия с Отечеством не есть нечто раз навсегда данное и неизменное. Именно негативный, экстремальный опыт «разлома», крушения изначального модуса

«универсального со-бытия» есть форма и возможность переопределения и *прояснения* того, что ранее представлялось естественным и незыблемым. Экстремальный опыт (война, смута, стихийное бедствие и т.д.) есть способ прояснения «верности» Отечеству, которая поначалу может декларироваться лишь отвлеченно. Некая ситуация крушения и уничтожения изначальной «целостности бытия» и делает возможным «становление возможной в нас экзистенции» [Ясперс, 2012, с. 206]. Так, ситуация войны, когда «Отечество в опасности», есть фундаментальная возможность самопрояснения субъекта и становления в его *действительном* способе бытия-события. В подобной ситуации решимость и выбор встать на защиту Отечества есть свободное и сознательное решение, если, конечно, оно принимается не как «повинность», а как священный долг. Во многом именно экстремальный опыт борьбы, опасности и возможной смерти «снимает» в экзистенциально-бытийном субстанциальном единстве какое бы то ни было разделение и противопоставление непосредственного способа «здесь-бытия» и официальных «воззваний» к народу. В то же время «живой», но нередко трагический, опыт «бытия в ситуации» (гибель боевых товарищей и мирных граждан, разрушенные города и деревни, а также недружественные действия со стороны других государств в мирное время) опять-таки делает возможным «просветление» через страдание, формирование и упрочение субъекта в «действительной экзистенции». Субъект в своем «действительном» способе бытия-события свободно и ответственно принимает на себя экстремальный опыт и идет до конца. В страдании и борьбе во имя Отечества, во имя своего народа, субъект формируется и утверждается в своем способе существования.

Характерно, что разрушение и отрицание первоначальной цельности бытия-события есть первое условие «просветления экзистенции» (К. Ясперс) в ее отношении к некому надличностному целому (в нашем случае, к Отечеству). Истоки патриотизма, будучи проясняемыми из «глубины экзистенции», актуализируются в своем действительном выражении через «*пограничные ситуации*» борьбы, страдания, вины и смерти [Ясперс, 2012]. Субъект, формирующийся в своем патриотическом сознании через осознание и переживание уничтожения ранее цельного опыта, постигает себе подобного, соотечественника, как «со-бытийствующего» в ситуации отрицания. Соотечественник, «со-бытийствуя» в подобной же ситуации, постигает общность индивидуальной судьбы через причастность единой исторической судьбе родной страны и на-

рода. *Коекзистенциальное* со-бытие возникает из со-бытия с родной страной и народом как *отрицаемого, уничтожимого*, что делает возможным в подобном случае *отрицание самой экзистенции* [Paci, 1960]. Из осознания отрицания со-бытия с родными местами и Отечеством в целом возникает ситуация борьбы, делающая возможным совершение подвига как «высокого мгновения» самой борьбы. В борьбе за Родину возникает сопричастность общающихся, в которой я постигаю Другого (соотечественника или единомышленника) как «со-бытий-ствующего», формирующегося в своей решимости к реализации «высокого мгновения». Стало быть, подобная «коэкзистенциальная солидарность» [Аббаньяно, 1998], рождающаяся в борьбе за Родину, и составляет основу «историчности» сосуществующих субъектов.

Как думается, приведенные выше соображения могут сыграть немаловажную роль в деле гражданско-патриотического воспитания. В свете сказанного особую роль и ценность приобретает непосредственный опыт существования «в ситуации», который, как думается, может впоследствии стать одной из важных предпосылок формирования как патриотического сознания, так и активной и сознательной гражданской позиции. Именно взаимодействие социально активных личностей и создает наиболее прочную основу гражданского единения, что, безусловно, сохраняет актуальность и в условиях современной России.

Библиографический список

1. Аббаньяно, Н. Введение в экзистенциализм / Н. Аббаньяно. – СПб.: Алетейя, 1998. – 507 с.
2. Кемеров, В. Е. Введение в социальную философию / В. Е. Кемеров. – М.: Академический Проект, 2001. – 314 с.
3. Мамардашвили, М. К. Символ и сознание / М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский. – СПб.: Азбука, 2011. – 320 с.
4. Рубцов, Н. М. Прощальная песня. Сборник стихотворений / Н. М. Рубцов. – М.: Русская книга, 1997. – 304 с.
5. Ясперс, К. Философия. Книга 2. Просветление экзистенции / К. Ясперс. – М.: Канон Плюс, 2012. – 448 с.
6. Paci, E. Funzione delle scienze e lo significato dell'uomo / E. Paci. – Milano: Garzanti, 1960. – 440 p.

Булатова А. А., Долинина И. Г.

Bulatova A. A., Dolinina I. G.

ЭТНОГРАЖДАНСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ СТУДЕНТОВ КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

CIVIL ETHNIC SELFCONSCIOUSNESS AS THE CONCEPTUAL COMPONENT OF SCIENTIFIC RESEARCH

Аннотация: В статье рассматривается актуальность научного исследования «Формирование культуры межэтнического взаимодействия студентов технического вуза», его научная новизна, раскрываются понятия «культура межэтнического взаимодействия», «гражданское единство», «этногражданское самосознание». Исследование проводится в Пермском национальном исследовательском политехническом университете.

Ключевые слова: межэтническое взаимодействие, культура межэтнического взаимодействия, гражданское единство поликомпонентная модель, концептуальный компонент, этногражданское самосознание.

Annotation: The article discusses the relevance of scientific research «Formation of interethnic interaction culture of technical college students», its scientific novelty, discloses the concept of «interethnic interaction culture», «civil unity», «civil ethnic selfconsciousness».

Key words: interethnic interaction, interethnic interaction culture, civil unity, polycomponent model, conceptual component, civil ethnic selfconsciousness.

Актуальность формирования культуры межэтнического взаимодействия является бесспорной в современном, насыщенном межэтническими противоречиями мире. Необходимость формирования культуры межэтнического взаимодействия в среде студентов является ответом на социально-экономические потребности общества, вставшего на путь вхождения РФ в систему мировой культуры и вхождению ее в мировое образовательное пространство. Вовлечение в Болонский процесс высших учебных заведений России приводит к интенсификации межэтнических контактов, в этих условиях формирование этногражданского самосознания является важной задачей на современном этапе мирового развития.

Научное исследование «Формирование культуры межэтнического взаимодействия студентов технического вуза» является откликом на Федеральный

закон «Об образовании», гласящий, что «содержание образования должно содействовать взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами независимо от расовой, национальной, этнической, религиозной и социальной принадлежности, учитывать разнообразие мировоззренческих подходов, способствовать реализации права обучающихся на свободный выбор мнений и убеждений, обеспечивать развитие способностей каждого человека, формирование и развитие его личности в соответствии с принятыми в семье и обществе духовно-нравственными и социокультурными ценностями».

Научная новизна исследования заключается в том, что разработанная в нем совокупность теоретических положений, выводов и рекомендаций содержит в себе решение научной проблемы – формирование культуры межэтнического взаимодействия студентов в условиях технического вуза.

Также в работе уточнено содержание понятия «Культура межэтнического взаимодействия» как части общей культуры индивида, характеризующейся знаниями, ценностями, опытом взаимопониманием и взаимодействием, способностью к диалогу и непредвзятости, признанием и уважением права на отличие, являющейся совокупным результатом воспитания и обучения, на основе самоидентификации и поликультурности, выработанной системы гражданских ценностей и этических норм, коммуникативности и толерантности, целостного мировоззрения, способности преодолевать возможное неблагоприятное влияние, готовность к взаимопониманию и взаимодействию [Булатова, 2015–2016, с.69].

Важным компонентом культуры межэтнического взаимодействия является стремление к гражданскому единству. Значимость гражданского единства подчеркивается в федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)», целью которой является укрепление единства многонационального народа Российской Федерации (русской нации).

По мнению одного из членов Консультативного совета по вопросам укрепления гражданского единства и гармонизации межнациональных отношений при Правительстве Российской Федерации, «гражданское единство необходимо не только для сохранения мира на российской земле, стабильность в обществе – фундамент для культурного и экономического развития нашей страны» [Рушан-хазрат Аббясов].

Проведенный нами анализ источников и научной литературы выявил отсутствие определения термина «гражданского единства». В процессе исследования нами выработано определение гражданского единства. В контексте нашего научного исследования «гражданское единство» – это отношение индивида к гражданской правовой принадлежности к стране, вне зависимости от его нации, расы и вероисповедания, обусловленное осмысленной необходимостью проживания совместно на определенной территории в условиях государства, характеризующееся поликультурностью, коммуникативностью, способностью к диалогу, признанием и уважительным отношением к представителям различных народов и их культуре и религии, готовностью к взаимопониманию и взаимодействию с представителями различных этносов и народностей.

С целью обеспечения целенаправленного педагогического процесса разработана поликомпонентная модель формирования гражданского единства, отражающая причинно-следственную связь между структурными иерархически взаимодействующими компонентами изучаемого процесса (концептуальным, содержательным, институциональным, организационно-функциональным, субъект-субъектным, критериально-диагностическим).

Нами определена система форм и методов, способствующих накоплению этнокультурных знаний и усвоению гражданских и этнических ценностей: обеспечение специфики взаимоотношений субъектов образовательной деятельности, обогащающей опыт межэтнического взаимодействия студентов; привлечение иностранного языка и создание языковой среды для более эффективного понимания и принятия чужой культуры, актуализации этногражданской позиции студентов.

Концептуальным компонентом нашей поликомпонентной модели формирования культуры межэтнического взаимодействия студентов технического вуза является этногражданское самосознание. Понятие **«этногражданское самосознание»** мы понимаем как структурный компонент личности, включающий в себя: переживание гражданских чувств, осознание себя как представителя своего народа и члена гражданского общества; правомерно применяющего свои права и выполняющего правовые обязанности; система знаний о себе и своем этносе, сформированную системой общечеловеческих, гражданских и этнических ценностей; способность взаимодействовать с другими народами и культурами.

Для достижения конечной цели нашего исследования разработано и обосновано научно-методическое обеспечение: интегрирующее программы элективных курсов, внеучебных мероприятий для студентов, методических рекомендаций для преподавателей, учебно-методического пособия, критериально-диагностический инструментарий результатов педагогического воздействия.

Дальнейшая перспектива и углубление рассматриваемой проблемы могут быть связаны с исследованием путей и средств интеграции педагогической среды, разработкой федеральных стандартов, обеспечивающих формирование гражданского единства, выработкой рационального компонента информационного содержания образования, совершенствованием механизмов управления гуманитарного образования и воспитания обучающихся.

Библиографический список

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ. Ст. 12, п. 1.
2. О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» (с изменениями на 25 мая 2016 года) : постановление правительства Российской Федерации от 20 августа 2013 года № 718 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/499040473>
3. Булатова, А. А. Культура межэтнического взаимодействия студентов: понятие, модель формирования / А. А. Булатова, И. Г. Долинина // Направления научной мысли. – 2015–2016. – Т. 7. – С. 69–72.
4. Булатова, А. А. Проблема межэтнического взаимодействия как предмет научного исследования / А. А. Булатова, И. Г. Долинина // Фундаментальная и прикладная наука. – 2015. – Т. 5. – С. 10–14.
5. Долинина, И. Г. Гражданско-правовое сознание в гуманитарном образовании студентов технического вуза / И. Г. Долинина // Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход. – 2014. – Том 1. – С. 364–370.

Глаголев В. С.
Glagolev V. S.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГРАЖДАНСКОГО ЕДИНСТВА

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF CIVIL UNITY

Аннотация: В статье рассматривается проблема соотношения групповых интересов различных социальных и этнонациональных общностей, существующих в современной России и психологические мотивы иерархизации их трендов в гармонизации российского социума и укрепления его стабильности. Выделен нелинейный характер этих процессов и психологические критерии организационно-государственных и ценностно-культурных критериев в жизни российского общества, способных минимизировать риски конфронтации и расширить зоны плодотворного сотрудничества российского Центра и его регионов.

Ключевые слова: российская нация, национальная психология, этнонациональные группы, национальные элиты, стабильность российского социума.

Annotation: The article discusses the problem of the relation of group interests of different social and ethnic and national communities, existing in modern Russia and psychological motives of hierarchy of trends in the harmonization of Russian society and strengthening its stability. In the article there are emphasized non-linear nature of these processes and psychological criteria of organizational, governmental and cultural values in the life of Russian society, which are able to minimize the risks of confrontation and expand areas of fruitful cooperation of Russian Centre and its regions.

Key words: russian nation, national psychology, ethno-national groups, national elite, the stability of the Russian society.

В публикациях последнего времени часто встречается понятие «российская нация». Оно предполагает характеристику национального субстрата России с точки зрения гражданской принадлежности. То есть, упрощенно говоря, «по паспорту». За таким подходом – история страны со времен Великого Московского царства и Российской империи, где отсутствовало понятие гражданства, но существовали понятия «холопство» и «подданство», которые предполагали не только подчинение законам этих государственных образований на их территориях, но и внесенный конкретными холопами и подданными вклад в становление, воспроизводство и стабилизацию государственно-социальных структур, их религиозных и других культурных составляющих,

способствовавших в своем функционировании все большему сближению этносов и народов и формированию устойчивых отношений типа наций [Торкунов, 2006]. По-видимому, этот процесс не завершен в силу конкретных причин, связанных с особенностями регионального развития, их спецификации и наличия социокультурных и даже административных дистанций [Силантьева, 2014]. В явном виде они сегодня дают о себе знать в отношениях руководителей Чечни к своим ближайшим и отдаленным соседям. В скрытом же виде принцип «своя рубашка ближе к телу» используется в этно-однородных связях, в том числе и религиозных (тюрко-мусульманский, угро-финский компонент и др.). Некоторые из этих проектов носят характер регионалистских «мечтаний», далеких от исторических и современных реалий (например, ингерманландский, калининградский [Щипков, 2015] и т. п.). Правда, они быстро попадают в поле внимания иностранных наблюдателей, – немецких, эстонских, турецких и др. Третьи ищут духовное единство в сотрудничестве местного, в основном «пришлого» русского населения Забайкалья [Арзуманов, 2004], с бурятским, якутским и некоторыми другими местными народами. На их основе выделяется даже особый тип социокультурной общности – т. н. «гураны», специфические забайкальцы. Известны сложные переплетения этносов на Дальнем Востоке, где украинцы наряду с русскими составляют особый исторический тип поселенцев. Таким образом, понятие «российская нация» – если иметь в виду не только формальную государственную принадлежность – включает достаточно широкий спектр разнонаправленных процессов в конкретных сферах деятельности исторически разнородного населения [Силантьева, 2012].

Самосознание этих групп также развивается в достаточно сложных сочетаниях региональной принадлежности к определенным устойчивым типам взаимодействия и включенности в общие заботы, тревоги и интересы России.

К настоящему времени, на наш взгляд, понятие «российская нация» сочетает как многоплановый и сложнейший опыт взаимодействия множества прошлых поколений населения нашей страны, так и самоопределение их современных задач, обусловленных устремленностью государственно-политической, экономической и культурной солидарности. Эта солидарность будет тем полнее и насыщеннее, чем разнообразнее и глубже будут включены в нее исторический опыт, опирающийся на него духовный потенциал, и те реальные производственные возможности [ср.: Parks R. B., Oakerson R. J., 2000], которыми располагает каждый из регионов, административно входящих в РФ.

Тем самым в историко-констатирующее содержание понятия «российской нации» добавляется важнейший составной элемент: стремление к достижению максимальной полноты государственной солидарности, развитие общей экономики, образования и основанной на них культуре, успехи усилий по «сбережению народа» как конкретный результат сбалансированной последовательной и отвечающей современным научным критериям демографической политики. То есть российская нация – это идеал, не оторванный в своем существовании от реальной жизни социальных групп и народов, составляющих в совокупности население России, а реализуемый благодаря этой деятельности в краткосрочных и среднесрочных рамках. Позволим заметить, что долгосрочные перспективы после краха советского строя не популярны среди населения всех российских регионов и психологически воспринимаются как бессодержательная пустышка, отсроченная в бесконечную перспективу ожидания. Поэтому психологическое обоснование национального единства России коренится в реальных достижениях и успехах государственной политики, поддерживаемой большинством населения в каждом из российских регионов. Более того. Если в каком-то регионе такую политику будет поддерживать половина или меньшинство населения, создаются опасные предпосылки сепаратистского тренда, угрожающего государственной целостности. Сознательная деятельность в этом направлении является уголовным преступлением в любом современном законодательстве, поскольку она разрушает процедуры, предусмотренные действующими законами и практикой правоприменения.

«Национальная психология» – раздел социальной психологии. Ее выводы носят характер среднестатистических тенденций, не исключая (а наоборот, предполагающих) наличие конкретных фактов и основанных на них примеров, которые противоречат основной – и в этом смысле закономерной – тенденции. Они оттеняют эту закономерность, делают ее более рельефной и сложной, неоднозначной, что создает, в том числе, специфические методологические трудности [Литвак, 2011].

В качестве раздела общественной психологии, национальная психология учитывает систему отношений, складывающихся в семье на антропологическом уровне и находящихся в теснейшем взаимодействии со средой, в которой живет семья. Здесь – связи с ближними и дальними родственниками, взаимодействие с соседями, предполагающее наличие общего языка (или понимания основных значений лексики другого языка, «соседского»), учет пред-

ставлений, ориентиров, смысложизненных задач, определяющих положение и характер поведения. Среда – сфера экономических интересов, включающих жизненное пространство [Глаголев, 2006]. Начиная, между прочим, с «квартирного вопроса»; право на землю для ведения хозяйства, на пользование дорогами, водопоями в случае развитого скотоводства, выпасами и т.д. Уже несколько тысячелетий эти отношения регулируют нормы обычного права. На Кавказе их называют «адатами». По иному они зовутся на азиатских территориях России, где сохраняются традиции скотоводства, охоты как хозяйственного промысла, сбора даров леса и т. д.

Как известно, на территории России существовало множество родоплеменных религий. Они сосуществовали, вступали в отношения взаимодействия, а подчас и вытеснялись иудаизмом (исходным центром которого для нашей страны был Хазарский каганат), христианством, пришедшим из Византии и соперничавшим с ним исламом (принятым как Золотой Ордой, так и многочисленными наследниками и соперниками Арабского халифата). Рехристианизация, реисламизация, также как и возвращение к язычеству – типичные феномены в духовной истории народов нашей страны. Ее эволюция никогда не осуществлялась прямолинейно. Все это наложило свою печать на религиозно-этническую и религиозную психологию народов России. В 20 в. буддизм в России вышел за рамки территории обитания калмыцкого, бурятского и тувинского народов и в своих европеизированных и русифицированных формах получил импульс к восприятию населением ряда европейских российских регионов [Новиков А. Н., Сундуева Д. Б., Бернюкевич Т. В., Гомбоева М. И., 2013].

Родовая память концентрирует внимание на истории взаимоотношения составляющих род семей и на судьбах самих родов. В ней четко разделено особое положение элит, принявших службу имперской России с одной стороны и судьбы массы рядовых соплеменников, либо сопротивлявшихся продвижению империи на новые территории. Кровная месть драматизировала образы родовой памяти на протяжении жизни ряда поколений и давала «черную метку» судьбам тех, кто переходил на сторону имперских победителей. Сбалансировать ее вирулентность может лишь четкое следование исторической правде. А не замалчивание ее или преподнесение в одностороннем виде. Примером неудачной идеологической акции является переиздание в 2016 г. сборника очерков «Покоренный Кавказ» под редакцией А. А. Каспари, вышедшего в 1904 г. в Санкт-Петербурге [Покоренный Кавказ, 2016]. В них дана панорама Кавказ-

ских войн со времен Петра Первого до 1864 г. Книга увидела свет в период русско-японской войны 1904–1905 гг. и должна была по замыслу издателей воодушевить общество ожиданием новых побед на дальневосточном театре военно-политических действий. Побед, как известно, не получилось.

Воспроизводство же в наши дни старой схемы восприятия кавказских народов как безрассудных и коварных грабителей, признающих только авторитет военной силы, является, по крайней мере, несвоевременным. Это типичный взгляд «с внешней стороны» бесчисленных и чрезвычайно динамичных линий кавказских конфронтаций, лишенный способности видеть ситуацию «изнутри», со стороны кавказских сообществ. И, соответственно, неприемлемый для их потомков в наши дни.

Национальное единство предполагает органическую целостность позиций тех, кто реализует общие глобальные задачи обеспечения стабильности страны с обоснованием роли, места и значения каждой из этнокультурных и этнонациональных групп, которые представлены в сегодняшней жизни российского государства.

Приоритет общегосударственных целей, навязываемых извне, – характерная особенность, прежде всего, имперской политики. Он, однако, неизбежен в ситуациях экстремальных и чрезвычайных: крупномасштабная война, угрожающая подорвать единство Отечества, стихийные бедствия общегосударственного масштаба (не дай Бог, техногенные в наши дни), эпидемии, вызванные неизученными медициной носителями, голод в результате неурожая, просчетов государственной политики, хаоса, возникшего в системах транспортных перевозок и т. д. [Rana A. P., 1979].

В чрезвычайных условиях мобилизация включает не только вербально-виртуальные средства, но и адекватные материальные меры на основе взвешенного определения разумной цены каждого усилия и всей их совокупности. Иначе мобилизационный клич напоминает по своей неэффективности крик мальчишки-пастушонка из рассказа «для народа» Л. Н. Толстого. Мальчишка, как известно, кричал: «Волки, волки!», когда не было непосредственной опасности для стада. Народ сбегался и заставлял достаточно спокойное поведение пасомых. Но когда к пастбищу действительно пришли волки, ложная тревога сделала свое дело: пастух и стадо оказались наедине с ними.

Необходимо учитывать, что любое сообщение СМИ, касающиеся тесно связанных между собою национально-культурных и национально-религиозных

общин, всегда проверяется их общественным мнением и авторитетами не только с точки зрения внешних фактов, поступивших в информационное поле, а с позиций возможного значения этих сообщений для интересов общин и тех групп, которые лидируют в них. Последние руководствуются, прежде всего, особенностями своего положения и исторически сложившейся конфигурацией взаимодействия друг с другом.

В самоорганизации жизни национально-религиозных и национально-культурных сообществ для государственной политики ценны их результаты. Усиливается или ослабевает отчужденность этих структур друг от друга? Происходит ли в результате их деятельности больший экономический, технологический, культурно-образовательный результат «в сухом остатке», а не по формальной отчетности? Которая, как известно, всегда оказывается благополучной для местных руководителей, пока не появятся ревизоры (как в последней картине бессмертной пьесы Н. В. Гоголя).

Куда уходят государственные дотации на разнообразные проекты, связанные в конечном счете с усилением единства сил, составляющих страну? Эффективен ли «местный менеджмент»? Если его воспроизводство влечет за собой хронические требования дотаций, да тем более и в возрастающих объемах, не нужно скрывать от местных жителей (и прежде всего, от местных!), какие суммы пришлись на каждую живую душу этих дотаций и какой эффект они дали этой душе. То есть прозрачность информации придется сосредоточить внутри констелляций и сетей этнокультурных сообществ. Отсюда – роль телевидения и прессы на национальных языках, оперирующих достоверными фактами, цифрами и документами.

Деликатна и проблема сменяемости местных элит. Вернее, сменяемости влияний «влиятельных семей». Если критерием соответствия их статусу является усиление гражданской консолидации, сохранение статус-кво, по видимому, целесообразно (при обеспечении, разумеется, персональной ротации). Тем более, что нередко претензии, предъявляемые представителям влиятельных семей, связаны с борьбой за расширение доли влияния тех, кто пока занимает второстепенные позиции. Поощрение таких претензий государственными структурами уместно, если претенденты располагают не просто идеальными вербально-виртуальными программами, но и готовы привести в действие реальные рычаги их осуществления.

Таковыми рычагами с точки зрения психологии является обеспечение достаточной широты и глубины применения принципа справедливости – древнейшего механизма человеческих сообществ [Силантьева, 2008]. Параллельно с ним проявление уважительного отношения к традиционным ценностям, опыту старших, инициативности молодых, нравственных оснований семейных ценностей, защиты обездоленных и несовершеннолетних. Хотя в священных текстах и учениях всех мировых и национальных религий упоминаются и популяризируются эти ценности, «чувство локтя» у представителей разных народов и культур формирует осуществление этих норм в реальном времени взаимодействия.

Достаточно сплоченные представители этнонациональных групп в настоящее время могут одновременно работать в плоскостях разных реальностей: реальности местных укладов и тех административных структур, решения которых определяют состояние и перспективы функционирования их сообществ. Глобализационные процессы явно способствуют мультипликации числа плоскостей с исходными функциями и, возможно, иерархии их соотношений. Естественен вопрос: на кого работают в конечном счете люди, оказавшиеся в подобных «двухплоскостных» и даже многоплоскостных» позициях? Работает ли их имидж лишь или преимущественно на продвижение клана или какой-то другой тесно сплоченной группы в ее собственных интересах? Четкие критерии их различия – предмет особых социальных, психологических и правовых «замеров».

Библиографический список

1. Арзуманов, И. А. Трансформация конфессионального поля Забайкалья в свете религиозных инноваций (XX-XXI вв.) : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / И. А. Арзуманов. – Чита, 2004.
2. Бернюкевич, Т. В. Ассимиляционные процессы и стратегии позиционирования культурной идентичности субэтнических групп Байкальского региона в условиях трансграничья / Т. В. Бернюкевич, М. И. Гомбоева, А. Н. Новиков, Д. Б. Сундуева // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. – 2013. – № 4. – С. 259.
3. Глаголев, В. С. Величие России: основания, иллюзии и реалии / В. С. Глаголев // Философия хозяйства. – 2006. – № 1 (43). – С. 101–106.

4. Каспари, Альвин. Покоренный Кавказ / Альвин Каспари. – М.: Центрполиграф, 2016. – 576 с.

5. Литвак, Н. В. Кризис социологических концепций информационного общества в сфере социально-экономических отношений / Н. В. Литвак // Философия хозяйства. – 2011. – № 1 (73). – С. 206–217.

6. Силантьева, М. В. Метаморфозы социальных организмов в свете трансформации культурных границ: глобальные следствия модернизационных процессов / М. В. Силантьева // Вестник МГИМО Университета. – 2012. – № 6 (27). – С. 206–210.

7. Силантьева, М. В. Новые принципы «философии границы» в глобальном мире: десуверенизация или «постсуверенизация» / М. В. Силантьева // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 3. – С. 8–26.

8. Силантьева, М.В. Гуманитарный аспект проблемы сомоопределения России: между обществом потребления и национальной самобытностью / М. В. Силантьева // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. – 2008. – № 1. – С. 84–88.

9. Торкунов, А. В. Российская модель демократии и современное глобальное управление // Международные процессы. – 2006. – Т. 4. – № 10. – С. 21–29.

10. Щипков, В. А. Трансформация дискурса пространства: от традиционного общества к эпохе постмодерна В. А. Щипков // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – №3 (32). – С.76–84.

11. Rana, A. P. Regionalism as an Approach to International Order: a Conceptual Overview // International Studies. – 1979. – Т. 18. – №. 4. – С. 491–535.

12. Parks, R. B., Oakerson, R. J. Regionalism, localism, and metropolitan governance: Suggestions from the research program on local public economies // State & Local Government Review. – 2000. – С. 169–179.

Жданова С. Ю., Печеркина А. В.
Zhdanova S.U. Pecherkina A.V.

**ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОГО
ОТНОШЕНИЯ К ИНОСТРАННЫМ СТУДЕНТАМ**
TECHNOLOGIES OF FORMING OF TOLERANT ATTITUDE
TOWARD FOREIGN STUDENTS OF STUDENTS AND
TEACHERS

***Аннотация:** В данной статье обсуждается проблема формирования толерантности, представлены технологии формирования толерантного отношения к иностранным студентам. Рассматриваются методологические подходы к проблеме формирования толерантности, анализируются стратегии формирования толерантного отношения к иностранным студентам, представлены рекомендации, направленные в адрес администрации вуза и преподавателей, работающих с иностранными студентами.*

***Ключевые слова:** толерантность, технологии формирования толерантности.*

***Annotation:** In work discussed the problem of forming of tolerance, presented technologies of formation of the tolerant attitude towards foreign students. Considered methodological approaches to a tolerance formation problem, strategy of formation of the tolerant attitude towards foreign students are analyzed, presented the recommendations submitted to administration of higher education institution and the teachers working with foreign students.*

***Keywords:** tolerance, technologies of formation of tolerance.*

В настоящее время в связи с осложнением межэтнических отношений особую актуальность приобретает проблема формирования толерантности, мирного, гармоничного сосуществования представителей различных культур. Особую значимость данная проблема приобретает для молодежи Пермского края, поскольку этот регион является многонациональным, в настоящее время на его территории проживает более 150 наций и народностей. С другой стороны, этот регион становится сегодня все более привлекательным для обучения иностранных студентов, количество которых с каждым годом увеличивается. Наличие иностранных студентов, обучающихся в вузе, является крайне важным для высшего учебного заведения, поскольку способствует его рейтингу, повышает статус учебного заведения, влияет на привлекательность вуза для абитуриентов.

Несмотря на позитивные стороны академической мобильности студентов, в то же время следует говорить о трудностях, с которыми сталкиваются иностранные студенты в процессе обучения в новых условиях образовательной среды.

Анализируя проблемы, с которыми сталкиваются иностранные студенты, попадая в новые условия обучения, следует учитывать, не только иные климатические условия, но и особое отношение к ним со стороны студентов и преподавателей. Особое отношение к иностранным студентам может быть обусловлено незнанием культурных традиций, обычаев страны, из которой прибыли студенты, а также влиянием этнических стереотипов. В этой связи особенно важно говорить о необходимости формирования толерантного отношения к иностранным студентам как со стороны однокурсников-россиян, так и со стороны преподавателей.

Рассматривая технологии формирования толерантного отношения, важно определить понятие этнической толерантности. Данный феномен рассматривается нами вслед за В. А. Виниченко и понимается как отношение и особое качество личности, проявляющееся в уважении к представителям иного этноса и корректном взаимодействии с ними.

Понятие толерантности может быть определено в узком и в широком смысле: раскрыто применительно как к отдельному человеку, так и обществу в целом. Характеризуя понятие толерантности, большинство авторов сегодня определяют его как социокультурный феномен, нравственный принцип, обеспечивающий возможность сосуществования с другими людьми, как уважение и признание равенства, отказ от доминирования и насилия, признание многомерности и многообразия человеческой культуры, норм, верований (А. Г. Асмолов; О. Б. Скрябина; Г. У. Солдатова). Феномен толерантности может быть проанализирован с точки зрения трех позиций: в контексте отношений «Я-Ты»; в аксиологическом аспекте ценностей; посредством деятельности и общения (П. Ф. Комогорову).

Рассматривая различные виды толерантности (такие как этническая, социальная, социокультурная, религиозная) важно также говорить о толерантности педагогической, коммуникативной и профессиональной. Подчеркивая значение и роль педагогической толерантности в учебном процессе, П. Ф. Комогоров считает, что педагогическая толерантность связана с общением и

предполагает толерантное взаимодействие всех субъектов образовательного пространства. Возможно предположить, что этническая толерантность как индивидуально-психологическое свойство личности, может входить в структуру профессионально-важных качеств педагога.

С целью формирования толерантного отношения к иностранным студентам в Пермском государственном национальном исследовательском университете (ПГНИУ) в рамках деятельности Центра психолого-педагогической помощи ПГНИУ нами была организована специальная работа. Она осуществлялась в соответствии с особым заказом, применительно к иностранным студентам, приехавшим для обучения в Пермский государственный национальный исследовательский университет из Ирака. В настоящее время на территории университета проживает и обучается 70 студентов из Ирака.

Технологии формирования толерантного отношения к иностранным студентам разрабатывались в соответствии с полученными ранее результатами исследования, посвященного формированию толерантности молодежи Пермского края (проект № 12–16–59015 а), а также в соответствии с методологическими принципами и основаниями, в качестве которых выступают: мультисубъектная теория личности и концепция Значимого Другого В. А. Петровского; подход к изучению способности к пониманию индивидуального своеобразия личностного склада другого человека (А. А. Бодалев, Г. М. Андреева, В. Н. Куницына, В. В. Знаков, В. А. Лабунская); подход к пониманию толерантности как признания многомерности и многообразия человеческой культуры, норм, верований (А. Г. Асмолов, Г. У. Солдатова); положение о взаимосвязи этнической идентичности и межэтнической толерантности (Дж. Берри, Л. М. Дробижеева, Н. М. Лебедева, Г. У. Солдатова); теория межкультурной коммуникации (С. А. Арутюнов, Т. Г. Грушевицкая, А. П. Садохин); теория культуры межнационального общения (Н. А. Асипова, З. Г. Гасанов, Р. И. Кусарбаев, В. П. Комаров, И. И. Серова); подход П. Ф. Комогорова к формированию толерантности в межличностных отношениях у студентов; подход к формированию этнической толерантности Н. М. Лебедевой; подход к формированию этнической толерантности у молодежи Пермского края (С. Ю. Жданова, С. Л. Мишланова, В. Б. Поляков); диссертационное исследование, посвященные проблемам социально-психологической адаптации студентов (Н. С. Трофимова, 2015; Р. В. Овчарова; 2015), исследование Ан-

намурадовой А. А. (2013), посвященное проблемам социально-психологической адаптации иностранных студентов.

В рамках данной программы на первом этапе нашей работы была осуществлена психологическая диагностика. Целью диагностики явилось изучение особенностей коммуникативного взаимодействия студентов с однокурсниками и преподавателями, а также трудностей, связанных с процессом обучения. Так, студенты, прибывшие из Ирака, не говорят на русском языке, не все из них знают английский или какой-либо другой иностранный язык. В связи с этим в качестве ключевого метода исследования был использован метод наблюдения Р. Бейлза. В качестве экспертов, принявших участие в обследовании, выступили сотрудники Центра психолого-педагогической помощи ПГНИУ, магистранты 2-го года обучения, обучающиеся по направлению «Психология» и проходящие производственную практику в Центре психолого-педагогической помощи, а также волонтеры из числа студентов-психологов.

По итогам наблюдения был составлен психологический портрет каждой из учебных групп, в которой обучаются иностранные студенты, были детально проанализированы особенности коммуникативных процессов, происходящих в группе как по отношению к однокурсникам, так и в системе студент-преподаватель. В ходе исследования был также использован метод фокус-группы, в котором приняли участие представители международного управления ПГНИУ, курирующие процесс обучения иностранных студентов в вузе, администрация университета, преподаватели, осуществляющие непосредственную работу с иностранными студентами. С целью диагностики был использован метод беседы, в которой приняли участие преподаватели, осуществляющие работу с иностранными студентами, а также студенты, владеющие английским языком. Беседа осуществлялась индивидуально в соответствии с заранее продуманной схемой исследования. На основе полученных результатов исследования были разработана программа формирования толерантного отношения к иностранным студентам из Ирака со стороны преподавателей и студентов. Технологии формирования толерантного отношения к этим студентам были определены в соответствии с полученными ранее результатами исследования (С.Ю. Жданова, С.Л. Мишланова, В.Б. Поляков, 2013) и включали в себя следующие содержательные компоненты:

– когнитивный (знание истории своего и других народов, традиций, обычаев);

– эмоциональный (формирование положительного отношения к культурной специфике различных этнических групп, положительного эмоционального реагирования на иноэтническое окружение);

– поведенческий (формирование умений и навыков взаимодействия с представителями иного этноса).

В связи с этим, технологии формирования толерантного отношения к студентам из Ирака были направлены на знание и понимание иных групповых норм, ценностей, уважение к традициям национальной культуры; были ориентированы на положительное отношение к Другому, как представителю другого этноса, принятие Другого как ценности, готовности понять мир Другого при сохранении границ собственного Я.

Технологии формирования толерантного отношения предусматривали также формирование: эмпатии, интереса к Другому; открытости; стремления позитивно взаимодействовать и осуществлять межгрупповое сотрудничество, позитивное взаимодействие и взаимовосприятие.

В рамках данных технологий с целью развития у студентов из Ирака умений и навыков межкультурного общения и обучения их правилам этикета, принятого в Российском обществе, были организованы специальные мероприятия. В рамках данных мероприятий были устроены встречи студентов из Ирака со студентами ПГНИУ. Данные встречи проводились в конце лекции и захватывали большой перерыв. Это было сделано для того, чтобы из формального общения можно было перевести в формат неформальной беседы студентов, которые могли свободно общаться и продолжить беседы во время большого перерыва. В начале каждой встречи были обеспечены небольшие презентации. Темы для них были выбраны с учетом методологических подходов, сформулированных ранее в нашем исследовании, посвященном формированию толерантности у молодежи Пермского края (Жданова С. Ю., Мишланова С. Л., Поляков В. Б., 2013; проект РНГФ № 12–16–59015а/у). Кроме того, были устроены специальные встречи, которые проходили в течение одной пары занятий. В ходе этих встреч использовались **тренинговые методы**, в т. ч. игровые приемы, а также методы, направленные на развитие социальной перцепции. Были применены упражнения, направленные на развитие уважительного отношения к Другому, представителю другого этноса и формирова-

нию навыков понимания и принятия Другого, восприятию толерантного поведения и поведенческих стратегий, ориентированных на сотрудничество.

В организации данных встреч приняли участие волонтеры из числа студентов-психологов. Такой формат общения способствовал развитию знаний студентов из Ирака и студентов ПГНИУ об особенностях культуры обеих стран, традициях и обычаях. Формат также способствовал развитию навыков межкультурного взаимодействия. Благодаря этому, студенты из Ирака получили возможность познакомиться с университетской средой, здесь существующими традициями, правилами общения и поведения в группе, взаимодействия с преподавателями.

В рамках данной программы также были разработаны правила поведения и проживания в общежитии. В разработке проекта приняли участие студенты-психологи из числа волонтеров. Разработка проекта способствовала знакомству со своеобразием культуры и особенностями проживания представителей разных культур. Особое внимание было уделено наглядному описанию правил. Они были переведены на английский и арабский языки. Участие в данном проекте способствовало формированию профессиональных компетенций студентов-психологов, проявлению своих психологических знаний на практике.

В рамках программы формирования толерантного отношения к иностранным студентам были разработаны психолого-педагогические рекомендации для преподавателей, работающих с иностранными студентами. Документ обозначил методические условия по успешному взаимодействию преподавателя и иностранного студента в процессе педагогического общения. Здесь также охарактеризованы национально-психологические особенности иностранных студентов, своеобразие их общения и взаимодействия. Документ очертил этапы адаптации иностранных студентов к новым условиям образовательной среды, преодоления студентами языкового барьера, их активного вовлечение в учебный процесс, поддержания дисциплины в ходе занятий. Преподавателям были даны советы по технике и стилю педагогического общения с иракскими студентами, методике формирования у них навыков и умений по межкультурной коммуникации. Представлены рекомендации по отбору учебного материала, сведений о традициях, культурных особенностях жителей обеих стран, специфичным формам взаимодействия, использованию социально-ролевых игр на занятиях и учету при этом языковых понятийных расхождений.

Отмечено, в частности, что при построении педагогического общения с иностранными студентами важно учитывать категорию пространства, которая сильно отличается в различных культурах. Прежде всего, речь идет о дистанции общения, которая устанавливается в зависимости от возраста, пола, религии, социального положения участников коммуникации. Подавляющее большинство иностранных учащихся приезжает к нам из мусульманских стран, где недопустимым является прикосновение человека, принадлежащего к другой религии.

Обратим внимание на важный для преподавателей момент межкультурного общения, как гендерные национально-обусловленные представления. Это представления о месте и роли представителей разного пола в социальной и образовательной жизни. Так, для многих иностранных студентов в их стране преподаватель-женщина и женщина вообще не играет столь важной роли, как в России. Поэтому студенты должны привыкнуть к осознанию значимости женщин в российском обществе и в российской культуре, что происходит далеко не сразу.

Знания о стиле и мотивах поведения студентов помогут избежать конфликтных ситуаций между людьми, принадлежащими к разным культурам, и в то же время помогут самому преподавателю не делать ошибок в процессе педагогического общения. Из практики известно, что многие преподаватели предпочитают работать с уже привычным контингентом иностранных студентов. В заключение приведем некоторые рекомендации по преодолению трудностей, связанных с формированием толерантного отношения к иностранным студентам.

Библиографический список

1. Аннамурадова, А. А. Проблема адаптации иностранных студентов и пути их решения в Шуйском филиале Ивановского государственного педагогического университета [Электронный ресурс] / А. А. Аннамурадова. – Режим доступа: <http://www.scienceforum.ru/2013/pdf/6241.pdf>
2. Асмолов, А. Г. Толерантность: различные парадигмы анализа / А. Г. Асмолов // Толерантность в общественном сознании России. – М., 1998.
3. Виниченко, В. А. Формирование межэтнической толерантности у будущих специалистов по связям с общественностью: автореф. дис. канд. педагог. наук / В. А. Виниченко. – Якутск, 2010. – 24 с.

4. Жданова, С. Ю. Особенности влияния медиатекстов на уровень этнической агрессии и этнической толерантности в связи с полом / С. Ю. Жданова, С. Л. Мишланова, В. Б. Поляков // Форум Психологов Прикамья «Психологическая наука и практика: личность и среда». Пермь, 31 октября – 1 ноября 2013. – Пермь, 2013.

5. Жданова, С. Ю. Формирование толерантности у молодежи пермского края к представителям других этнических групп / С. Ю. Жданова, С. Л. Мишланова, В. Б. Поляков // Человек в Мире, Мир в Человеке: Актуальные проблемы философии. Социологии, политологии и психологии: материалы XVI Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (24–25 октября 2013). – Пермь, 2013. – С.514–521.

6. Жданова, С. Ю. Психосоциальные технологии формирования толерантности у молодежи пермского края / С. Ю. Жданова, С. Л. Мишланова, Н. Ю. Новиков // Форум психологов Прикамья «Психологическая наука и практика: личность и среда». Пермь, 31 октября – 1 ноября 2013. – Пермь, 2013.

7. Жданова, С. Ю. Формирование социально-психологической адаптации у студентов-первокурсников к новым условиям образовательной среды / С. Ю. Жданова, А. Г. Кузнецов, А. В. Шавкунова // Психологическая наука и практика: взаимодействие, опыт, новации : материалы V Форума психологов Прикамья (Пермь, 27–28 ноября 2015). – Пермь, 2015. – С. 89–95.

8. Жданова, С. Ю. Особенности мотивации учебной деятельности у студентов Механико-математического факультета / С. Ю. Жданова, А. Г. Кузнецов, А. В. Печеркина // Экономика знаний в глобальном информационном обществе : материалы третьей российской научно-практической конференции с международным участием (21–22 апреля 2015). – Пермь, 2015.

9. Иванова, М. А. Проблемы адаптации иностранных студентов в вузе / М. А. Иванова; Деп. в НИИ ВШ 28.11.79. – № 4033–78. – 15 с.

10. Иванова, М. А. Социально-психологическая адаптация иностранных студентов первого года обучения в вузе / М. А. Иванова, Н. А. Титкова. – СПб., 1993.

11. Комогоров, П. Ф. Формирование толерантности в межличностных отношениях студентов высшего учебного заведения: автореф. дис. канд. психол. наук / П. Ф. Комогоров. – Курган, 2000.

12. Овчарова, Р. В. Субъектность личности как фактор социально-психологической адаптации студентов колледжа / Р. В. Овчарова, Н. С. Трофимова // Теория и практика общественного развития. – 2013. – №3. – С. 69–72.

13. Овчарова, Р. В. Характеристика типологии студентов-первокурсников колледжа на этапе социально-психологической адаптации / Р. В. Овчарова, Н. С. Трофимова // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 3. – С. 99–103. (0,8/0,4 п. л.).

14. Скрыбина, О. Б. Педагогические условия формирования коммуникативной толерантности у старшеклассников: автореф. дис. канд. педаг. наук / О. Б. Скрыбина. – Кострома, 2000.

15. Солдатова, Г. У. Тренинг «Учимся толерантности» / Г. У. Солдатова, Т. А. Шайгерова, О. Д. Шарова // На пути к толерантному сознанию / отв. ред. А. Г. Асмолов. – М.: Смысл, 2000.

16. Трофимова, Н. С. Развитие субъектности личности как фактор социально-психологической адаптации студентов колледжа к новым условиям обучения: автореферат диссертации, представленной на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.07 / Н. С. Трофимова; Педагогическая психология. – Екатеринбург, 2015. – 24 с.

17. Трофимова, Н. С. Психолого-педагогическое сопровождение социально-психологической адаптации студентов на основе развития субъектности личности / Н.С. Трофимова // Среднее профессиональное образование. – 2013. – № 4. – С. 22–24.

18. Трофимова, Н. С. Исследование взаимосвязи социально-психологической адаптации и субъектности личности студента колледжа / Н. С. Трофимова // Педагогическое образование в России. – 2013. – № 3. – С. 116–121.

Кожевникова О. В.

Kozhevnikova O. V.

**АКАДЕМИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ВТОРОКУРСНИКОВ
В УСЛОВИЯХ РЕГИОНАЛЬНОГО ВУЗА: РАЗРАБОТКА
ДИАГНОСТИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ¹**
ACADEMIC ADJUSTMENT OF SECOND YEAR STUDENTS
AT THE REGIONAL UNIVERSITY: DEVELOPMENT
OF THE RESEARCH TOOLS

Ключевые слова: академическая адаптация, кризис второкурсника, контент-анализ, специализированный семантический дифференциал, психосемантическая модель.

Key words: academic adjustment, sophomore slump, content-analysis, special semantic differential.

Академическая адаптация – это процесс и результат приспособления студентов нового приема к условиям высшей школы, в ходе которого у них формируются навыки и умения организации учебной и внеучебной деятельности, соответствующие требованиям, предъявляемым новой социальной средой – университетом. Успешность академической адаптации может стать фактором, определяющим дальнейшие академические результаты и профессиональное становление обучаемых. Результаты осуществленного нами ранее исследования, в ходе которого мы выявили первокурсников с тенденцией к успешной и к неуспешной адаптации, позволили нам утверждать, что успешность академической адаптации взаимосвязана с индивидуально-психологическими особенностями студентов первого года обучения. В частности, мы установили, что успешная академическая адаптация взаимосвязана со снижением уровня тревожности, являющейся признаком сложности вхождения в новую образовательную среду. Кроме того, успешность академической адаптации повышается при наличии у студентов положительного самоотношения и эмоциональной устойчивости, проявляющейся в адекватном переживании неудач и затруднений в учебной и коммуникативной сфере [Акимова, 2015].

Логическим продолжением упоминаемого исследования стало изучение так называемого «кризиса» или «синдрома» второго года обучения в вузе.

¹ Исследование выполняется при финансовой поддержке РФНФ в рамках научного проекта № 16–16–18013а(р).

Зарубежными исследователями установлено, что «кризис второкурсника» ассоциируется, прежде всего, со снижением мотивации и интереса к учебе, повышением неуверенности в собственных личных и профессиональных целях, сомнениями относительно связи университетского образования с реальной жизнью (в российских вузах к этим пунктам, вероятнее всего, можно было бы добавить неуверенность в правильности выбора направления подготовки/факультета), снижением социальной активности по сравнению с выпускными классами школы и первым годом обучения в университете [McBurnie, 2012]. В региональном вузе ситуация может усугубляться еще и тем, что многим студентам, в частности, приехавшим на обучение из сельской местности, приходится адаптироваться не только к новой образовательной среде, но и к иному социокультурному окружению города. В национальных республиках добавляется этнокультурный и языковой аспект, в силу того, что представители компактно проживающих национальных меньшинств вынужденно погружаются в русскоязычное информационное и коммуникативное пространство университета, ориентированного на общероссийские и общемировые ценности и смыслы.

Сбор эмпирических данных на выборке студентов регионального вуза в национальной республике (Удмуртский государственный университет) осуществляется в несколько этапов. На первом этапе – начало осеннего семестра 2015–2016 учебного года – было проведено интервью со студентами-третьекурсниками с целью изучения процесса и результатов их обучения в вузе в течение второго курса, а также возможных временных рамок возникновения, эскалации и затухания кризисных переживаний. Затем – в преддверие зимней сессии – студентам второго года обучения было предложено написать эссе на тему «Кризис второкурсника». Полученные данные были обработаны с помощью процедур контент-анализа, позволивших выявить внешние (средовые, социально-демографические, процессуально-организационные, системно-институциональные и т.д.) и внутренние (индивидуально-психологические особенности личности) факторы и проявления дезадаптации студентов второго года обучения.

К внешним факторам академической дезадаптации были отнесены: взаимодействие с преподавателями (неадекватность требований; стиль преподавания; непонимание преподавателями студентов и др.), особенности учебного процесса (повышение требований; появление более сложных предметов; отсутствие выбора образовательной траектории; новые виды учебной деятельности), наличие конкурирующей деятельности (работа, для обеспечения базовых по-

требностей /для достижения финансовой независимости; внеучебная деятельность в университете); взаимоотношения с родителями, адаптация к условиям городской жизни. Внутренними факторами являются различные негативные особенности личности (склонность к прокрастинации, лень, апатия, страх и др.). Основные формы проявления академической дезадаптации – это сомнения в выборе направления обучения; потеря мотивации; сомнения в собственных силах; снижение академической успеваемости; ощущение нехватки времени; пропуски занятий; скука, потеря новизны; усталость, снижение работоспособности.

На основании анализа данных, полученных на первых двух этапах нашего исследования, была разработана оценочная матрица специализированного семантического дифференциала [Кожевникова, 2016], который будет использован на третьем этапе сбора данных в осеннем семестре 2016–2017 учебного года. Объектами оценивания стали следующие категории: адаптация, выбор, жертва, кризис, мотивация, напряжение, ответственность, перемены, поиск, привычка, пустота, радость, развитие, свобода, скука, сомнения, страх, стресс, усталость, цель. В число шкал оценивания вошли двадцать пар антонимов, например, безопасный – опасный, воображаемый – реальный, громкий – тихий, грустный – веселый, знакомый – незнакомый, изменчивый – постоянный и др. Разработанный нами диагностический инструментарий позволит получить не только данные по результатам самоотчета второкурсников, но и построить психосемантическую модель изучаемого феномена на основании анализа специфики вербально-смысловых конструкторов сознания респондентов.

Библиографический список

1. Акимова, С. В. Факторы успешности академической адаптации на начальном этапе обучения в университете [Электронный ресурс] / С. В. Акимова, О. В. Кожевникова // *Universum: Психология и образование* : электрон. научн. журн. – 2015. – № 8 (18). – Режим доступа <http://7universum.com/ru/psy/archive/item/2516>
2. Кожевникова, О. В. Психосемантика. Метод семантического дифференциала : учеб.-метод. пособие / О. В. Кожевникова, С. А. Вьюжанина. – Ижевск: Удмуртский университет, 2016. – 120 с.
3. McBurnie J. Avoiding the second year slump: a transition framework for students progressing through university / J. McBurnie, M. Campbell, J.M. West // *International Journal of Innovation in Science and Mathematics Education*. – 2012. – 20(2). – P. 14–24.

Красноярова А.А.

Krasnoârova A. A.

ДИДАКТИЧЕСКИЙ И ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ ANALYSIS OF DIDACTIC LECTURES AND EDUCATIONAL POTENTIAL OF CHINESE STUDENTS PSNRU

Аннотация: В настоящее время отмечается значительное повышение интереса к изучению русского языка среди молодежи разных стран. Использование в учебной деятельности комплекса воспитательных и дидактических принципов является особенностью современного обучающего процесса. Чтобы разрешить объективные коммуникативные препятствия в процессе обучения китайских студентов русскому языку, следует разработать для них особый алгоритм погружения в языковую культуру. Оптимальной целью этого процесса может выступить планомерное и системное включение обучающихся в образовательный процесс, учитывая их индивидуально-личностные особенности овладения языковыми навыками.

Ключевые слова: работа с китайскими студентами, персональный индивидуальный подход, современный учебный процесс, обучения китайских студентов русскому языку, сравнение китайской и русской культур, пути взаимодействия разноязычных субъектов.

Annotation: Currently, there has been a significant increase in interest in the study of the Russian language among the youth of other countries. Use in training activities complex educational and didactic principles is a feature of modern training process. To allow objective communication obstacles in training Chinese students in Russian, should develop their particular algorithm dives in linguistic culture. Optimum objective of this process may make systematic and systemic inclusion of students in the educational process, taking into account their individual personality traits of mastering language skills. Currently, there has been a significant increase in interest in the study of the Russian language among the youth of other countries. Use in training activities complex educational and didactic principles is a feature of modern training process. To allow objective communication obstacles in training Chinese students in Russian, should develop their particular algorithm dives in linguistic culture. Optimum objective of this process may make systematic and systemic inclusion of students in the educational process, taking into account their individual personality traits of mastering language skills.

Key words: working with Chinese students, the personal individual approach, modern teaching process, learning Chinese students Russian language, the comparison of Chinese and Russian cultures, ways of interaction multilingual agents.

В образовательном пространстве XXI века особо актуальным, активно востребованным и перспективным является совершенствование методики преподавания русского языка как иностранного. В настоящее время отмечает-

ся повышение интереса к изучению русского языка среди молодежи других стран (особенно восточных): вузы России вновь – как и в XX веке – становятся привлекательными для получения образования.

Современная тенденция предполагает развитие индивидуально-личностного подхода, позволяющего учащимся максимально проявляться как личности. В процессе обучения особое внимание необходимо уделять развитию сознания, духовной культуре, нравственности, а также формированию интеллектуального потенциала. Не вызывает сомнения чрезвычайная важность такой подготовки, в процессе которой высшие учебные заведения заканчивали образованные интеллектуальные студенты, обладающие высоким культурным уровнем, знанием основ изучаемых наук, умением самостоятельно и гибко мыслить, инициативно и творчески решать жизненные и профессиональные вопросы.

В каждой культуре присутствуют те или иные доминанты, закрепленные в языке, использование которых может сделать образовательный процесс наиболее продуктивным (и наоборот, игнорирование их может максимально затруднить проведение учебных занятий).

Преподавателю, находящемуся в процессе постоянного взаимодействия с иностранными студентами, для того чтобы качественно планировать и реализовывать образовательный процесс, необходимо учитывать как национальные, так и личностные особенности студентов. В первую очередь, нужно понимать их ведущую мотивацию процесса освоения русского языка. Преподаватель должен в максимальной степени учитывать особенности восприятия китайскими студентами учебного материала. Сложность получения результата связана со значительными различиями, имеющимися между русской и китайской культурами, что затрудняет взаимодействие преподавателя и студентов, усложняет процесс выбора форм и методов, используемых в процессе преподавания.

Продуктивное учебное взаимодействие преподавателя и студентов возможно при выполнении определенных педагогических условий. Таковы: установление межличностного контакта со студентами; создание и использование во время учебных занятий ситуаций, способствующих развитию внутренней мотивации, направленной на изучение русского языка и литературы; умение выстраивать связный логический текст и анализировать изучаемый материал – как в письменной, так и в устной форме. Помимо этого, необходимо учитывать личностные особенности студентов, их менталитет и культурные нормы, что особенно важно при работе с носителями китайской культуры – весьма далекой от традиционной русской культуры.

В первую очередь, следует обратить внимание на эффективность организации мероприятий по изучению культурных и национальных традиций страны (например, посещение музеев, театров, выставок, поездки в сельскую местность и т. д.). Сложность этого аспекта коммуникации заключается в том, что современные иностранные студенты лишь поверхностно знакомы с культурой России и ее национальными особенностями (впрочем, как и со своей культурой).

Для достижения максимального результата на этапе предварительной подготовки к текущим занятиям преподавателю следует предложить студентам самостоятельно ознакомиться с определенной информацией (в объеме, доступном для понимания на их языковом уровне); подготовить краткий анализ материала, доклад или презентацию по теме и т. д. Особенно продуктивным является включение в содержательный контекст занятий визуального иллюстративного материала: зарисовок, схем, позволяющих синтезировать «рациональный» (логический) и образный (ассоциативный) аспекты изучаемого материала, а также активное аудирование. Китайские студенты, чуткие к интонационной мелодике языка, в таком случае легче усваивают в фонетику, способы «звукоизвлечения», принципиально отличные от китайских.

Использование в процессе учебной деятельности разнообразных интерактивных форм помогает иностранным студентам комплексно и целостно познавать изучаемый материал, переводить его на уровень понимания и закреплять полученные умения и навыки. Основной принцип обучения предполагает включение в речевую деятельность зрительного и слухового ряда, использование «речедвигательного», «кинестетического» и «моторного» потенциалов, которые взаимодополняют друг друга, что также способствует углубленному восприятию обучающими содержания получаемых знаний. Использование разнообразных аудио- и видеоматериалов помогает сделать материал наглядным, закрепить в зрительной памяти написание отдельных слов (понятий, терминов).

Необходимой представляется организация online-консультаций, конференций и форумов, на которых студенты могут получать дополнительную или уточняющую информацию по образовательной программе или же о планируемых внеучебных культурно-просветительных мероприятиях. Ориентируясь на дидактический контент занятий, преподаватель должен проводить практические задания в такой последовательности, чтобы в процессе их проведения реализовывался принцип последовательности и усложнения языковых навыков обучающихся.

Работа в «динамических парах», «парах сменного состава», «по цепочке», различные ролевые игры, диалоги, кейсы, интерактивные экскурсии (на-

пример, виртуальные экскурсии), занятия-инсценировки, круглые столы, дискуссии, использование мультимедийных технологий, проведение олимпиад и др. – это неполный перечень интерактивных форм, которые зарекомендовали себя в качестве наиболее эффективных. Интерактивные формы в преподавании русского языка как иностранного предполагают развитие коммуникативных навыков и умений, эффективное усвоение учебного материала, поддержание интереса к русскому языку на всех этапах обучения. В процессе активного взаимодействия с преподавателем обучающиеся становятся самостоятельными и саморазвивающимися субъектами.

Воспитательный потенциал образовательного процесса формируется в нескольких направлениях, среди которых особое значение имеют два: «этическое» и организационное. *Этика* взаимодействия преподавателя со студентами выражается на уровне *организации* коммуникации: преподавателю необходимо познакомиться со всеми студентами и запомнить их имена; каждый раз, произнося их, необходимо обращаться к их носителям уважительно.

Воспитательный потенциал реализуется: в результате выбора содержания учебных материалов; определения его идеологической, информативной и другой составляющих. А также в использовании интерактивной методики преподавания (отличной от традиционно устоявшейся, ориентированной на русскоговорящего студента) и в реализации личностных особенностей преподавателя и в его поведении (его культурном уровне, эрудированности, коммуникативности и т. п.).

Важным компонентом воспитательного потенциала является обучение разным *невербальным* способам общения, которые могут помочь установлению конструктивных отношений с другими людьми. Учитывая особенности менталитета китайских студентов, необходимо правильно применять определенные жесты, использовать подходящую в данной ситуации мимику. Многие формы общения преподавателей и студентов, традиционно используемые в России (например, шутки преподавателя над студентами), совершенно недопустимы по отношению к китайским студентам в силу национальных особенностей их культуры.

Важнейшим критерием оценки качества обучения иностранных студентов является создание ситуаций, способствующих развитию у студентов внутренней мотивации, направленной на изучение особенностей русского языка. Этому способствует и совершенствование навыков построения логически связного устного или письменного текста, а также формирование умения анализировать изучаемый материал (как в письменной, так и устной форме).

Таким образом, процесс обучения иностранных студентов в высшем учебном заведении представляет собой достаточно сложный (с точки зрения предварительной подготовки преподавателя) процесс, в котором важно сочетать комплекс разнообразных воспитательных и дидактических подходов, ориентированных на национальные и личностные особенности студентов, на понимание их мотивации.

Сложность взаимодействия представителей двух культур требует готовности преподавателей находить наиболее эффективные способы взаимодействия разноязычных субъектов, в максимальной степени учитывающие национальную специфику иностранных студентов, обучающихся русскому языку.

Библиографический список

1. Попкова, Т. Д. Духовно-нравственное воспитание детей дошкольного возраста / Т. Д. Попкова. – Ч. 1: Источник духовности. – Пермь: ПГУ; ПКИПКРО. 2010. – 190 с.

2. Попкова, Т.Д. Становление личности ребенка: монография: в 2 ч. / Т. Д. Попкова. – Ч. 1: Философско-педагогический контекст детства. – 2-е изд., доп. – Пермь: ПКИПКРО, 2008. – 80 с.

3. Дэн, Цзюнь. Некоторые особенности новых направлений педагогической деятельности китайских преподавателей-русистов / Цзюнь Дэн // Русский язык в диалоге культур: сборник статей / под ред. А.А. Климова и А.В. Фоменко. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – С. 122–160.

4. Гузарова, Н. И. К вопросу о повышении эффективности адаптации китайских студентов к академической и социально-культурной среде Сибирского университета (на материале Томского политехнического университета) / Н. И. Гузарова, Т. С. Петровская // Русско-китайские языковые связи и проблемы межкультурной коммуникации в современном мире: материалы международной научно-практической конференции – Омск, 18–19 ноября 2009 г.; ОмГПУ, Омск, 2009. – С. 26–30.

5. Попкова, А. А. Русский язык в поликультурном мире: IX Международная научно-практическая конференция (8–11 июня 2015 г.): в 2 ч. / А. А. Попкова. – Ч. II. – Симферополь: ООО «Антиква», 2015. – С. 406–408.

6. Гальскова Н.Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособ. для студ. / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – 3-е изд. – М.: Academia, 2006. – С. 336.

7. Чан, Динь Лам. Обучение китайских студентов за пределами Китая: проблемы и решения / Динь Лам Чан // Успехи современного естествознания. – 2014. – № 5 (1). – С. 170–174.

Макарова Е.Н.

(научный руководитель: д.псих.н. Ермакова Е. С.)

Makarova E. N.

(scientific leader: d.psikh.n. Ermakova E. S.)

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АКМЕОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГОВ АЛАНИИ

THE RESULTS OF THE STUDY OF ACMEOLOGICAL DEVELOPMENT OF TEACHERS OF NORTH OSSETIA-ALANIA

***Аннотация:** В данной статье приводится анализ исследования акмеологического развития педагогов РСО-Алания. Исследование стратегий акмеологического развития педагогов позволяет выявить особенности профессионального развития с разной продуктивностью педагогической деятельности, определить пути оптимизирования развития самосознания педагога, выявить умения управления ростом своей профессиональной деятельности и формирование личностных стратегий развития аутопсихологической компетентности.*

***Ключевые слова:** анализ, акмеологическое развитие, продуктивные технологии, развитие, педагог, рейтинг.*

***Annotation:** In given article the analysis of researches of acme logical development of teachers of North Ossetia-Alania. Low auto psychological competence, an integral indicator of personal and professional development, basic professional characteristic of the person, is a serious barrier to successful pedagogical activity of teacher of primary education. Study strategies archeological development of teachers of primary education allows to reveal the peculiarities of development of teachers with different productivity of pedagogical activity, to define ways of optimization of development of professional identity of the teacher of primary education, to identify the skills of managing the growth of their professional activity and formation of personal development strategies auto psychological competence in the use of various factors.*

***Keywords:** analysis, acme logical development, productive technologies, development, teacher, rating.*

Изменения в системе образования, связанные с введением Федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования (ФГОС НОО), выдвигают качественно новые требования к формированию и становлению педагога-личности в области образования, повышают требования к аутопсихологической компетентности педагога. Низкий уровень аутопсихологической компетентности, которая является интегральным пока-

зателем личностно-профессионального развития и базисной профессиональной характеристикой личности, – составляет серьезный барьер на пути к успешной педагогической деятельности педагога начального образования. Исследование стратегий акмеологического развития педагогов начального образования позволяет выявить особенности развития у педагогов с разной продуктивностью педагогической деятельности, определить пути оптимизирования развития профессионального самосознания педагога, выявить умение управлять ростом своей профессиональной деятельности и формировать личностную стратегию аутопсихологической компетентности.

Многочисленные исследования показали, что характерные для современной практики аутопсихологические компетентности специалистов разных сфер деятельности сегодня становятся предметом серьезных исследований. Вместе с тем практически нет работ, посвященных формированию данной компетентности у педагога общеобразовательного учреждения и, в частности, педагога начального образования.

Наше исследование строилось на основных факторах стратегии развития и системном анализе профессиональной деятельности совместно с личностным развитием педагога. Мы определили основные направления исследования: планирование, мотивация, реализация, контроль и самоконтроль, рефлексия, в том числе и саморефлексия. Определили также умение педагога самостоятельно выстраивать иерархическую лестницу целей, выдвижение задач, умение находить оптимальные пути для их решения, мобильности и умения перестраиваться в случае ложного движения, пути и методы борьбы с негативными детерминантами.

Нами было проведено исследование на базе Северо-Кавказского института повышения квалификации работников образования. При изучении результатов исследования различных категорий респондентов, мы смогли определить основные составляющие, которые непосредственно влияют на формирование стратегий акмеологического развития педагогов. Генеральная выборка составила 300 человек: 158 человек – педагоги-предметники начального образования; 142 человека – педагоги начальных классов. Выборка исследования 290 человек: 150 человек – педагоги-предметники начального образования, 140 человек – педагоги начальных классов.

Респонденты были подвергнуты ранжированию по возрасту, типу

полученного образования и по педагогическому стажу. Выявлена четкая количественная тенденция снижения педагогического стажа педагогов. Тенденция связана с низкой социальной значимостью педагога в России. Профессия педагога является одной из малооплачиваемых, с низкими шансами карьерного роста и конкурентно-не востребовавшейся.

Семейное положение составляет один из ведущих аспектов формирования акмеологической стратегии развития педагога. Анализ семейного положения определил, что более продуктивную профессиональную деятельность имеют педагоги, ранее состоявшие в браке и одинокие на момент исследования. Еще один фактор, который мы учли в нашем исследовании – это местонахождение образовательного учреждения, так как считаем, что условия развития для педагогов в городском и сельском образовательном учреждении различны.

Акмеологические технологии определяют переход от реального личностного и профессионального уровня развития личности к идеальному. Исходя из данных положений, акмеологические технологии являются основными методами, генерирующими акмеологическое развитие профессионализма во всех его аспектах. В данном исследовании мы применяли технологии, различные по цели и приемам: педагогические (Н. В. Кузьмина, Д. В. Чернилевский), управленческие (В. М. Шепель), гуманитарные (А. К. Гусева), социально-перцептивные, организационно-коммуникативные, когнитивные, рефлексивные и комплексные.

Аутопсихологические технологии направлены на изучение эмоциональных состояний педагогов, обладание ими таких навыков, как: планирование, мотивация, реализация, самоконтроль, рефлексия, а так же изучение личностных черт и их детерминантов. Психологические технологии развития включают: технологии, регулирующие психоэнергетический баланс, технологии осознания, медитативные психотехнологии, технологии стрессоустойчивости, технологии развития рефлексивности.

Мы также рассмотрели продуктивную и непродуктивную технологии развития педагогов. Продуктивная технология во всех своих направлениях помогает педагогу выйти на более новый, высокий уровень профессионализма, который зависит лишь от познания и освоения новых знаний, умений и навыков. Продуктивная технология основывается на новаторстве, передовом опыте и

практике, способствует достижению цели. Продуктивная технология формирует всестороннее и гармоничное развитие аутопсихологической компетентности. Каждый педагог в соответствии со своими психологическими, профессиональными качествами, может выбрать свою траекторию развития профессионализма.

Таким образом, особенности продуктивных акмеологических стратегий развития аутопсихологической компетентности педагогов начального образования, базируются на полученном образовании, педагогическом стаже работы, умении грамотного планирования деятельности, личностной мотивации, самоконтроле, самокоррекции, знании законов, формирование условий обеспечивающих достижений успешности, которые выливаются в непрерывную деятельность. Планирование конечной цели профессиональной деятельности определенного этапа посредством комплексной продуктивной деятельности является вершиной педагогического мастерства. Комплексная продуктивная деятельность состоит из отдельных продуктогенных этапов, выстроенных в иерархическую лестницу. Исследование позволило выявить как продуктивность деятельности педагога, так и наметить стратегии его дальнейшего акмеологического развития и аутопсихологической компетентности.

Библиографический список

1. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования / М-во образования и науки Рос. Федерации. – М.: Просвещение, 2013. – 63 с.
2. Акмеология / Под общ. ред. А. А. Деркача. – М.: РАГС, 2002. – 650 с.
3. Амирова, Л. Профессионально-педагогическая мобильность учителя как целевая установка высшего педагогического образования / Л. Амирова, З. Багишев // *Alma mater*. 2004. № 1.
4. Асмолов, А. Г. Исторический смысл кризиса культурно-деятельностной психологии / А. Г. Асмолов // *Национальный психологический журнал*. – 2014. – № 1(13). – С. 5–19.
5. Бородулина Е.М., Портнова А.Г., Каган Е.С. К вопросу об измерении уровня развития акмеологической компетентности личности педагога / Е. М. Бородулина, Е. С. Каган, А. Г. Портнова // *Вектор науки Тольяттинского*

государственного университета. Серия: Педагогика, психология. – 2012. – № 1. – С. 341–344.

6. Варламова, Е. П. Рефлексивная диагностика в системе образования / Е. П. Варламова, С. Ю. Степанов // Вопросы психологии. – 2002. – № 5.

7. Гордеева, Т. О. Базовые типы мотивации деятельности: потребностная модель / Т. О. Гордеева // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2014. – №3 – с. 63–78.

8. Гусев, А. Н. Роль личностной саморегуляции в решении пороговой задачи: психофизический и дифференциально-психологический анализ / А. Н. Гусев, С. А. Емельянова // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2013. – №2 – С. 76–92.

9. Деркач, А. А. Акмеологические основы развития профессионала / А. А. Деркач. – М.: Издательства Московского психолого-социального института; Воронеж: НПО "МОДЭК", 2004. – 752 с.

10. Жукова, Е. В. Психологические типы управленческого видения будущего / Е. В. Жукова, Т. А. Нестик // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 3(15). – С. 66–73.

11. Иванников, В. А. Анализ мотивации с позиций теории деятельности / В. А. Иванников // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 1(13). – С. 49–56.

12. Костакова, И. В. Психологическая основа профессиональной самореализации личности / И. В. Костакова, С. С. Белоусова (Григорьева) // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 3(15). – С. 84–89.

13. Макарова, Е. Н. Аутопсихологическая компетентность в структуре акмеологической компетентности педагога / Е. Н. Макарова // Научное обозрение: гуманитарные исследования. – 2015. – № 2. – С. 52–57.

14. Макарова, Е. Н. Аутопсихологическая компетентность в структуре акмеологической компетентности педагога / Е. Н. Макарова // Школа будущего. – 2014. – № 4. – С. 32–37.

15. Макарова, Е. Н. Аутопсихологическая компетентность современного педагога / Е. Н. Макарова // Акмеология. – 2014. – № S1–2. – С. 138–140.

16. Маркова, А. К. Психологический анализ профессиональной компетентности / А. К. Маркова. – М.: Советская педагогика, 1990. – № 8. – С. 42–52.

17. Ожогова, Е. Г. Эмоциональное выгорание и личностные деформации в психолого-педагогической деятельности / Е. Г. Ожогова, Н. С. Пряжников // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2014. – №4 – с. 33–43.

18. Полякова, О. Б. Категория и структура профессиональных деформаций / О. Б. Полякова // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 1(13). – С. 57–64.

19. Рюмина, Л. И. Эмпирическое изучение стилей поведения педагогов / Л. И. Рюмина // Вопросы психологии. – 2008. – № 1. – С. 142–146.

20. Федоров, С. А. Развитие творческого потенциала педагога в процессе научно-методической деятельности: дис. канд. пед. Наук / С. А. Федоров. – Тюмень, 2010. – 223 с.

21. Щербакова, Т. Н. Аутопсихологическая компетентность педагога и успешность профессионального общения: Материалы международной конференции «Психология общения: социокультурный анализ» / Т. Н. Щербакова. – Ростов н/Д., 2003. – С. 344–345.

22. Ясвин, В. А. Психологическое моделирование образовательных сред / В. А. Ясвин // Психологический журнал. – 2000. – Т. 21. – № 4.1. – С. 81.

23. Bologna Follow Up Seminar: «Exploring the Social Dimensions of the European Higher Education Area». Athens, Greece, 19–20 February, 2003.

24. Mansfield B. Competence-based Standards Training and Learning. Hifab / B Mansfield, L. Andersson. – Hammerton Associates, 2004. – P. 45–78.

25. Methodensammlung: Anregungen und Beispiele für die Moderation. – Lehrerfortbildung NRW, 1996. – P. 245–250.

СОЦИАЛЬНО-ПРАВСТВЕННЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ ГРАЖДАНСКОГО ЕДИНСТВА

Афанасенко Я. А.
Afanasenko Y. A.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ИСТИНА: ЕДИНСТВО ЭТИЧЕСКОГО И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОГО АСПЕКТОВ

JUSTICE AND TRUTH: THE UNITY OF ETHICAL AND EPISTEMOLOGICAL ASPECTS

***Аннотация:** Работа представляет исследование темы справедливости в единстве ее этического и гносеологического аспектов. Самонаказание за причиненную несправедливость является условием единства человека как с самим собой, так и с другими людьми, так как позволяет принимать их инаковость и ограничивать собственную агрессию.*

***Ключевые слова:** справедливость, истина, вина, наказание, свобода.*

***Annotaition:** This paper presents research themes of justice in the unity of its ethical and epistemological aspects. Self-punishment for the injustice inflicted on the human condition is the unity with itself and with others, as it allows them to accept otherness and limit their own aggression.*

***Key words.** justice, truth, guilt, punishment, freedom.*

Проблему соотношения справедливости и истины, морали и познания, можно рассматривать, как минимум в двух плоскостях: популярной в современной культуре социально-этической и не очевидной, но не менее значимой – индивидуально-этической.

Что представляет собой социально-этический дискурс о справедливости? Если в качестве исходного я принимаю тезис о том, что государство является нравственным законодателем для своих граждан, что государственный закон задает нормативную практику во всех сферах жизни человека, как это было во времена Тиртея и Солона, иными словами, если я полагаю основание справедливости во вне, будь то государство или общество, – тогда главными становятся вопросы о том, какая концепция справедливости должна быть положена в основание государственно-правового устройства общества, и соответствует ли современное российское государство и общество нашим представ-

лениям об истинном и справедливом. Опираясь на данный тезис, я с необходимостью займу некую гражданскую позицию. И все мои рассуждения, начиная с теории идеального государства и заканчивая его неоевразийской, неолиберальной или иной современной интерпретацией, – ограничатся темой некой гражданской этики. То, что мои представления об истинном и ложном могут не быть «нашими» и «общими», что индивид и община, личность и общество могут не быть тождественны, не представлять единое целое, что личная и государственная позиция по вопросу об истинном и справедливом могут не совпадать, – я, опираясь на данный тезис, скорее всего, проигнорирую. При этом, в фокусе моего внимания окажутся типология справедливости и представления об истине в западных и отечественных социально-этических учениях, их историческая динамика, а также возможность актуализации связанных с ними реалий современного российского общества. В общем, разделяя я типичный как для традиционной, так и для современной культуры взгляд об определяющем влиянии государства на индивидуальную мораль, ее зависимость от него, неважно о каком идеологическом издании идет речь, национальной, социалистической или либеральной модернизации, вряд ли я бы предложила в качестве проблемного контекста следующую дилемму. Если рассматривать справедливость и истину как предельные основания человеческого существования, вводящего в экзистенциальную проблематику, тогда акцент в исследовании смещается с вопроса о поиске концепции социальной справедливости как основания государственно-правового устройства и условия национального единства к сократовской постановке вопроса: что постыднее, причинять несправедливость или ее терпеть? В чем преимущество подобного вопрошания?

Во-первых, оно позволяет восстановить концептуальную связь между справедливостью, истиной и достоинством человека, акцентировать внимание на том, что индивидуальный моральный выбор является альфой и омегой личного существования. Этой теме посвящены рассуждения Сократа о справедливости и благе, совершенствовании души и поиске истины в диалоге «Горгий». Опираясь на платоновский текст, в качестве предмета морального размышления я выделяю вопрос о готовности понести наказание за содеянную несправедливость в качестве моего морального поступка. Сразу отмечу, что акцент на моральном самосознании не исключает обращения к социально-этическим вопросам, но именно он актуализирует независимо от характера социальной ситуации проблему ответственности самого субъекта,

будь то совершенные им действия, отношение к чему-либо или намерение что-либо совершить.

Во-вторых, самовопрошание и поступки в духе Сократа могут быть сопоставимы по исторической значимости с деяниями государства уже потому, (и здесь я солидарна с К.Юнгом), что индивидуальное является единственным носителем мысли и жизни в целом, что Общество и Государство берут свои качества от ментального состояния личности, а не наоборот, потому что они состоят из личностей и способа их организации, и что, если не осознаны возможности моральной природы личности и осуществляется уклон в сторону массовой психологии, есть опасность распространения тоталитаризма [К. Юнг, http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Yung/bor_ten.php].

Почему я вижу в одной интеллектуальной связке людей, относящихся к разным культурным эпохам? Затронутая Сократом тема саморазоблачения и целительности наказания и самонаказания за совершенную несправедливость, созвучна юнгианскому внутреннему этическому трибуналу, чья деятельность не только стимулирует самосознание, но и позволяет сохранять повышенное чувство ответственности, свободное от спонтанного принятия группового решения как своего. Также у П. Рикера есть созвучная мысль о невидимом трибунале и о том, что вина – это «самоанализ, самоощущение и самонаказание с помощью сознания-двойника» [Рикер, 1996, с.164]. В контексте экзистенции, если использовать язык Э. Фромма, подобное поведение выражает неотчужденное существование, когда человек ощущает себя источником собственных действий и поступков.

Когда Делез, исследуя логику смысла, пишет о том, что у мысли есть высота и глубина, есть своя география, то делает акцент на том, что у Платона – это высота интеллигибельная, представленная высшим моральным принципом, предполагающая познание и самоисполнение. В системе координат Платона, как и Сократа, высший моральный принцип, или благо, – это то, чему нужно подчинить все остальное, в том числе и удовольствия. Такая ориентация на высоту, духовную вертикаль, и связанная с ней универсальность смысла, характерная для мыслителей традиционной культуры, ставит душу и заботу о ней в центр размышлений. Движение к благу – вот единственно возможный и достойный путь для того, кто ищет истину.

Когда человек выбирает между большим злом и меньшим злом, понести наказание или остаться безнаказанным, он, тем не менее, выбирает зло и, казалось бы, непредсказуемость последствий. Очевидно, что терпеть несправедли-

вость и уж тем более желать наказания за то, что ее совершил – смыслы, появление и понимание которых вряд ли возможно вне трансцендирования, выхода в сферу абсолютного и универсального, к той же идее блага. Именно эта идея становится критерием качества жизни души: ее здоровья или нездоровья. Позволяя различать, что для нее полезно, а что вредно, она направляет душу к тому, что делает ее лучше. Знание об этом и есть истина, которая, по Сократу, предшествует моральному выбору. О чем она? Прежде всего, эта истина связана с сущностным пониманием справедливости и несправедливости, их связи с жизнью души в этом мире и в мире потустороннем. Являясь добродетелью, она имеет обязывающий к исполнению характер. Это, своего рода, внутренний закон, следуя которому только и можно начать самоосуществление.

Несправедливость, по Сократу, – это величайшее зло, испорченность, омрачающая душу. И хотя существуют еще такие виды зла, как бедность в делах имущественных или болезнь, если речь идет о теле, несправедливость оказывается самой постыдной, то есть причиняющей самое большее страдание, самый больший вред. Любопытно, что в этом же ряду помимо невоздержанности и трусости находится также невежество, т. е. непонимание того, что такое реальность души, каковы ее качественные состояния и их влияние на жизнь. Я думаю, существует закономерность в том, что именно невежество предшествует заболеванию души в разных духовных традициях. В христианстве и в буддизме оно является первым шагом к возвеличиванию себя над другими, закономерным следствием чего становятся несправедливые деяния.

Следуя этой логике, можно утверждать, что для человека, не имеющего знания о коллизиях в жизни души, последствия его выбора могут быть непредсказуемы и катастрофичны, то есть связаны с жестокостью. Терпение несправедливости, свободное от истины, может активизировать как попустительство злу, так и мстительное культивирование обиды, не говоря уже самоотчуждении или неврозе, если взять современного человека. То же относится к наказанию за причиненную несправедливость. Если человек не воспринимает наказание как справедливое, скорее всего, наказание усилит ожесточение души и закрепит склонность к насилию.

Вообще, представление о том, что болеть может не только тело, но также душа, и что забота о ней более важна, чем забота о теле, свойственна людям, для которых смысл не утратил своего объема, а слово – символического значения. Известное выражение Сократа «Говори, чтобы я мог тебя видеть» символично в том смысле, что обращено к душе, реальности невидимой, но от то-

го не менее реальной. Принимая во внимание ориентацию современной культуры на знак, а не на символ, на смысл, скользящий по поверхности и вырождающийся в симулякре, множющийся в виртуальном пространстве, а не на смысл, уходящий в высоты и глубины трансценденции, – обращение к внутреннему миру человека оказывается маргинальным.

Пожалуй, самые загадочные и глубокие строки в тексте «Горгий» – это слова Сократа о том, что необходимо понести наказание за причиненную несправедливость, хотя обычно и естественно стремление противоположное, связанное с желанием избежать наказания. Именно в такой позиции проявляется, на мой взгляд, то, что связано с возможностями моральной природы человека. Когда А. А. Гусейнов в работе, посвященной моральной демагогии, пишет о самоценности морали, о том, что она предельное основание бытия человека, связанное с глубоким бытийственным противостоянием всему, что рядится в нее, но таковой не является, – я понимаю это как действительный вызов жизни тому, что есть человеческого в человеке [Гусейнов, <http://lib.philosophical.ru/vopros/21.html>]. Взаимоуважение, общение на равных вряд ли возможно без осознания собственного несовершенства, как невозможно и самоизменение, не имеющее исток самоуважение, закон, порядок, достоинство.

Но чем в таком случае может быть движим современный человек? Чувством ли долга в кантианском смысле или соразмерностью мнению большинства в соответствии с классическим утилитаризмом, или возвышенностью наслаждения, или же свободой, которая, согласно П. Рикеру, невозможна вне полагания человеком себя в качестве источника зла – вопрос, ответ на который для меня замнут на понимании зла как этической проблеме, на моем отношении к злу.

Иначе говоря, считаю ли я саму себя источником зла, когда творю несправедливость? Определяю ли я несправедливость как зло в мире собственной души? Или зло для меня имеет внешнее полагание, а несправедлив кто угодно, только не я? Ситуация с Калликлом, исповедующим право сильного, действующего по природе, а не по обычаю, то есть хищно в непочтительном отношении к закону, внешнему или внутреннему, не устарела. В современном мире в сфере межличностных отношений подобное поведение получило название «треугольника власти» (С. Карпман). Рессентиментное по сути и выражающееся в отчужденном, мстительном, эгоцентричном и манипулятивном характере отношений, в которых человек не бытийствует, а функционирует, причем только в ролях Жертвы, Преследователя и Спасателя, такое поведе-

ние связано с культивированием чувства вины как ценности и обвинения как этической нормы поведения. Неважно, в какой роли выступает здесь человек, если оно подчиняет жизнь не благу, то есть пользе для души своей, а удовольствию, итог один – имеющее разные формы, выступающее под разными личинами, обвинение других. Сколь велика сила незнания, стоящего за этим ценностно-нормативным отношением, прекрасно характеризует К. Хорни: «Поскольку чувство своей непогрешимости мешает ему видеть свою долю вины в любой возникающей трудности, он должен чувствовать, что его оскорбляют и делают жертвой; поскольку он не может видеть, что источник всего его отчаяния лежит внутри него самого, он должен возлагать ответственность за него на других. Они разрушили его жизнь, они и должны ответить за это – получить то, что им причитается. Именно его мстительность, более чем какой-либо иной фактор, убивает внутри него всякое чувство симпатии и жалости» [Психоанализ и культура, 1995, с. 153–154].

Здесь впору задаться вопросом: почему, несмотря на жестокий характер этих отношений, они сохраняются, длятся, мигрируют от одних людей к другим? На мой взгляд, это объясняется тем, что они удовлетворяют важнейшую с точки зрения бегства от экзистенции потребность – потребность избавиться, убежать, защититься от боли, которая связана со знанием о себе истинном, подлинном, реалистичном. Я говорю об общем месте в разных духовных традициях. Причем, как и всякое знание, извлечение знания о себе требует личной крови, рождения в муках, которое, по Юнгу, для современного человека невозможно вне встречи с собственной Тенью, ее познания и интеграции. Однако боль, переживаемая от встречи с собой, страшнее боли от неведения и для современного человека особенно. Непонятно, как в ней жить, как с нею справиться, к чему двигаться. Религиозные и философские традиции имеют для него периферийное в ценностном отношении значение, поэтому не всегда могут помочь. Однако если человек избегает правды о себе, это не означает, что он снимает с себя ответственность. Это не означает также, что он отказывается от свободы быть собою. И также это не означает, что он перестает быть моральным субъектом, то есть субъектом, совершающим моральный выбор и несущим ответственность за него. Как это возможно?

Вытеснение ответственности, как и перекладывание ее, также является выбором, но таким выбором, который влияет на качество жизни души, причем влияет негативно. Человек, являясь существом культурным, в любом случае, интуитивно ли, рационально ли, знает, что он выбирает и между чем. А выби-

рает современный человек удовольствие, в том числе удовольствие от жестокости, понимаемой как добро и являющейся противоположностью страданию, т.е. злу. Т.к. последствия этого выбора чаще не желательны, человек снимает с себя ответственность за них, тем самым отказываясь от изначально сделанного выбора. Фактически он отрицает совершенный в прошлом поступок, воспринимая его как ошибку, не одобряя результата и не извлекая урока. В логике такого выбора современный человек лишается не только прошлого, но также будущего, в котором длится его свобода в значении связанном с возможностью самоизменения. В результате человек утрачивает еще и настоящее, в котором, по мысли П. Рикера, будущее и прошлое соединяются. Подобное тотальное самоотрицание, или самоотчуждение, и есть то, что мостит ярко и уверенно несправедливостью и ложью дорогу в личный ад, обрушиваясь мстостью на собственную душу.

Иная ситуация возможна, если все-таки я полагаю себя в качестве источника зла, считаю несправедливость злом и переживаю вину как самообвинение, помогающее не только выздороветь, но встать на путь познания себя. Ее состоятельность связана, на мой взгляд, с двумя этическими категориями, свободой и долгом, которые, вслед за П. Рикером, я определяю как смыслы, формирующие мою идентичность, моральную в том числе.

Для Рикера решение зла как моральной проблемы состоит изначально в исследовании отношения между злом и свободой, которое венчается признанием себя в качестве его причины. Я полагаю, что свобода в данном случае – это то моральное отношение, а точнее основание, из которого делаются все моральные выборы. Я свободна, когда действую вопреки закону, утверждая себя во зле, я свободна, когда полагаю себя источником зла, отвечаю за это, и я свободна, выбирая наказание. Иными словами, я свободна, если полагаю себя в качестве центра своей жизни, творца как добра, так и зла. Вне этого признания, вменение вины самой себе за содеянное невозможно. Я имею в виду конструктивное самообвинение, которое означает правдивую оценку своих действий, с необходимостью влекущую самоизменение, а не его имитацию. Неслучайно слова «справедливость», «правда» в русском языке однокоренные. Вершить справедливость можно лишь, будучи честным, правдивым с собою. Что касается обвинения себя в экзистенциальном смысле, оно означает на языке религии переживание собственной испорченности, греховности, на языке светском – переживание собственного несовершенства. Исцеление, как ни парадоксально, в наказании, в добровольном его принятии в качестве блага для

души. Подобная трансформация отношения к наказанию не удивительна: разница ценностных контекстов диктует различие нормативных практик.

Таким образом, движение в моральном смысле возможно лишь в том случае, если вначале я переживаю зло как зло в личном опыте, затем беру на себя ответственность за совершенное действие и, будучи в результате вписанной во временной контекст, где есть будущее с его одобрением и прошлое с его свершившимся действием, обретаю идентичность морального субъекта, субъекта настоящего времени. Это вряд ли возможно, если человек продолжает жить бессознательной жизнью в группе, боится боли самопознания.

Также я разделяю мысль П. Рикера о том, что, только признавая за собой обязательства, я могу признавать и возможности. Это означает, что чувство долга становится тем маяком, в сторону которого движется человек, имеющий представление о законе как обязательстве. Т. к. действие в соответствии с представлением о законе является волевым, то речь идет человеку волящем, могущем совершить то, к чему долг призывает. Причем я обязана сделать нечто именно потому, что я уже знаю закон, и это знание есть то, что инициирует данное действие. Для Сократа законом становится порядок и слаженность в душе, их проявления, добродетели, связанные с почтительным отношением к закону – справедливость и умеренность. Где в этом случае полагается тогда свобода. В действии как вопреки, так и в соответствии этому закону, в том, что я могу выбирать «между». Действуя вопреки, предпочитая то, что будто бы и не должно быть, я могу сделать зло реальностью, актом самосознания со всеми вытекающими, действуя же в соответствии, движемся в логике собственного предназначения, а не под влиянием желания и страха. Давая смыслам иное направление, связанное с высшим благом, как это делает Сократ, я получаю возможность стать лучше, причем, согласно философу, это касается так же жизни в государстве, т. к. внешний закон становится продолжением закона внутреннего.

Подведу итог. Индивидуально-этический аспект проблематизации справедливости как экзистенциала раскрывается в ситуации признания постыдным причинения зла и выбора в пользу самонаказания как блага для собственной души, если человек совершил несправедливый поступок. Такой поступок означает заботу о здоровье собственной души, сохранении связи с нею. На уровне межличностного общения – это также означает принятие инаковости другого, ограничение экспансии личных деструктивных смыслов. Однако без обращения к индивиду, его личному жизненному опыту, к жизни его души,

всякое движение в направлении справедливости, истины может оказаться пустышкой, имитацией действительного решения проблемы. То, что социальная реальность изменчива и в силу этого неподвластна отдельному человеку – идея не новая, так же, как и изменение отношения к ней. Однако я говорю не об изменении отношения, а о том, что ему предшествует. Если брать классическую традицию, это осмысление того, что представляет собою высшее благо и почему следование ему может принести пользу. Также это размышление над тем, как ориентация на высшее благо влияет на установление порядка в душе, обретение достоинства, самоуважения, понимание роли стыда в этом процессе и свободы, вне которой движение к правде, справедливости невозможно, потому что несправедливость как зло не будет идентифицирована в качестве такового, не окажется плодом собственных действий. Если обратиться к решению данной проблемы в современной культуре, по мысли К. Юнга, современный человек, даже будучи лишенным влияния прежних традиционных смыслов, ценностей и символов, может выйти к собственным, личным смыслам и в философии, поэзии, через сновидения вдохнуть в душу жизнь, которая, если брать ситуацию со справедливостью, будет истинной, отвечай человек в равной степени как за добро, так и зло им содеянное. Последнее невозможно без познания собственной Тени, тех ценностных оснований, которые влекут человека к насилию и жестокости.

Библиографический список

1. Гусейнов А. А. Моральная демагогия как форма апологии насилия [Электронный ресурс] / А. А. Гусейнов // Вопросы философии. – 1995. – №5. – С. 5–12. – Режим доступа: <http://lib.philosophical.ru/vopros/21.html>. – дата обращения 05.05.2016
2. Психоанализ и культура: избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма / Ред. Г.В. Бурменская, Т.В. Панфилова. – Москва: Юрист, 1995. – с. 153–154.
3. Рикер П. Герменевтика и психоанализ. Религия и вера / П. Рикер. – Москва: Искусство, 1996. – с. 164.
4. Юнг К. Борьба с Тенью / К. Юнг. – Библиотека Гумер. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Yung/bor_ten.php. – Дата обращения 01.05.2016.

Гаврилова В. В.

Gavrilova V. V.

О ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ, РЕЛИГИОЗНОМ ФАКТОРЕ И ОБРАЗОВАНИИ

ABOUT PATRIOTIC EDUCATION, RELIGIOUS FACTOR AND EDUCATION

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы патриотического воспитания в рамках современной образовательной системы. Затрагиваются вопросы религиозного просвещения в светской школе. Статья содержит предложения по выстраиванию системы патриотического воспитания.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, система образования, учебные планы, программы дисциплин, история, литература, культура., традиционные религии, православие.

Annotation: In the article the problems of patriotic education are examined within the framework of the modern educational system. The questions of the religious enlightening are affected at society school. The article contains suggestion on ranging of the system of patriotic education.

Key words: patriotic education, system of education, curricula, programs of disciplines, history, literature, culture., traditional religions, orthodoxy.

В последнее время много говорится о патриотическом воспитании в России. Проводятся форумы, конференции, пишутся концепции, выстраиваются стратегии, собираются совещания по этой важной для государства теме. Часто проблемы патриотического воспитания обсуждаются в контексте образовательной системы. Попытаемся высказать некоторые соображения по поводу реализации всех подобных проектов.

Ознакомившись со «Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» от 19 декабря 2012 г. и Федеральной целевой программой «Укрепление единства российской нации и этно-культурное развитие народов России (2014–2020 гг.)» от 20 августа 2013 г., а также участвуя в форуме ««Проблемы укрепления и поддержания гражданского единства в регионе: философско-культурологические, искусствоведческие и религиоведческие аспекты», прошедшем осенью 2014 в Перми, мы пришли к выводу, что очень важно обращать внимание на состояние межконфессиональных и межэтнических отношений в стране. Безусловно, важно

поддерживать исследования на данные темы, проводить постоянный мониторинг и способствовать диалогу в этой сфере. Сегодня более половины всех сограждан относят себя к православным, традиционным приверженцам Русской православной церкви (далее РПЦ). Она внесла наиболее значимый вклад в становление российской государственности, в историю, культуру и патриотические традиции Отечества. Исследования свидетельствуют, что РПЦ пользуется наибольшим авторитетом среди других исповеданий. И, действительно, РПЦ особенно активно стимулирует воздействия религии едва ли не на все сферы жизни постсоветского государства, в том числе – на изменение государственно-церковных отношений в стране. Социальная позиция и социальная концепция РПЦ находят непосредственное отражение в позициях и концепциях других влиятельных религий страны (прежде всего ислама, протестантских конфессий и иудаизма). Ввиду изложенного, нельзя совершенно игнорировать религиозную составляющую в жизни российского общества. Со времени принятия «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви» прошло 16 лет (с 2000 г.). РПЦ заняла достаточно активную позицию в разработке и реализации своей социальной программы, в выстраивании новых государственно-церковных отношений. Другие конфессии, последовав примеру РПЦ и изложив свои социальные воззрения, заняли более сдержанную позицию в данных направлениях. К числу своих приоритетных задач РПЦ относит задачу организации духовного образования. Выступая на Архиерейском соборе в августе 2000 г. патриарх Алексей II заявил: «Сегодня, в начале нового этапа возрождения православной церковности, наибольшее внимание должно быть уделено духовному просвещению» [Алексий II, 2000, с.20]. Как известно, светская система государственного и муниципального образования в стране не допускает внедрения в учебный процесс как религии, так и атеизма. Социальная концепция РПЦ возглашает: «Церковь полагает полезным и необходимым проведение уроков христианского вероучения в светских школах» [Основы социальной концепции Русской Православной Церкви], XIV.3]. РПЦ ведет планомерную политику внедрения предмета «Основы православной культуры» в школьный курс. Предметы школьного курса предполагают знакомство с ними и систему оценки знаний, изучение степени освоенности предмета. Преподавание Закона Божьего в дореволюционных российских школах предусматривало это. Современные представители РПЦ полагают, что курс должен носить ознакомительный, безоценочный характер. Какие кри-

терии должны быть при ведении уроков по православной культуре? Формирование религиозного мировоззрения, воцерковление, получение новых знаний? Но знания о религии могут и должны быть получены учениками при изучении курса обществоведческих дисциплин. Обучение религиозной вере – это функция воскресных, субботних и иных приходских школ, а также конфессиональных и негосударственных религиозных учебных заведений. Система государственного и муниципального образования содержится на деньги налогоплательщиков, среди которых десятки миллионов граждан относят себя к неверующим. «Отступления от принципа светской школы нарушают конституционные основы жизни нашего светского государства, противостоят модернизации отечественной системы образования. ...Принимая с благодарностью стремление религиозных организаций способствовать выходу общества из духовного кризиса, не следует перелagать на них эту тяжкую задачу и передавать им монополию на вопросы образования и воспитания» [Писманик М.Г., 2004, с. 207, 218]. В светском государстве необходима свобода мировоззренческого самоопределения. Только так возможно сосуществование множества конфессий и этносов. Социальная концепция РПЦ затронула очень важный момент современного образования – потерю духовных и нравственных корней в системе образования и воспитания. Она предложила свой вариант решения проблемы. Он не совсем приемлем для светской школы. Но нравственный и духовный потенциал, благородные стремления, опыт церкви для выработки новых подходов, идей образования и воспитания очень ценен.

Как показывают исследования многих участников форума, сложно выстраивать диалог на базе религиозной и этнической идентификации граждан. Более удобной платформой для единения страны является все же светская культура и этика. Она вобрала в себя не только гуманистические идеалы Просвещения, но и гуманистический потенциал религий и национальных культур. Думается, что выражением светских представлений в большей степени является система образования.

В программных документах, указанных в начале статьи, прямо указывается на значимость русского языка, как языка государственного и изучение истории Отечества для формирования единства нации. Следовательно, в зону внимания должна попасть система образования. Чтобы любой школьник и любой студент не только имел представление, но и знал важнейшие моменты истории и культуры своей страны. В нашем представлении, любовь к родине

не должна превращаться в «квасной патриотизм». Гражданин должен понимать и осознавать свою принадлежность к стране, ее историческому пути, ее культурному своеобразию.

Для формирования всех этих знаний необходимо время, заложенное в программы и учебные планы. На первый взгляд, время это заложено: историю Отечества изучают в школе, в среднеспециальных учебных заведениях, изучают в вузе. Казалось бы, главные вехи истории должны запомниться, «застрячь» в голове. В реальной ситуации школьники и студенты зачастую лишь слышали о чем-то подобном, но не могут проанализировать события, объяснить их сущность. История страны, столь много изучаемая, не приводит к пониманию сути явлений и даже к их запоминанию.

Что же происходит в голове школьника и студента во время занятий, что мешает усваивать знания по истории собственной страны? Является ли это проявлением непатриотических чувств, нежеланием изучать собственную историю? Было бы нелепо объяснять все эти проблемы подобным образом. На наш взгляд, часть проблемы кроется в том, каким образом выстроены современные программы и учебные планы. В большинстве случаев в учебных планах не выстроены межпредметные связи. В программах дисциплин говорится об этих связях, но на практике они слабо реализуются. Ученики и студенты не представляют себе единство мира, изучая предметы курса. Новое знание не встраивается в ранее полученные знания. А те сведения, которые не актуализируются, теряют свое значение. Зачем знать историю, если человек не собирается быть историком?! Зачем грамотно писать, если я не учитель русского языка?! Зачем знать законы термодинамики и механики, если я не собираюсь стать инженером?!

Сложно объяснить детерминированность мира на словах. Нужна кропотливая и неустанная работа по созданию подобного представления. Вот здесь и пригодится система межпредметных связей. Изучаем какую-либо тему по истории, а на уроках литературы знакомимся с писателями, поэтами и литературными стилями этой исторической эпохи, на физике и математике изучаем законы, открытые в этот период. Задействуем знания, полученные на одних предметах, при изучении других дисциплин. Отдельному учителю и преподавателю сложно выстроить подобную систему. Необходима согласованность именно учебных программ и планов.

В учебных планах вузов появилось и появляется много новых дисциплин. При знакомстве с ними, выясняется, что подобные темы и вопросы изучались раньше на устаревших предметах. Например, вопросы культурологии затрагивались при изучении истории и философии. Сейчас культурология стала самостоятельным предметом, а часы на изучение истории и философии сократились. В чем смысл подобного деления в непрофильном вузе? Предметы и содержание предметов состоит из модулей. Но модули эти плохо связаны друг с другом.

Изменилось содержание программ дисциплин. Объем информации, которую должен усвоить ученик и студент возрастает, а времени на изучение и формирование представлений не прибавляется. Может быть, стоит вернуться к опыту советской школы, особенно в части формирования понятий и представлений? Программы по изучению истории и литературы часто составлены как ознакомительные. Если раньше на изучение какой-либо темы отводилось несколько занятий, то сегодня, в лучшем случае одно, а в худшем – несколько минут. В вузы приходят студенты, которые получили полное среднее образование, но при этом они плохо знают историю, литературу своей страны. Они лишь «что-то слышали» о чем-то, но не знают подробностей и сути. Была какая-то революция, а почему была, чем закончилась, кто ее участники – неизвестно. Вторая мировая война студентами уже воспринимается как Троянская. Имена поэтов и писателей еще частично могут вспомнить, а прочитать стихотворение на память затрудняются. Литературные произведения прочитываются в кратком изложении. О творчестве художников, скульпторов имеют весьма отдаленное представление, а зачастую и совсем не имеют. Фильмы, рассказывающие о нашей истории, культуре, студентам неведомы. Невозможно за 2–4 часа «изучить» Великую Отечественную войну или творчество писателя. В подобных случаях не останется времени на формирование устойчивых представлений, понятий и знаний по предмету изучения. Это «скольжение» по избранным темам и героям не формирует знаний, а носит информативный характер. «Клипное» мышление, в котором часто винят современную молодежь, формируется не само по себе, а благодаря современной системе образования. Система образования должна не только и не столько информировать своих участников, но и учить их. Обучение же – это длительный процесс. Образованный человек должен не только иметь представление, но и знать. В противном случае, мы будем постоянно сталкиваться с проблемой информационного потока, который захлестывает и топчет своих участников.

Французский просветитель Клод Антуан Гельвеций говорил, что «знание некоторых принципов легко возмещает незнание некоторых фактов». Сегодня мы наблюдаем, как в образовании утверждается принцип знания фактов, но не принципов. Оценка знаний путем тестирования очень удобна и экономична, но в меньшей степени позволяет оценить знание принципов, законов. Она не направлена на развитие мышления. Человеческое мышление не может носить абсолютно стандартизированный характер, оно является динамичным процессом. Стандартизируя процесс обучения в части его оценивания, мы заставляем молодое поколение не размышлять, а заучивать многочисленные подробности. «Мозаичная» массовая культура проникает в систему образования. Образование должно поддерживать и развивать отнюдь не массовую культуру, которая направлена на удовлетворение потребностей и ориентирована, прежде всего, на удовольствия, развлечения, нацелена на извлечение прибыли. Образование же имеет более серьезные цели. Оно непосредственно и традиционно связано с воспитанием человека. И этот человек должен усваивать и осваивать не только культуру потребления.

Существовала в советское время система фильмотек. Фильмотеки работали со школами, и их фонды были скомплектованы и организованы в соответствии с программами школьных курсов. Появилось много новых фильмов, да и старые материалы могут еще пригодиться. Почему бы не учесть все эти материалы, не включить их в методические рекомендации? В советских учебниках по истории для средней школы были списки художественных произведений по изучаемым темам. Почему не вернуться к этой практике, не дополнить эти списки новыми произведениями? Здесь будут выстроены связи истории, литературы, художественного творчества, документальных материалов. Имена писателей, художников, поэтов, ученых приобретут новое звучание, уже историческое. Богатство российской культуры откроется на конкретных примерах.

Можно критично воспринимать прежнюю систему образования, но она формировала общий для страны «культурный код». Бывшие ученики могли говорить друг с другом на одном языке, так как усваивали общую систему ценностей, знаний и представлений. Современное общество (не только российское) сильно дифференцировано. Расслоение россиян по уровню доходов, образования приобретает все больший и больший размах. Но процессы глобализации и интеграции заставляют задуматься о формировании единства, единства на уровне государства. Размывание культурной, этнической,

языковой идентичности приводит к «растворению» народов в других мирах и культурах. История знает немало примеров исчезновения культур и цивилизаций. Формирование патриотических устремлений призвано как раз противостоять этим процессам. Исчезнувшие народы и их культуры не знали системы всеобщего образования, у них не было инструментов формирования единства на основе знаний. Их единство основывалось на полисной принадлежности, религиозных представлениях, национальных предпочтениях. Информационная эпоха создает иную базу для единства. Светское образование, вобравшее в себя все проявления культуры, является, на наш взгляд, одной из таких баз.

Воспитание патриотизма невозможно без знакомства со знаменитыми местами нашей страны. Внутренний туризм должен учитывать и образовательные программы. Подобные программы должны быть доступны любому школьнику и студенту. Сегодняшние предложения туристических фирм, затрагивающие «знаковые» места нашего Отечества, просто неприемлемы для большинства учащихся по своим ценам. Поездка даже к ближайшим историческим памятникам наталкивается на финансовые трудности. Зачастую, путешествие по родной стране для рядовых граждан невозможно из-за отсутствия приемлемых предложений. Кому как не государству, заинтересованному в патриотическом воспитании граждан, курировать данный вопрос?! Внутренний туризм нельзя понимать только как сферу действия бизнеса. Если руководствоваться объективно, то бизнес должен извлекать прибыль, это его основная задача. Не стоит навязывать бизнесу решение других задач. Отдельные представители бизнеса сознают свои гражданские обязанности, принимают на себя социальную ответственность, но это действие человеческого субъективного фактора. Внутренний туризм связан и с задачами воспитания граждан страны. Поскольку образование и воспитание у нас является делом государственным, то кому как не государству формировать стратегию внутреннего туризма?! Туризм не может носить только развлекательные цели. В туризме заложен огромный образовательный и воспитательный потенциал. Знакомство с другими городами и весями, ландшафтами и памятниками расширяет кругозор человека. Издавна люди, побывавшие в других местах, вызывали неподдельный интерес у своих соседей. Расширение кругозора оживляет и мыслительные процессы. Человек существо из материального мира: «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Никакой интернет не восполнит личного присутствия и участия. В Пермском крае внутренний туризм потихоньку раз-

вивается. Очень многие маршруты, предлагаемые туристам, связаны с посещением храмов и православных святынь (это характерно не только для нашего края). Здесь чувствуется благотворное влияние РПЦ. Но почему не составлять «светские» маршруты? В истории нашей страны существуют и другие культурные страницы. Местные краеведы знают об этом немало. Таким образом, развивая внутренний туризм, необходимо объединять усилия многих его участников, координировать их действия и создавать систему, работающую на решение патриотических задач.

Заявленные в «Стратегии» и Федеральной программе задачи, представляющие важность для формирования гражданского единства государства, и они должны быть «связаны» со всеми дисциплинами, которые изучаются в учебных заведениях. Единство должно оформляться на уровне сознания граждан. А для формирования этого сознания система образования подходит более других. Нам нужны общие базовые представления, которые могут и должны быть сформированы в образовательном светском поле.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 19.12.2012 N 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» от 19 декабря 2012 г. [Электронный документ]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/36512>

2. Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этно-культурное развитие народов России (2014–2020 гг.)» от 20 августа 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf>

3. Гаврилова, В. В. Философский анализ социальной доктрины Русской православной церкви в 20 веке / В. В. Гаврилова // Диссертация на соискание ученой степени канд. филос. наук по спец. 09.00.11 – социальная философия. – Пермь, 2005

4. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // <http://www.russian-ortodox-church.org.ru/sd00r.htm>

5. Патриарх Алексий Второй. Выступление на Архиерейском соборе, август, 2000 // Журнал Московской патриархии. – 2000. – № 9.

6. Писманик, М. Г. Проблемы преподавания религиоведения. / М. Г. Писманик // Материалы II Российской научно-практической конференции, 11–12 мая 2004 г. – Пермь, 2004. – Т. 2. – С. 207–218.

Горюнов Д. В.

Goryunov D. V.

ЭВОЛЮЦИЯ И АДАПТАЦИЯ НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПЕРМСКОМ РЕГИОНЕ

EVOLUTION AND ADAPTATION OF THE NEW RELIGIOUS ORGANIZATIONS IN THE PERM REGION

Аннотация: В статье рассматривается проблема эволюции и адаптации новых религиозных организаций на территории Пермского региона. Проведен анализ характерных особенностей новых религий: время существования, роль лидеров, миссионерская деятельность и другие компоненты в контексте социальной адаптации. Выявлены определенные тенденции к изменению со стороны новых религий, которые могут способствовать конструктивному взаимодействию с органами власти и межконфессиональному диалогу.

Ключевые слова: новые религиозные организации, верующие, миссионерская деятельность, прозелитизм, адаптация.

Annotation: In article the problem of evolution and adaptation of the new religious organizations in the territory of the Perm region is considered. The analysis of characteristics of new religions is carried out: existence time, a role of leaders, missionary activity, etc. in the context of social adaptation. Certain tendencies to change from new religions which can promote constructive interaction with authorities and to interfaith dialogue are revealed.

Key words: the new religious organizations, believing, missionary activity, proselytism, adaptation.

Пермский край, начиная с 90-х гг. 20 века, занял далеко не последнее место в России по многообразию представленных религий, в т. ч. новых религиозных организаций¹ (далее НРО) и числу приверженцев данных организаций. Количество последователей новых религий в разные годы менялось от нескольких сотен до нескольких тысяч. В настоящий момент оно составляет примерно 8–10 тысяч человек. Новый религиозный фактор играет и будет играть значимую роль в межконфессиональной сфере, наряду с традиционными рели-

¹ Профессор И. Я. Кантеров полагает, что «религиозные движения данного типа называются «новыми», поскольку в настоящем виде большинство из них возникло сравнительно недавно. От традиционных верований новые религиозные движения отличаются нововведениями, существенно расходящимися с вероучительными установками исторических религий. Последователи новых религиозных движений – верующие первого поколения. Их верования не укоренены в традиции народов страны, нации, региона». Кантеров И. Я. Новые религиозные движения // Энциклопедия религий / Ред. Забияко А. П., Красников А. Н., Элбакян Е.С. М., 2008. С.892.

гиями на территории Пермского края. Как известно, традиционные религии не всегда приветливы к новым иноверцам, подчас видят в них сектантов, вносящих раздор между верующими согражданами. В связи с этим, вопросы прогнозирования, социальной адаптации и эволюции дальнейшего развития НРО является достаточно актуальным, особенно с точки зрения государственно-конфессиональных отношений и поддержания социальной стабильности в регионе и стране.

Исследователи новых религий Е.Г. Балагушкин, А. Баркер, И.Я. Кантеров¹ выделили наиболее характерные черты для данного типа религиозных объединений. Мы же рассмотрим свойственные им особенности, применительно к эволюции и их адаптации в обществе.

1. Недолгий срок существования НРО.

Многие новые религии не успели в силу временной ограниченности их бытия в современном российском обществе стать органичной частью его социальной и культурной традиции. Отчасти это связано с тем, что эти НРО не смогли освободиться от сложившихся на начальном этапе их становления радикальных установок апокалиптического и экстремистского характера. Это обстоятельство затрудняет их приспособление к социально-культурным реалиям современной России и в то же время усложняет возможность заметного расширения границ своего взаимодействия и высвобождения от агрессивного прозелитизма и назойливого миссионерства.

В данном отношении показательным является пример религиозной организации «Свидетели Иеговы». Как правило, они законопослушны. Но многие одиозные религиозные установки иеговизма не утратили своего вызывающего радикализма. Таковы, например, эсхатологические ожидания, которые провоцируют напряжения «свидетелей» по отношению ко многим современным российским реалиям. Чрезвычайно одиозна и наиболее интолерантна их парадигмальная установка о ложности всех иных исповеданий. Правда, явные и активные противостояния к иноверцам со стороны «свидетелей» практически

¹ Более подробно о характерных особенностях новых религий можно найти: Балагушкин Е.Г. Новые религиозные движения России: структурно-функциональный и семантический анализ. – М.: Palmarium Academic Publishing, 2013. – 488 с.; Баркер А. Новые религиозные движения. Практическое введение. – СПб: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1997. – 284 стр.; Кантеров И.Я. Новые религиозные движения в России (религиоведческий анализ). М., 2006. – 472 с.; Новые религии в России: двадцать лет спустя. Материалы Международной научно-практической конференции / ред. кол.: Е.С. Элбакян, С.И. Иваненко, И.Я. Кантеров, М.Н. Ситников. – СПб.: Древо жизни, 2013. – 240 с.

почти не наблюдаются. Но вполне отчетливо их отчуждение ко всем «иным», способствующее конфликтам на межрелигиозной почве.

В то же время, несмотря на свой относительно небольшой срок существования, некоторые НРО начинают постепенно менять свои радикальные идеи на социально приемлемые установки. Многие НРО «устают» конфликтовать с обществом, отдавая все силы на борьбу с «миром греха» и «порочной системой». Особенно это характерно для второго и третьего поколения приверженцев НРО. Так, формирование второго поколения в религиозной организации «Пермское общество сознания Кришны» привело к изменению социального статуса адептов. Таковые вошли в эту организацию в молодом возрасте, обзавелись семьями, не оборвали связи с «внешними» – то есть с иноверцами, а то и с нерелигиозными сверстниками. Как показывают наши наблюдения, многие последователи Пермского общества сознания Кришны теперь полагают, что оно не должно искусственно «раздуваться», стремясь к излишнему количественному пополнению, но следует поддерживать естественное служение Кришне без демонстративного ажиотажа. Правда, служение Кришне в какой-то мере адепты вуалируют под маской пропаганды индийской культуры.

Отметим, что в последние годы некоторые НРО ослабили свою конфессиональную воинственность и снизили миссионерское рвение. Однако их отчуждение к «иным» все же не исчезло. И поныне по отношению к ним в обществе имеет место определенная настороженность как в силу инертности массового сознания, непривычности форм служения в НРО, но в особенности из-за проявлений их отчужденности к «иным» и медлительной адаптации руководителей НРО к ряду важных реалий в нашем постсоветском обществе.

2. Роль лидеров НРО.

Такова роль особенно важна на ранних этапах становления и развития НРО. Большинство лиц, примкнувших к новым исповеданиям, некритично и целиком ориентируются на личность харизматического лидера, его позиции и установки, что ведет в формирующемся исповедании к развитию авторитарности, восприятию жесткой модели взаимодействия по линии «лидер («гуру») – адепты». Исключительная сосредоточенность на харизме лидера, может привести к непредсказуемым последствиям, вплоть до ее глубокого кризиса и распада на ряд мелких образований. Так, например, 2010 год стал перелом-

ным для НРО «Семья Божия» (Пермь), где 20 августа 2010 г. ушел из жизни ее основатель и лидер Владимир Константинович Белодед («Небесный Отец», «Отец»), поэтому организация фактически прекратила свое существование и до сих пор находится в состоянии летаргии.

Для НРО с длительным стажем характерен отход от «гуруизма» к модели корпоративного управления (руководящий совет, правление и т.п.) и изменения властных отношений, где роль лидера опосредована или ограничивается разного рода религиозными институциями. В свою очередь, таковое на порядок уменьшает риск радикальных заявлений и действий, а также в целом непредсказуемой позиции со стороны НРО.

3. Аморфность организационной структуры.

Аморфная организационная структура характерна больше для приверженцев движения «New Age». Это движение имеет широкое распространение во всем мире. «New Age» – это облегченный вариант нового религиозного сознания, которое не приемлет традиционную религиозность с ее догматами, обрядами, ритуалами, заповедями и т. п. «New Age» предлагает широкий спектр имен «новых пророков»: Е. Блаватская, Н. и Е. Рерихи, Г. Гурджиев, П. Успенский, Д. Андреев, С. Лазарев, Э. Леви, Р. Штайнер, А. Бейли, Р. Бах и многие другие. Проводниками подобных идей являются многочисленные группы и кружки по интересам. Таковыми, например, предстали теософские и рериховские кружки в 90-е гг. 20 века в Перми.

С течением времени большей части НРО удастся выработать довольно стабильные организационные структуры. К ним (в диапазоне минувших девяностых годов) в Пермском крае можно отнести Церковь «Новый Завет», местное общество Сознания Кришны, Церковь Объединения и некоторые другие исповедания.

4. Высокая степень личной вовлеченности верующих в религиозную деятельность.

Жесткие «стартовые» установки в НРО во многом были обусловлены необходимостью заявить о себе, утвердиться, продемонстрировать свою новизну, оригинальность, непохожесть и тем самым привлечь к себе внимание [Кантеров, 2006, с. 149.]. В свою очередь, эти мотивы поддерживали дух рвения, религиозной активности, духовного драйва. Осознание своей избранности, превосходства над «порочной системой вещей», забота об исправлении

«мира зла и греха» вселяла в адептов мощный стимул для проповеднической деятельности, спасительной миссии. Достаточно сослаться на «стадионные евангелизационные кампании» со стороны церкви «Новый Завет», миссионерский десант в города и села Пермского края, навязчивое распространение книг и журналов, «фандрайзинг», поквартирные обходы едва ли не всех местных НРО.

Непомерное религиозное рвение усугублялась и тем, что вероисповедное мировоззрение новообращенных формировалось за сравнительно короткий промежуток времени и очень быстро становилось доминантой мышления и поведения, где не было места для саморефлексии и восприятия подлинных ценностей светской и религиозной культуры. Примем также во внимание, что большинство адептов, как правило, выросли в нерелигиозной среде антирелигиозного советского общества и ощутили растерянность перед «религиозным Ренессансом». Все вышеописанное в совокупности вырабатывало «комплекс неопфита» у новообращенных со всеми вытекающими психологическими последствиями: фанатизмом, агрессивностью, нетерпимостью, навязчивостью, «черно-белым» мышлением. Закономерно, что такое рвение неопфитов вызывало в обществе раздражение и отторжение, а также конфликтные ситуации в семье и с ближайшим окружением.

В настоящее время большинство НРО стараются смягчить жесткие стартовые установки. Руководство ряда НРО аргументирует подобные изменения сменой поверхностного изучения верований его глубинным и содержательным изучением, переходя, условно говоря, от количественного «уровня стадиона» на качественный уровень отдельной личности. Кроме того, в лоне НРО возрастает второе, уже «потомственное» поколение его адептов.

5. Миссионерская активность, прозелитизм.

Агрессивная миссионерская деятельность на первых порах существования НРО (90-ые гг. 20 века), в том числе, демонстративная воинственность неопротестантских деноминаций, приводила к серьезным конфликтам с Русской Православной церковью, мусульманскими общинами и другими традиционными религиями. НРО бросали своеобразный вызов обществу, критиковали традиционные конфессии за обрядоверие, «ветхость», политизацию и т. п., заявляли о ненужности «старых религий», практиковали прозелитизм. Навязчивая манера миссионерской деятельности на улице, «от двери к двери»,

стадионные проповеди провоцировали конфликты и с самыми разными социальными группами.

Особенно показательной в этом плане является уже упомянутая религиозная организация «Свидетели Иеговы», которая придерживается радикальной миссионерской тактики. Миссионерская тема имеет особо важное значение как в жизни отдельного иеговиста, так и организации в целом. По этой причине, практически на всех культовых собраниях говорится о важности миссионерского служения, озвучиваются соответствующие послания зарубежного Центра иеговистов и предлагаются практические советы по конкретным ситуациям этой практики. Основная мысль всех посланий Центра сводится к требованию непрерывной миссионерской деятельности и поощрению прозелитизма. Эти проявления агрессивного миссионерства усиливают дальнейшее негативное восприятие Свидетелей Иеговы со стороны других религиозных объединений.

Примем во внимание, что к настоящему времени миссионерская деятельность иеговистов подвергается некоторой корректировке, связанной с запретом некоторых экстремистских публикаций и иных подобных проявлений. Так, многие иеговисты отказались от распространения журналов «Сторожевая башня», «Пробудитесь!», некоторых буклетов и брошюр. Соответственно, вся «старая» литература для проповеди теперь заменена на новые буклеты и журналы, которые, как правило, не имеют названия. Но если взять новые журналы, то окажется, что это те же самые журналы «Сторожевая башня» и «Пробудитесь!». Заметим, что активисты этой конфессии теперь оперируют федеральным списком экстремистских материалов с перечнем запрещенных иеговистских публикаций, чтобы избежать ответственности за распространение экстремистской литературы.

В настоящее время НРО (особенно это касается неопротестантских деноминаций) отказываются от агрессивных форм миссионерства, учитывая, что таковые компрометируют их конфессии, низводя на уровень маргиналов, и формируя негативный образ в светской и религиозной среде.

6. Благотворительная деятельность в контексте миссионерских практик.

Как известно, многие НРО не разграничивают социально-гуманитарную и миссионерскую деятельность и, осуществляя милосердное служение в отно-

шении социально неблагополучных граждан, стремятся целенаправленно вовлечь таковых в свою конфессию. Таким образом, гуманитарная деятельность рассматривается как плацдарм для миссионерской работы, что существенно умаляет гуманистический потенциал милосердной деятельности.

Распространенным способом для выживания и сохранения новыми религиозными образованиями своих позиций в сложной социально-политической обстановке и в непростом духовном состоянии современного российского общества является внесение некоторых коррекций в свои вероучительные и социальные доктрины, и в сложившиеся формы и способы миссионерской деятельности. Многочисленные факты свидетельствуют о том, что неорелигиозным группам, прибегающим к инновационным трактовкам тех или иных базовых или иных установок, чаще других удается «держаться на плаву». Более того, если НРО стремятся выжить, они не могут сохраняться в «первозданном виде», обусловленном факторами и целями, которые в каких-то пунктах сегодня могут препятствовать интересам организации [Кантеров, 2006, с. 411].

Таковы определенные тенденции к изменению со стороны НРО, которые следует учитывать в налаживании толерантного и конструктивного межконфессионального диалога, а также в расширении сотрудничества НРО с органами государственной власти во имя укрепления социальной стабильности постсоветского общества и формирования гражданско-патриотического единения россиян.

Библиографический список

1. Арена: Атлас религий и национальностей Российской Федерации. – Исследовательская служба «Среда». – М., 2012. – 240 с.
2. Кантеров, И. Я. Новые религиозные движения в России (религиоведческий анализ) / И. Я. Кантеров. – М., 2006. – 472 с.
3. Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. Т. IV / отв. Ред. М. Бурдо, С. Б. Филатов. – М.: Университетская книга, Логос, 2006. – 366 с.
4. Энциклопедия религий / под ред. А. П. Забияко, А. Н. Красникова, Е. С. Элбакян. – М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2008. – 1520 с.

Здоровцева О. В.
Zdorovceva O. V.

РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ В ПРОБЛЕМЕ ГРАЖДАНСКОГО ЕДИНЕНИЯ РОССИЯН

THE RELIGIOUS POINT IN THE PROBLEM OF CIVIL UNITY OF THE RUSSIANS

Ключевые слова: секуляризация, гражданское общество, гражданское единение, Россия, религиозное сознание, секулярное сознание.

Key words: the secular consciousness, civil society, civil unity, Orthodoxy, the religious consciousness.

Решение проблемы гражданского единения стало насущным вопросом государственной власти в России в последние годы. «Правящая партия делает ставку на православие, стремится наделить эту русскую религию функцией совокупного носителя национальной идеологии» [Пивоваров, 2012, с.38]. Это понятно, поскольку «традиционная религия связана с национальным самосознанием, этнической самоидентификацией, патриотизмом» [Астапов, 2014, с. 37]. Она способствует единению людей на базе принципов морали, которые в свою очередь, отражаются в системе государственного права. Здесь зарождается посыл к гражданскому единению и солидарности.

Однако православие в России скорее внешняя «вывеска», чем внутренняя сущность той части населения, которая себя к нему причисляет [Казанова, 2013]. 79% россиян относят себя к православным, но из них 90% не принимают участия в церковной жизни» [по данным ВЦИОМ]. Основная причина такого положения дел – «фундаментальная секуляризация, то есть непонимание и неприятие религиозного смысла христианства» [Мещеринов, 2009]. Особенно же секуляризация вытесняет трансценденции, то есть ориентации на Бога, Абсолют, высшую силу и «включение» этой высшей силы в повседневную жизнь на всех ее уровнях.

Бог и религия исключены из повседневной жизни подавляющего большинства российского общества. Об этом свидетельствует статистика в отношении православных, как доминирующей конфессии. Лишь 28% православных считают религию очень важной в своей жизни [Синелина, 2013]. Только

3–4% православных христиан постоянно участвуют в «религиозных практиках» [Казанова, 2013]. Православные россияне практически не знакомы с вероучением своей конфессии: никогда не читали Евангелие и другие библейские тексты 62% населения, регулярно читают только 1% [исследования ФОМ]. Наконец, с моральными требованиями православия согласны только 33% россиян. [исследования ВЦИОМ].

Все приведенные данные говорят о том, что религиозная православная традиция воспринимается большинством россиян (особенно русских) как способ найти свою идентичность под маркой «россиянин» взамен идентичности «советский народ». Такое положение дел мало содействует гражданскому единению представителей разных национальностей и культур. Идентичность – не «равно» религиозность.

Для секулярного сознания характерны изменчивость ценностных ориентиров, религиозный индефферентизм и релятивизм. Такое сознание способствует углублению процессов индивидуализации членов общества, создавая ситуацию, когда выполнение или невыполнение требований морали начинает восприниматься как личное дело каждого, как неограниченная свобода. Достаточно вспомнить нашумевший в 2013 г. случай с группой «Пусси райет». В сфере межконфессиональных отношений секулярное сознание порождает ситуацию «плюрализма» и одновременного уравнивания всех религий, и как следствие – умаления значимости их вклада в культурную, общественную жизнь государства. Это существенно затрудняет диалог людей разных культур. В сфере права секулярный подход порождает законы, расширяющие права человека до неразумных границ и легитимирующих пороки. Яркий пример тому – законы об однополых браках в Европе, о суррогатном материнстве (есть и в России). Потребительское отношение к религии, вызванное секуляризацией, сводит на «нет» ее нравственный потенциал, призванный делать человека Личностью. А гражданское общество, как известно, предполагает единство свободных личностей, реализующих свою свободу на благо общества и государства. Подлинное гражданское единство без опоры на религиозную традицию вряд ли возможно. Скорее – гражданский сепаратизм по принципу «каждый сам за себя».

Для формирования гражданской позиции россиян необходим «консервативный заряд религиозных традиций, направленный на стабилизацию общественных отношений» [Астапов, 2014, с.38]. Однако, в сложившихся условиях

низкой религиозности большинства населения России этот потенциал не может реализоваться в полной мере.

Библиографический список

1. Астапов, С. Н. Стабилизационный потенциал религиозных традиций в современном российском обществе / С. Н. Астапов // Проблемы укрепления единства российской нации. Сборник материалов Всероссийского научно-практического форума. – Пермь, 2014. – Ч.2. – С.35–40.

2. Астапов, С. Н. Антиномичность религиозной толерантности / С. Н. Астапов // Роль религии в жизни современного российского общества. Сборник материалов международной научно-практической конференции. – Нижний Новгород, 2010. – С.21–25.

3. ВЦИОМ: Всероссийский центр изучения общественного мнения [Электронный ресурс]. – М., 2000. – Режим доступа: <http://wciom.ru/#> (дата обращения: 12.06.2016).

4. База данных ФО: Фонд «Общественное мнение» [Электронный ресурс]. – М., 2003. – Режим доступа: <http://bd.fom.ru/> (дата обращения: 12.06.2016).

5. Казанова, Х. Светские режимы и религиозная динамика в постсоветских обществах: сравнительный анализ ситуации в Восточной Германии, Польше, Украине и России. 18.06.2013 г. [Электронный ресурс] _ Х. Казанова // Общецерковная аспирантура и докторантура имени святых Кирилла и Мефодия. – Режим доступа: <http://www.doctorantura.ru/ru/2013-05-31-10-45-38/seriya-lektsij-religiya-nauka/materialy> (дата обращения: 17.06.2016).

6. Петр (Мещеринов), игумен. Духовная борьба в России // Доклад на Международной Экуменической Конференции в Бозе. [Электронный ресурс] // Богослов. ru: научный богословский портал. – 16 октября 2009. – Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/486182.html> (дата обращения 16.06.2016).

7. Пивоваров, Д. В. Обыденное религиозное сознание и его связь с идеологией / Д. В. Пивоваров // Проблемы российского самосознания. Религиозные, нравственные и правовые аспекты культуры. Сборник материалов научно-практической конференции. – М., Пермь, 2012. – Ч. 2. – С. 31–39.

8. Синелина, Ю. Ю. Религиозность в современной России [Электронный ресурс] / Ю. Ю. Синелина // Отечественные записки – 2013. – № 1 (52). – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2013/1/religioznost-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 30.05.2016).

Копылов О. В.

Kopylov O. V.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ДИАЛОГ – СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ФОРМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А. МЕНЯ

TOLERANCE AND DIALOGUE AS THE SOCIO-CULTURAL PARADIGMATIC FORM IN THE VIEWS OF ALEXANDER MEN

Аннотация: *В статье проводится анализ двух парадигмальных социокультурных форм – диалога и толерантности, выделяемых в трудах А. Меня. Рассматривается возможность использования этих форм в гражданском взаимодействии, исследовательской и политической деятельности.*

Ключевые слова: *диалог, толерантность, социокультурные парадигмальные формы.*

Annotation: *This paper analyzes the two paradigmatic forms of social and cultural – of dialogue and tolerance, allocation of work A. Men. The possibility of the use of these forms of civil interaction, research and politics.*

Key words: *dialogue, tolerance, sociocultural paradigmatic form.*

Российский ученый, историк религии и культуры, богослов и мыслитель, протоиерей Русской православной церкви Александр Владимирович Мень (1935–1990) был хорошо известен в России и за рубежом, как толерантная и веротерпимая личность, вполне открытая к диалогу. Эти личностные качества А. Меня и его креативные труды по исследованию духовной культуры и религии насыщены заметным позитивным, концептуально-методологическим потенциалом в качестве продуктивной парадигмальной социокультурной формы.

Обращаясь к анализу парадигмальных социокультурных построений в творчестве А. Меня, рассмотрим понятия «парадигма», «социокультурный» и более узкий термин «социокультурные формы». Термин «парадигма» стал широко использоваться в методологии теоретических исследований после выхода сочинения известного американского историка науки Томаса Куна (1922–1996) «Структура научных революций» (1962 г.). Но еще ранее этот термин использовали античные философы для обозначения духовных идей (образцов), воплощенных в реальных вещах. Известный российский филолог, профессор МГУ А. А. Тахо-Годи, комментируя «Диалоги» Платона, констатирует: «Один из характернейших терминов Платона – образец, парадигма (греч. paradeigma), т. е. та главная идея, глядя на которую можно конструировать другие идеи и вообще предметный мир» [Диалоги, 1986, с. 548].

Другой термин «социокультура» (социокультурное пространство, социокультурная система) в научный оборот ввел известный русско-американский социолог и культуролог П.А. Сорокин (1889–1968) [Хоруженко, 1997, с. 453]. В своей фундаментальной работе американского периода «Общество, культура и личность; их структуры и динамика» (1947 г.) П. Сорокин постулирует надорганику или социокультурное пространство (социокультуру) в качестве тождественной «сознанию во всех своих явно выраженных проявлениях» [Сорокин, 1992, с. 157–158]. В последующем, понятие «социокультура» стало весьма распространенным в научном дискурсе, поскольку способствовало интеграции исследований по проблемам соотношения индивида и общества, типологии социумов и культуры [Лапин, 2000].

Применение в научном дискурсе термина «социокультурный» обусловлено наличием ограничений при описании реальности концептами «социальный» и/или «культурный» по отдельности. Использование термина «социокультурный» позволило в социально-гуманитарных науках найти конструктивную альтернативу этим двум концептам. Использование данного термина позволило обеспечить многофакторный подход к изучению бесконечно богатой социально-культурной вселенной интегрирующими смыслами, заимствуя таковые в тезаурусе языка, арсеналах экономики, политики, науки, философии, религии, права, этики, искусства и др.

Социокультурные формы, выступающие всеобщими культурными универсалиями для социума, обоснованы в работах американского этнолога и антрополога Джорджа Питера Мердока (1897 – 1985) [Хоруженко, 1997, с. 301]. На основе кросскультурных исследований по 600 отдельным культурам [История культурологии, 2006, с. 203], проведенных этнологами во главе с Дж. Мердоком, удалось выделить более 60 так называемых культурных универсалий. Культурные универсалии – это единообразные культурные формы, общие для всех этносов, существование которых обусловлено всеобщей логикой культур. В частности, Дж. Мердок выделяет такие культурные универсалии как космология, учения о конце света, суеверия, магия, мифология, религиозные обряды, гадание, толкование снов и другие. Для развитых обществ можно выделить такие универсалии как государство, политические партии, науки. «Все культуры, – утверждает Дж. Мердок, – сохранившиеся до нынешнего времени, должны обнаруживать в себе некоторые черты сходства, поскольку все они должны обеспечивать выживание сообщества. Среди таких культурных универсалий мы, вероятно, сможем отметить чувство групповой сплоченности, механизмы социального контроля, организацию защиты от

враждебного окружения и обеспечения воспроизводства населения» [Антология исследований культуры, 1997, с. 51].

Таким образом, парадигмальная социокультурная форма выступает в качестве типовой, универсально-образцовой структуры, определяющей единство смыслового содержания социальных основ человеческой жизни в целом. Выделим в творчестве А. Меня две парадигмальные социокультурные формы – диалог и толерантность. Они наиболее полно выражены в сборнике его статей, лекций и интервью под названием «Трудный путь к диалогу», который был издан фондом имени А. Меня уже после его трагической гибели. Благодаря высокопрофессиональной работе редакционной коллегии, в сборнике удалось в рамках названной парадигмы сконцентрировать наиболее характерные за разные годы труды А. Меня.

Диалог это, в первую очередь, конструктивная беседа двух равных людей, либо индивида и группы, либо различных групп и обществ с целью обмена информацией. Одним из важнейших принципов открытого диалога является умение слышать, понимать своего собеседника. Известный русский филолог, философ и историк культуры М. М. Бахтин (1895–1973), один из первых русских исследователей, который поставил в центр своей философской концепции диалогический принцип как взаимоотношение «я» и «другого». Исследователь указывал, что понимание «другого» в диалоге не повторяет и не дублирует смысл содержания говорящего. Говорящий и понимающий «не остаются каждый в своем собственном мире; напротив, они сходятся в новом, третьем мире, мире общения, они обращаются к друг другу, вступая в активные диалогические отношения» [Бахтин, 1997, с. 209]. Другой, высоко авторитетный отечественный культуролог, основоположник Тартуско-московской семиотической школы профессор Ю.М. Лотман, в монографии «Внутри мыслящих миров», принесшей ему мировую известность, утверждает, что диалог есть элементарный механизм перевода. В свою очередь, сам перевод, есть элементарный акт мышления [Лотман, 2015, с. 206]. Перевод в концепции Ю. Лотмана – это творческий акт интерпретации исходного текста (послания) [Лотман, 2015, с. 22].

Сам же Александр Мень, в качестве основы диалога исходил из **принципа понимания**. Он писал: «Люди обычно уподобляются слепцам из индийской притчи, которые пытались определить, что такое слон, ощупывая отдельные части его тела. Ни интуиция, ни эмпирическое, ни логическое знание не могут охватить во всей полноте Многомерную Реальность. Отсюда и разнообразие, противоречивость, расхождение верований. При честном диалоге каждая из

сторон должна отчетливо видеть эти расхождения. Иначе возникает путаница, которая мало способствует взаимопониманию» [Мень, 2008, с. 25–26]. При этом А. Мень уточняет: понимание другого в диалоге не просто восприятие информации, но возможность **проникновения за систему**, за знаковые символы, которыми апеллирует эта система, для того чтобы наиболее адекватно постичь, скрытый в этих системных символах, смысл [Мень, 2002, с. 250].

«Эволюция культуры немыслима – рассуждал А. Мень, – без дискуссии мировоззрений» [Мень, 2008, с. 13]. Конструктивная дискуссия неосуществима с позиций нетерпимости и воинственных мировоззренческих противостояний. К сожалению, кризисная социо-культурная ситуация в современной России продуцирует нередкие проявления нетерпимости, агрессии и экстремизма. Чрезвычайную важность в этой ситуации приобретает предложенная органами власти и поддержанная россиянами стратегия реализации национальной консолидации Отечества. Формирование установок толерантности, дискуссия мировоззрений способствуют осуществлению гражданской консолидации.

Диалог является важнейшим инструментом реализации гражданской консолидации. Но, к сожалению, он недостаточно востребован. Более того, даже в научных дискуссиях он начинает уступать «форматам» проповеди, а то и нетерпимого монолога. Психологическая атмосфера некоторых научно-практических конференций гуманитариев, прошедших в последние годы в столицах и в других научных центрах России напоминает не дискуссию, но воинственный диспут. Научную объективность и толерантную диалогичность здесь подчас подменяет идеологизированная или конфессиональная ангажированность, иногда сводящаяся к обличениям в экстремизме. Бесспорно, экстремизм является опаснейшим противником гражданской консолидации нашего общества. Однако, игнорируя нормы научной дискуссии, некоторые диспутанты, мнящие себя экспертами, в число экстремистских материалов зачисляют даже «священные писания» мировых религий. Прислушиваясь к таким «экспертам», суды опрометчиво пополняют «Федеральный список экстремистских материалов», представленный на сайте Министерства Юстиции РФ. В нем на начало июня 2016 года включено 3560 материалов. Исследование «Списка» показывает, что заметная часть сюда включенных материалов в действительности не имеет признаков экстремизма, но продуцирована некомпетентными и ангажированными «экспертами», наносящими несомненный ущерб культуре диалога и формированию толерантности.

Одно из самых компетентных философско-академических изданий постсоветской России, «Новая философская энциклопедия», определяет «толе-

рантность», как «качество, характеризующее отношение к другому человеку как к равнодстойной личности и выражающееся в сознательном подавлении чувства неприятия, вызванного всем тем, что знаменует в другом иное (внешность, манера речи, вкусы, образ жизни, убеждения и т.п.). Толерантность предполагает настроенность на понимание и диалог с другим, признание и уважение его права на отличие» [Новая философская энциклопедия, 2010, с. 75–76]. На наш взгляд, личность и творчество А. Меня особенно насыщены этим благородным качеством и составляют поныне важное достояние отечественной культуры, содействуя гражданскому единению россиян.

Библиографический список

1. Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры / сост. Л. А. Мостова, В. Г. Николаев. – СПб: Университетская книга, 1997.
2. Бахтин, М. М. Собрание сочинений в 7 томах. Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х работ / М. М. Бахтин. – М.: Русские словари, 1997.
3. Диалоги / Пер. с древнегреч.; Сост., ред. и авт. вступит. статьи А. Ф. Лосев; авт. прим. А. А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1986.
4. История культурологии: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук / под ред. д-ра филос. наук, проф. А. П. Огурцова. – М.: Гардарики, 2006.
5. Лапин, Н. И. Социокультурный подход и социентально-функциональные структуры // Социологические исследования. – 2000. – № 7. – С. 4.
6. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман. – СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 416 с.
7. Мень А., протоиерей Библиологический словарь. В 3 т. Т. 1. – М.: Фонд имени Александра Меня, 2002.
8. Мень А., протоиерей. Трудный путь к диалогу. – М.: Издательский дом «Жизнь с Богом», 2008.
9. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2 / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В. С. Степин. – М.: Мысль, 2010.
10. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред. сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992.
11. Хоруженко, К. М. Культурология. Энциклопедический словарь / К. М. Хоруженко. – Ростов-н/Дону: Изд-во «Феникс», 1997.

Таранченко Дмитрий
Taranchenko Dimitry

МИЛОСЕРДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

MERCIFUL ACTIVITY OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH

Аннотация: В статье повествуется о направлениях деятельности Отдела по церковной благотворительности и социальному служению Пермской епархии Русской Православной Церкви.

Ключевые слова: Православная Церковь, социальное служение, христианские добродетели, человеколюбие, милосердие, благотворительность, волонтеры.

Annotation: In the article it is narrated about the directions of the activity of division in the church charity and the social service to the Permian diocese of the Russian Orthodox Church.

Key words: Orthodox Church, social service, Christian virtues, philanthropy, mercy, charity, volunteers.

Социальное служение – одно из важнейших призваний Русской Православной Церкви, которым она занимается практически с момента своего основания, исполняя и призывая всех к исполнению заповеди Господа нашего Иисуса Христа: «Будьте милосердны, как Отец ваш милосерд» (Лука, 6:35–36). Исполняя заповеди Христа Спасителя, Церковь свидетельствует о Нем и Его Царстве, осуществляя служение любви и милосердия к ближнему. Жизнь в Церкви есть непрестанное служение Богу и людям. К этому деланию призывается весь народ Божий. Милосердное служение помогает человеку обрести любовь, а вместе с ней – самоотверженность, кротость, долготерпение, смиренномудрие и другие христианские добродетели. Церковь простирает свое человеколюбие не только на своих членов, но и на тех, кто к ней не принадлежит (Лк. 10, 30–37). В основе милосердного служения – любовь, которая, по слову апостола Павла, «долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» (1 Кор. 13, 4–7). Превосходнейшую часть любви, по выражению святителя Григория Богослова, составляет «любовь к

бедным, жалость и сострадательность. Ибо никакое служение так не угодно Богу, как милосердие» (Слово 14, О любви к бедным).

Отдел социального служения Пермской епархии – это место, где все желающие, как частные лица, так и различные светские, коммерческие и общественные организации, могут объединить свои силы, чтобы творить добро, оказывать помощь и дарить радость тем, кто в этом особенно нуждается: малообеспеченным и многодетным семьям, сиротам, бездомным, пожилым людям и инвалидам, больным и одиноким людям. Деятельность нашего Отдела следует давней православной традиции.

История благотворительности в России уходит к самому началу нашей православной христианской истории. В «Повести временных лет», а также других древнерусских источниках можно узнать о том, какую перемену в жизни древнерусского государства произвело принятие Православия. Изменилась жизнь людей, изменилась культура, потому что от служения идолам перешли к служению истинному Богу. В «Повести временных лет» мы можем прочитать о великом князе Владимире: «И так любил книжное чтение, что услышал он однажды Евангелие: Блаженны милостивые, ибо те помилованы будут; и еще: Продайте имения ваши и раздайте нищим; и еще: Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль истребляет и воры подкапывают, но собирайте себе сокровища на небе, где моль не истребляет, ни воры не крадут; и слова Давида: Благословен человек, который милует и займы дает; слышал он и слова Соломона: Дающий нищему займы дает Богу. Слышав все это, повелел он всякому нищему и бедному приходить на княжий двор и брать все, что надобно, питье и пищу и из казны деньги. Устроил он и такое: сказав, что «неможные и больные не могут добраться до двора моего», приказал снарядить телеги и, наложив на них хлебы, мясо, рыбу, различные плоды, мед в бочках, а в других квас, развозить по городу, спрашивая: «Где больной, нищий или кто не может ходить?». И раздавал все необходимое. Центрами, где в Древней Руси сосредотачивалась благотворительность, служили храмы и монастыри. При многих монастырях, устраивались странноприимницы, больницы, богадельни. Благотворительное служение особенно возрастало во время войн, неурожая, голода, и тысячи людей получали помощь и пристанище со стороны храмов и монастырей.

В 17 столетии патриархами Иовым и Никоном были учреждены так называемые нищепитательницы; в них собирали людей, которые сами не могли себе помочь. Сохранилась даже записка того времени – «Слово о приютах», в котором предлагался следующий, говоря современным языком, проект: предлагалось учредить общества милосердия. Члены этих обществ должны были разделяться на два вида: одни должны посещать бедных в домах и узнавать об их нуждах, а другие – определять пособия. Святой праведный Иоанн Кронштадский учреждал и на свои средства содержал Дома трудолюбия в Петербурге, Томске и других городах. Цель таких домов было дать возможность каждому бедному человеку жить не случайными подаяниями, а посильно трудиться и с честью и достоинством самому пропитывать себя и помогать ближним. Десятки тысяч бедствующих обрели в них пристанища. При Доме трудолюбия действовали мастерские, бесплатная столовая, амбулатория, народное училище, библиотека, убежище для сирот, воскресная школа, ночлежный приют. Всей династии Романовых была свойственна благотворительность. Император и члены династии жертвовали значительные суммы на добрые дела: создание благотворительных учреждений, богаделен, приютов, раздача милостыни и поощрение благотворительности со стороны дворянства и купечества. В этом деле особую роль сыграла императрица Мария Федоровна. Она создавала воспитательные дома, учредила несколько женских институтов в столице и провинции, положила начало бесплатному образованию женщин в России. Члены царской семьи во время войны стали медсестрами, шили белье, готовили бинты для отправки в лазареты, вели сбор пожертвований. Великая Княгиня Елисавета Феодоровна создала в Москве Марфо-Мариинскую обитель труда, милосердия и молитвы. В обители были созданы больница, считавшаяся впоследствии лучшей в Москве, детский приют, школа и аптека, где лекарства отпускались бедным бесплатно. Вне стен обители был устроен дом-больница для женщин, больных туберкулезом. Множество и других благих дел совершили для бедных и страждущих в мирное и военное время члены Августейшей семьи.

В годы советских гонений социальная деятельность Церкви была невозможна. Но в последние годы она стала возрождаться, и в регионах России возникли сестричества милосердия, церковные патронажные службы, детские приюты, богадельни, центры нарко-реабилитации и другие церковные органи-

зации, занимающиеся социальной работой. Их деятельность принесла свои плоды и позволила оказать помощь многим страждущим и социально незащищенным людям. Особенность нынешней социальной ситуации в российском обществе такова, что нуждающихся в помощи очень много, а подход государственных органов, которые должны заботиться о бедных, больных и бездомных, несколько формальный. Настоящую помощь любому нуждающемуся можно оказать, только когда вкладываешь в это дело душу, когда действительно хочешь понять, что нужно данному человеку, а не просто выполняешь инструкцию. То есть помощь действенна, если есть любовь. Где найти людей, которые это понимают? Их может дать Церковь. Но работа таких людей должна быть хорошо организована. С этой целью, по благословению Святейшего Патриарха Кирилла, в епархиях Русской Православной Церкви правящими архиереями стали создаваться Отделы по церковной благотворительности и социальному служению.

В Пермской епархии Отдел социального служения был создан в 2011 году Высокопреосвященнейшим митрополитом Мефодием. Священник Димитрий Таранченко был назначен руководителем данного отдела в январе 2012 года.

Миссия Отдела социального служения Пермской епархии – это служение и помощь ближнему через дела милосердия и благотворительности, оказание адресной помощи людям, находящимся в трудных жизненных ситуациях. Миссия – не просто материальная поддержка нуждающихся, которые обращаются в Отдел практически ежедневно, но и умножение любви, веры, которая «без дел мертва», приближения к Богу как тех, кто просит помощи, так и тех, кто ее оказывает.

«Мы должны уделять свое внимание, проявлять свое доброе отношение, милосердие, сострадание, сочувствие к ближним нашим, пусть даже это будет просто доброе слово, взгляд или доброе пожелание, которые исходили бы от сердца и души, – говорит митрополит Пермский и Кунгурский Мефодий. – Тогда это будет пример того, каким образом мы можем быть свидетелями нашей веры, нашей любви к Богу. Таким образом, мы можем свидетельствовать перед всеми людьми, что мы христиане не только на словах, но прежде всего на деле». Таков девиз нашего служения.

Соответственно, Отделу были поручены следующие конкретные задачи:

1. духовная и психологическая поддержка, консультации и материальная помощь людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию;
2. организация благотворительных и нравственно-просветительских мероприятий;
3. сбор и распределение нуждающимся одежды, вещей первой необходимости;
4. взаимодействие с государственными и общественными организациями, занимающимися социальной работой.

Основными направлениями деятельности Отдела являются:

1. Помощь многодетным и малоимущим семьям, одиноким пожилым людям, бездомным и всем, кто оказался в трудной жизненной ситуации.

На попечении Отдела, на начало 2016 года, находятся 70 малоимущих семей. Многие сотни нуждающихся людей получают вещевую помощь в Епархиальном центре гуманитарной помощи «Светлица». Организовано служение в домах престарелых, в больницах и хосписе. Планово проводятся благотворительные акции, ярмарки и другие мероприятия в помощь нуждающимся согражданам, не зависимо от их отношения к религии.

2. Помощь одиноким матерям с детьми и беременным женщинам, оказавшимся в кризисной ситуации.

За 2 года работы Консультационного центра поддержки материнства и детства «Колыбель» помощь получили 1 300 женщин, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, в частности беременных и одиноких матерей. Ведется активное просвещение для предупреждения абортов, защиты жизни и семейных ценностей. При храме святого Великого Князя Владимира г. Перми действует Школа-клуб «Экология беременности». В Пермской городской детской клинической больнице № 15 основана часовня во имя святой преподобной мученицы Великой Княгини Елисаветы.

3. Организовано служение в социально-реабилитационных центрах для несовершеннолетних г. Перми. Проводятся духовно-нравственные беседы для школьников. Обеспечиваются консультации и помощь в учебе детям из подопечных семей. Для детей и молодежи создан православный спортивный клуб «Пересвет» на базе Пермской Духовной Семинарии.

4. Значительную помощь Отделу оказывает служба добровольцев. Такие находятся через объявления в храмах, благодаря знакомым, через социальные сети и сайт miloserdie59.ru. Отзываются помогать тем, кто хочет хоть как-то поучаствовать в творении добрых дел. Часто человек приходит помогать, не понимая, что такое служить людям и как это делать, но имея искреннее желание. И у него в итоге все получается, если он поймет для себя одну важную вещь – боль другого человека должна стать твоей болью.

Ни одна просьба о помощи, поступившая в адрес Отдела милосердия, не остается без внимания. Но чтобы эта система, которая строится на любви и взаимной поддержке, не давала сбоев; чтобы в любую минуту в любой ситуации, когда это только нужно, мог найтись человек, который придет на помощь, – необходим постоянный приток самоотверженных и неравнодушных людей – волонтеров. Очень редко человек с самого начала твердо решает посвятить себя делам милосердия. В жизни мы часто слишком заняты собой и своими проблемами, и за всем этим просто не слышим, как сердце велит нам оглядеться вокруг себя и увидеть тех, кому сейчас на много хуже, чем нам. Слава Богу, что с каждым годом растет число людей, готовых помочь нуждающимся, подарить им свою любовь и заботу, и решившим изменить себя.

Отдел милосердия Пермской епархии успешно сотрудничает с Администрацией г. Перми, Министерством социального развития Пермского края, сектором по взаимодействию с органами ЗАГС при Администрации г. Перми, а также со многими другими культурными, общественными, информационными и благотворительными центрами и объединениями нашего города.

Библиографический список

1. Митрополит Пермский и Кунгурский Мефодий. Русская православная церковь и дело гражданско-патриотического воспитания // Интегративная перспектива в гуманитарных науках. Пермь. – 2014. – № 1. – С. 10–24.

2. Березина, Е. М. Социально-культурный потенциал милосердия / Е. М. Березина // Проблемы укрепления единства российской нации. – Ч. 1. – Пермь, 2014. – С. 279–284.

Сердюк А. Л.
Serdyuk A. L.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕЛИГИОЗНЫХ И ПРАВОВЫХ НОРМ (УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF RELIGIOUS RULES AND LAW (CRIMINAL ASPECT)

Ключевые слова: преступление, наказание, социальные норма, грех, кара, религия, право.

Key words: crime, punishment, social norm, sin, penalty, religion, right.

Одной из функций, которую выполняют как религиозные, так и правовые нормы, является охранительная. Зачастую нормы права и религии могут иметь сходную структуру: гипотеза – диспозиция – санкция. Но если нормы правовые чаще всего уже содержат явную санкцию, то, гипотеза и санкция нормы религиозной устанавливается логическим путем [Головкин, 2007]. Если светский закон устанавливает круг юрисдикции и лиц, которые могут реализовать наказание, производить правосудие, то религиозные нормы далеко не всегда указывают на тех, кто вправе совершать наказание, предполагается, что кара настигнет нарушителя от Бога. Согласно религиозным представлениям, существует своя особая классификация греховных поступков и преступлений. В самом общем виде можно выделить преступления против Бога, преступления против ближнего. Наказание в религии имеет характер возмездия, кары. И хотя возмездие неотвратимо, но при определенных случаях его можно избежать, к примеру, если человек раскаивается в содеянном. Наказание может исходить как от Бога, так и от человека. В иудаизме существует представление, что кара в определенных случаях ниспосылается непосредственно Богом, в других же случаях – налагается общественными учреждениями в силу Божьего веления. Важным аспектом как правового, так и религиозного наказания является то, что само наказание основано на представлении о том, что человек имеет возможность выбора между исполнением предписаний и их нарушением, именно поэтому и становится возможной ответственность за поступок. Религиозные тексты содержат в себе самый разнообразный перечень наказаний, некоторые из которых в последующем были заимствованы и в светское уголовное право. Ветхий Завет часто предусматривал среди наказаний и смертную казнь. В исламе смертная казнь предусмотрена за выход из

данной религии. Однако, смертная казнь в исламе – крайняя мера. По шариату предусмотрено возмездие однородным действием (кисас), то есть за убийство возмездие может быть так же убийством [Керимов, 2008]. В противоположность иудаизму и исламу, буддизму присуща тенденция к ограничению роли и масштабов наказания [Нерсисянц, 1998]. Христианство не имеет практики наказаний смертной казнью как наказания религиозного.

Мировые религии выделяют и блок имущественных наказаний, которые характерны и для права, и для вероучений. В иудаизме эти наказания (в т.ч., денежный штраф) предусмотрены во всех преступлениях, кроме убийства. Шариат предусматривает плату за пролитую кровь (диа). Как известно, правовые нормы любой страны так же предусматривает штраф как наказание.

За некоторые виды преступлений законодательства назначают наказания, связанные с изоляцией. Схожие наказания предусмотрены и вероучениями. Часто светские нормы влияли на дальнейшую религиозную жизнь человека. Средневековый кодекс «Тайхоре» относительно буддийских монахов содержала следующие положения: «Если за преступление не полагается расстрижение, или полагается расстрижение, но расследование еще не закончено, то подвергнуть предварительному заключению» [Попов, 1985].

Нередко в Священных Книгах и иных памятниках религиозной мысли встречается упоминание о телесных наказаниях, которые долгое время существовали в законодательстве государств. В Библии упоминается о телесных наказаниях, совершаемых на основании принципа талиона. По шариату причинивший ранение подвергался тому же.

Конечно, это далеко не полный перечень наказаний, предусмотренных религиозными и правовыми нормами, однако, эти примеры раскрывают нам единообразие структуры норм и факт заимствования отдельных положений и процесс обоюдного влияния права и религии.

Библиографический список

1. Головкин, Р. Б. Право и религия в регламентации отдельных сторон семейной жизни : монография / Р. Б. Головкин, М. А. Василенко; Владим. юрид. ин-т. – Владимир, 2007. – 120 с.
2. История политических и правовых учений : учеб. для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсисянца. – Изд. 2-е, стереотип. – М., 1998. – 736 с.
3. Керимов, Г. М. Шариат: Закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности / Г. М. Керимов. – СПб., 2008. – 512 с.
4. Свод законов «Тайхоре» (702–718 гг.) / вступ. ст., перевод с древнеяп. и коммент. К. А. Попова. – М., 1985. – Кн. 1. I–XV законы. – 368 с.

Хафизова Н. А.
Khafizova N. A.

«ЖЕНСКОЕ» КАК ФАКТОР ЕДИНЕНИЯ¹

«FEMALE» AS UNIFICATION FACTOR

Аннотация: В статье представлены гендерные жизненные стратегии как основа для возникновения ценностных предпочтений и коннотаций. Затем дается анализ некоторых элементов «женского мира» (архетипов и ценностных установок): архетипов Великой Матери и Вечной Женственности, а также гармонии (красоты), милосердной любви (заботы). Благодаря представленному анализу, показаны сильные стороны «женской культуры» в аспекте патриотизма и гражданского единения россиян, а также дана рекомендация усилить данную составляющую в социо-культурном пространстве и в психике человека.

Ключевые слова: гендер, архетип, ценность, патриотизм, Родина, Отечество, жизненная стратегия.

Annotation: Gender strategy of life as a basis for emergence of valuable preferences and connotations are presented in article. Then the analysis of some elements of «the female world» is given (archetypes and valuable installations): archetypes of Great Mother and Eternal Femininity, and also harmony (beauty), merciful love (care). Thanks to the submitted analysis strengths of «female culture» in patriotism and a civil unification of Russians are shown, and the recommendation to strengthen this component in sociocultural space and in mentality of the person is made.

Key words: gender, archetype, value, patriotism, Homeland, Fatherland, strategy of life.

Достижение гражданского единения, полноценное функционирование гражданского общества связаны не только с повышением ответственной социальной активности граждан, но и с культивированием особенного ценностного содержания, направленного на принятие Другого, на заботу о Другом. Последнее в культуре связывается с миром феминных ценностей, или точнее – феминного оттенка ценностей.

Идентификация «женскости» той или иной ценности коренится в понятии гендер, который является не просто набором социальных качеств, востребуемых той или иной культурной средой, но выразителем некоего ядра человеческого сознания/бессознательного, позволяющего связывать определенные ценности – вне исторического и культурного контекста – с феминностью или маскулинностью.

¹ Данная статья написана при финансовой поддержке РГНФ в рамках реализации проекта под № 15-03-00089.

Цель статьи – показать источник и формы проявления ценностных коннотаций как фактора народного единения и становления патриотизма.

Гендер и жизненные стратегии. Понимание гендера в современных гуманитарных науках связано, прежде всего, с содержанием социо-культурной деятельности того или иного пола. Однако, думается, что уместнее гендер определять в качестве стиля, выражающего не столько *что* входит в деятельность, сколько – *как*.

Например, дело не в том, кто занимается воспитанием детей, а – как воспитывают мать и отец [Фромм, 2016]; дело не том, кто инициирует сексуальные отношения или кто более социально активен, а – как реализуются эти формы активности, какая сверх-цель (идея) их питает и т.п. Эта самая сверх-цель оказывает влияние на ценностное поле существования гендера, который, таким образом, определяется не списком ценностей, прочно как будто ассоциирующихся с тем или иным полом, а то, *как* организовано пространство одних и тех ценностей в их предпочтениях в жизненном мире мужчин и женщин, актуализирующее те или иные ценностные коннотации.

Гендер – не итог деятельности как таковой, а – *бытие* в его ценностном преломлении, то есть то, что окрашивает деятельность.

Не стоит путать теорию Г. Зиммеля [Брандт, 2006, с. 71–76] с тем, что было сказано выше. По Зиммелю, женщина есть бытие, а мужчина – деятельность. Эта мысль хороша, только если посмотреть на их взаимоотношения, ибо женщине, для того, чтобы быть женщиной в отношениях, достаточно быть собой в своей естественности и спонтанности, тогда как мужчина – это итог деятельностного самопреобразования, нарочитого предъявления доказательств того, чтобы в глазах других иметь право называться мужчиной. С точки зрения же гендера, мужское и женское – это разные стили единого *человеческого* бытия.

Конечно, гендерная идентичность производится культурными дискурсами, но сама его возможность коренится в человеке, в том или ином способе его активности как субъекта – в жизненной стратегии. Жизненная стратегия есть выражение связи действующего субъекта с объектами, она позволяет связать внутреннее и внешнее пространства субъекта в единое целое смысловое поле его жизни. Она, как формирующая стиль, и сама также есть не *что*, а *как*.

Источником формирования жизненной стратегии является самосознание, которое само по себе не имеет гендерной окраски, но в варианте соотношения форм его активности – внутренней и внешней – порождает два способа отношения к миру.

Один из них делает акцент на внешней активности – на собственной объективации, самоутверждении, что более соответствует мужской стратегии (далеко ходить не надо, достаточно вспомнить бесконечное соперничество и борьбу, сопровождающих жизненный путь любого мужчины, как и впрочем, женщин, подвергшихся глубокой огранке ее души мужскими установками).

Другой вариант более связан с внутренней активностью – с субъективацией, с нацеленностью на освоение мира, на включение нового, *иного* во внутренний мир субъекта. Данную стратегию в чистом виде легче связать с женским способом бытования (известно, например, что женщина почти без усилий подстраивается, изменяется под внешние обстоятельства). Однако в каждом человеке самосознание присутствует в обеих формах, а значит, маскулинность и феминность наличествует в каждом мужчине/женщине при лидерстве одного из них.

Юнговский психоанализ это выразил так: в психике каждого мужчины есть Анима как архетип женского начала, а в каждой женской душе есть Анимус как архетип мужского начала в женщине [Юнг, 2007], а если шире это выразить, то Анима и Анимус – это архетипы, свойственные бессознательному всякого человека. Архетип можно трактовать как поведенческую матрицу, запускающуюся в предельно обыденных или пороговых ситуациях, а можно, как идею, обретшую образные контуры в культуре [Нэджи, 2015].

И какая бы социкультурная ситуация ни сложилась, эти инварианты остаются постоянными.

Даже если вчитаться в работы М. Мид [Мид, 2016], которая настаивала, что гендер культурогенен, то можно заметить эти константы феминности и маскулинности. Так, она идентифицировала мужчин горных арапешей как феминных, однако их воспитание непременно включало в себя практику соревновательности. Социальная активность женщин в племени чамбули, которую М. Мид обозначила как мужскую, на самом деле была нацелена на создание единого пространства взаимной заботы и помощи (женская стратегия), а отсутствие в этой группе возможностей самоутверждения для мужчин привела

к массовому симулированию ими боевых заслуг и повышенной невротичности. Сложный институт родства в племени мундугуморов актуализировал ситуацию борьбы внутри каждого из полов, игнорировавшей, по сути, значимость женской жизненной стратегии, что выразилось в массовой истеричности женщин [Хафизова, 2015].

Далее речь будет идти только о женском мире, дабы выявить его потенциал в деле гражданского единения. Женский мир – это не мир женщин, это совокупность жизненной стратегии, ценностных установок, архетипов и хронотопа, характерных для женской части души человека, которые в наибольшей степени свойственны – органичны – рожденным женщинами, но вполне приобретаемы – актуализируемы – и мужчинами.

«Женский мир»: архетипы и ценности. Стратегия освоения делает возможным диалог – слышание Другого ради него самого и для собственного самоусложнения, обогащения (так мать осваивает свое дитя), а самоутверждение производит мир границ, в рамках которых происходит сохранение и предъявление себя. В этой жизненной стратегии Другой нужен и как свидетель меня, и как тот, кого можно повести за собой (в пределе – захватить и даже уничтожить).

Великая Мать – это архетип, сполна выражающий «мужской» мотив в женщине, которая ради близких и «коня на скаку остановит, и в горящую избу войдет» (здесь воля к власти в ее – рациональных и иррациональных – проявлениях дополняет волю к жизни). Архетип «Вечной Женственности» является ядром женского (он выражает собой единство воли к жизни и воли к любви).

Если архетип Великой Матери ассоциируется с заботой, ладом, уютом и теплом домашнего очага, с некой консервативностью, заземленностью, то Вечная Женственность – с музой, вдохновляющей на творчество и поиск истины, с мудростью, с вечным движением, с одухотворенностью, со [«священной»] сексуальностью [Куоллз-Корбетт, 2013], актуализирующей Аниму в мужской душе. В русской философии В.С.Соловьевым данный архетип нашел свое выражение и развитие в идее Софии [Соловьев, 2016].

Так и вспоминаются слова И. Гете, которыми тот заканчивает своего «Фауста»: «...Здесь – заповеданность / Истины всей, / Вечная женственность / манит нас к ней».

Исходя из жизненной стратегии, делающей ставку на освоение мира, а также архетипов, являющихся «духовными» единицами бессознательного, – женское как стиль предполагает культивирование следующих ценностей:

1. Нацеленность на гармонизацию (идея красоты). Данный факт предполагает создание такого жизненного порядка, в котором *единое* образуется не за счет подавления *множественного* чем-то одним, а тем, что оно включает в себя *множественное* в диалоге, в процессе *единения* как нахождения точек пересечения для совместного делания. В данном аспекте идея социальной справедливости трактуется не как мера воздаяния, а как баланс множественных интересов, учет различности, текучего характера идентификационной сетки, что и понимается под «гармоничным устройством общества». Гражданское единение – это результат борьбы, способной переходить в сотрудничество, когда иное не подавляется, а проявляется еще объемнее.

2. Забота, милосердная любовь. Забота есть такое освоение Другого, когда он становится своим не через его подчинение себе, а в процессе наполнения себя его интересами, проблемами в деятельном участии в жизни того. Забота предполагает *бережность* в отношении других.

Бережливая забота о том, что принципиально дистанцировано, непременно переживается как *иное*, но приближается и делается *своим* иным; забота – это близость как бытие-около, бытие-при...

Женская форма любви – это любовь-*служение*, как раз предполагающей эту самую заботу и повседневное освоение Другого, тогда как мужская коннотатика любви связана с идеей самопожертвования.

Для мужчины «любить» означает быть способным пожертвовать чем-то своим (временем, деньгами, закрытыми границами своего частного пространства) ради любимых; он только в эти моменты и отдает себе отчет в своей любви. Мать тоже может пожертвовать, но это самопожертвование будет стоять в цепочке повседневных дел. Мужское самопожертвование – это форма максимального утверждения в поступке (ибо каждодневные жертвы невозможны) своей уникальности. В любви женщина *отдается* без остатка, мужчина *дает* частичку своего, удерживая, однако границы собственного мира остаются под полным контролем.

В этике приоритет заботы, милосердной любви перед идеей справедливости называется принципом матернализма [Апресян, 1995]. Отсюда, гори-

горизонтальные связи важнее вертикальных, свобода как спонтанность в любви и творчестве более ценна, чем она же, но в качестве автономии и независимости от (...): границы граничат женское, а не ограничивают *иное* от него. Значимость заботы и милосердия для формирования гражданского общества в том, что она инициирует не инструментальное, не потребительское отношение к другим, а как к ценностям (не функциям!) самим по себе.

3. Патриотизм как любовь к *Родине*. Данная ценностная установка всплыла в связи с проблемой соотношения гражданского единения и разного – на фоне гендерных коннотаций – понимания, что есть патриотизм. Интересно, что в русском языке сосуществуют два понятия, схожие по смыслу – Родина и Отечество, – но, тем не менее, различные. Понятие «Родина» связано с: «род», «роды», что явно отражает архетип материнского начала – с волей к любви. Отечество же (Отчизна) – это обобщенный образ изначальной «вотчины» как владений (конкретных территорий) отца, объективирующих волю к власти. Восприятие того, частью чего человек себя считает – Родины и/или Отечества, – отражается в содержании понятия «долг» как форме патриотической любви.

Понятно, что само слово «патриотизм» образовано от латинского слово «pater», что означает «отец» и как будто соответствует любви к Отечеству. Однако сегодня патриотизм есть вид любви к своим корням, а так как эти самые корни могут ассоциироваться у разных людей с различным, то патриотизм приобретает разные формы. Так, Н.А. Бердяев в работах «О любви к России» и «Патриотизм и политика» [Бердяев, 2007] говорит о наличии разных видах патриотизма, называя подлинным тот, который реализует идею служения до самопожертвования (этакий симбиоз мужской и женской любви).

Перефразируя М. Хайдеггера, можно сказать, что язык – дом личностного бытия всякого человека, который, используя те или иные понятия, по сути, кодирует свою активность, «кормит» тот или иной архетип. Тот, кто чувствует долг в отношении Родины, прежде всего, защищает «мать» перед внешней угрозой (не нападает, а защищается на своей территории и создает возможности для мирного существования). Тот же, кто исполняет долг в отношении Отечества, стремится умножить его славу (иногда – любой ценой), ибо «отец» жаждет наследования и самоутверждения.

Думается, что любая власть – сознательно или не очень – использует эти понятия для активизации того или иного архетипа, ибо ожидает от населения определенного поведения. Ведь Отечество, в пределе, требует жертв (жертва – это предельный способ самоутверждения, мужской способ самоотдачи), тогда как Родина печется о сохранении самого ценного и дорогого посредством повседневного труда (забота, как было показано уже, – это самоотдача в любви по-женски), а если даже – и жертвы, то от себя, а не от другого.

В этом плане показательна знаменитая история о том, как рассудил царь Соломон двух женщин, претендующих быть матерью для одного ребенка (Ветхий Завет, Третья книга Царств, гл. 3: 16–28).

При этом Родина и государство в представлении человека могут друг с другом не совпадать, ибо Родина – это нечто, ассоциирующее с природой, с чувством родства – по крови или по переживанию душевной близ(к)ости, – с укорененностью в культуре и причастностью к ее высотам. Отечество же непременно огосударствлено: его границы – внешние, тогда как границы Родины проходят по сердцу человека. Патриотизм к Отечеству чреват военизацией, что вполне можно наблюдать в современной России. Необходимо срочно усилить культурно-духовную составляющую в освоении многообразного опыта, что и будет делом женской жизненной стратегии.

Однако ведь мать и отца, хоть и по-разному, но любят. Ни один из видов патриотизма, коренящихся в переживании родной земли как Отечества или как Родины не является безусловно ценным. Но понимание данных различий позволит увидеть то, чем обосновывают свои позиции в любви россияне. Главное, в любви-служении не терять человеческого достоинства, что, кстати, пестуется именно мужской культурой.

Таким образом, «женский мир» предъявляет важнейшие для гражданского единения установки, что актуализирует значимость усиления женского влияния в культуре и политики, а также в психике современного человека.

Библиографический список

1. Апресян, Р. Г. Идея морали и базовые нормативно-этические программы / Р. Г. Апресян. – М.: ИФ РАН, 1995. – С. 99–150.
2. Бердяев, Н. А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914 – 1922 / Н. А. Бердяев. – М.: Астрель, 2007. – 1179, [5] с.

3. Бранд, Г. Философская антропология феминизма: природа женщины / Г. Бранд. – СПб, Алетейя: Историческая книга, 2006. – 160 с.

4. Куоллз-Корбетт, Н. Святая проститутка. Архетип вечной женственности / Н. Куоллз-Корбетт. – М.: Класс, 2013. – 208 с.

5. Мид, М. Пол и темперамент в трех примитивных обществах [Электронный ресурс] / М. Мид // Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. – Режим доступа: http://lib.uni-dubna.ru/search/files/ps_mid_kult/ps_mid_kult_2.htm#5 (дата обращения: 10.06.2016 г.).

6. Нэджи, М. К.-Г. Юнг и философия / М. Нэджи. – М.: Добросвет, 2015. – 360 с.

7. Соловьев, В. С. София. Начала вселенского учения [Электронный ресурс] / В. С. Соловьев. – Режим доступа: <http://mirosvet.narod.ru/sol/sof2.htm> (дата обращения: 12.06.2016 г.).

8. Хафизова, Н. А. Маскулинность и феминность как стили (на примере исследований Маргарет Мид) / Н. А. Хафизова // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. – 2015 – № 3. – С. 20–30.

9. Фромм, Э. Искусство любить / Э. Фромм. – М.: АСТ, 2016. – 224 с.

10. Юнг, К.-Г. Об архетипе, в особенности о понятии «Анима» / К.-Г. Юнг // Юнг К.-Г. Структура психики и архетипы. – М.: Академический проект, 2007. – С. 24–43.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Арпентьева Мариям Равильевна, доктор психологических наук, старший научный сотрудник кафедры психологии развития и образования Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского.

E-mail: mariam_rav@mail.ru

Афанасенко Яна Александровна, доцент кафедры культурологии и философии Пермского государственного института культуры.

E-mail: blyambimbombam@mail.ru

Байбородов Алексей Юрьевич, доцент кафедры философии Пермской государственной сельскохозяйственной академии, кандидат философских наук.

E-mail: abaiborodov60@gmail.com

Бородина Екатерина Александровна, преподаватель кафедры культурологии и философии Пермского государственного института культуры.

E-mail: kat--1@yandex.ru

Бредихина Нина Васильевна, доцент кафедры политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, кандидат философских наук.

E-mail: nvbredihina73@gmail.com

Булатова Анастасия Анатольевна, аспирант кафедры безопасности жизнедеятельности Пермского национального исследовательского политехнического университета.

E-mail: anastasia.bulatova@yandex.ru

Гаврилова Валерия Васильевна, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Пермского института железнодорожного транспорта, филиала Уральского государственного университета путей сообщения, кандидат философских наук.

E-mail: valeri108@yandex.ru

Гашева Наталия Николаевна, профессор кафедры культурологии и философии Пермского государственного института культуры, доктор культурологии.

E-mail: gascheva2010@yandex.ru

Глаголев Владимир Сергеевич, профессор кафедры философии Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел, доктор философских наук.

E-mail: silvari@mail.ru

Горюнов Дмитрий Валерьевич, доцент кафедры культурологии и философии Пермского государственного института культуры, кандидат философских наук.

E-mail: mitra17@yandex.ru

Дементьев Борис Петрович, профессор историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, доктор исторических наук, академик Военно-исторической Академии РФ.

E-mail: b-demen@yandex.ru

Долинина Ирина Геннадьевна, профессор кафедры безопасности жизнедеятельности Пермского национального исследовательского политехнического университета, доктор педагогических наук.

E-mail: irina_edu@mail.ru

Дробышева-Разумовская Людмила Ивановна, ректор Пермского государственного института культуры, профессор, заслуженный работник культуры РФ.

E-mail: rectorat@psiac.ru

Дюкин Сергей Габдульсаматович, к. филос. н., доцент кафедры культурологии и философии ПГИК.

E-mail: dudas75@mail.ru

Жданова Светлана Юрьевна, заведующая кафедрой психологии развития Пермского государственного национального исследовательского университета, доктор психологических наук, доцент.

E-mail: svetlanaur@gmail.com

Здоровцева Ольга Валерьевна, экстерн кафедры философии религии и религиоведения Института философии и социально-политических наук Южного Федерального университета.

E-mail: olgazdorovceva@yandex.ru

Коваль Екатерина Александровна, доцент кафедры правоохранительной деятельности и исполнительного производства Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции в г. Саранске, кандидат философских наук.

E-mail: nwifesc@yandex.ru

Кожевникова Оксана Вячеславовна, доцент кафедры общей психологии Удмуртского государственного университета, кандидат психологических наук.

E-mail: oxana.kozhevnikova@gmail.com

Копылов Олег Владимирович, старший преподаватель кафедры социальных и гуманитарных дисциплин Пермского института (филиала) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова.

E-mail: Uho08@mail.ru

Красноярова Анна Александровна, инженер кафедры русской литературы Пермского государственного национального исследовательского университета.

E-mail: annapopkova1909@gmail.com

Куличкина Галина Васильевна, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций Пермского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук, Заслуженный работник культуры РФ.

E-mail: kulgv@list.ru

Кульбачевская Ольга Вячеславовна, научный сотрудник Центра этнополитических исследований Института этнологии и антропологии РАН, эксперт Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов.

E-mail: ola_kul@mail.ru

Лобанов Сергей Дмитриевич, профессор кафедры культурологии и философии, доктор философских наук.

E-mail: sdl-grey54@yandex.ru

Ломова Анастасия Сергеевна, заведующая Музеем истории народного образования г. Березники.

E-mail: gasserhan@yandex.ru

Любимова Татьяна Борисовна, ведущий научный сотрудник сектора философских исследований идеологических процессов Институт философии РАН, доктор философских наук.

E-mail: tat-lub@yandex.ru

Макарова Елена Николаевна, аспирант Северо-Осетинского государственного педагогического института.

E-mail: vladmarlen@mail.ru

Молодов Олег Борисович, Институт социально-экономического развития территорий РАН (ИСЭРТ РАН), старший научный сотрудник лаборатории исследования социальных процессов и эффективности государственного управления, кандидат исторических наук.

E-mail: o_young8172@mail.ru

Носов Андрей Валерьевич, старший преподаватель кафедры иностранных языков Пермского национального исследовательского политехнического университета.

E-mail: andrey.nosoff@gmail.com

Пацак Игорь Владимирович, доцент кафедры культурологии и философии Пермского государственного института культуры, кандидат философских наук.

E-mail: nightknight2011@yandex.ru

Печеркина Анна Викторовна, магистр, ассистент кафедры психологии развития Пермского государственного национального исследовательского университета.

E-mail: pecherkina.a@gmail.com

Писманик Матвей Григорьевич, профессор кафедры культурологии и философии Пермского государственного института культуры, доктор философских наук.

E-mail: mg-pismanik@yandex.ru

Пронькина Виктория Александровна, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, магистрант кафедры социологии Историко-социологического института.

E-mail: viktoryakeny@gmail.com

Родионова Елизавета Валерьевна, доцент кафедры социологии культуры и коммуникации Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат социологических наук.

E-mail: rodel@yandex.ru

Сердюк Алевтина Леонидовна, доцент кафедры юридических дисциплин Санкт-Петербургский институт повышения квалификации Федеральной службы исполнения наказаний, кандидат юридических наук.

E-mail: alevtinaserdyuk@yandex.ru

Силантьева Маргарита Вениаминовна, профессор кафедры философии МГИМО (университет) МИД России, доктор философских наук, иностранный член Сербской академии образования.

E-mail: silvari@mail.ru

Степанова Инга Николаевна, профессор кафедры философии Курганского государственного университета, доктор философских наук.

E-mail: inga-stepanova@list.ru

Стерледева Тамара Дмитриевна, доцент кафедры философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета, кандидат философских наук.

E-mail: cenzia@rambler.ru

Стерледев Роман Константинович, заведующий кафедрой философии и биоэтики Пермского государственного медицинского университета, доктор философских наук.

E-mail: 4438767@rambler.ru

Суслов Михаил Григорьевич, профессор кафедры теории и практики управления Пермского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор исторических наук.

E-mail: suslovmi@yandex.ru

Димитрий Таранченко, священник, руководитель Отдела по церковной благотворительности и социальному служению Пермской епархии Русской Православной церкви.

E-mail: blago@pravperm.ru

Хафизова Наталия Алексеевна, доцент кафедры философии и права Пермского научно-исследовательского политехнического университета, кандидат философских наук.

E-mail: khafizova1970@mail.ru

Ширинкин Павел Сергеевич, заведующий кафедрой социально-культурных технологий и туризма Пермского государственного института культуры, доцент, кандидат географических наук.

E-mail: Kafedra304@yandex.ru, ethnic1@yandex.ru

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЕДИНСТВА РОССИЙСКОЙ НАЦИИ

Материалы к Межрегиональной научно-практической конференции-диалогу
«Актуальные проблемы укрепления единства российской нации
(философско-культурологические, этно-конфессиональные
и психолого-педагогические аспекты)»

Пермь. 10–11 ноября 2016 г.

Технический редактор: Н. В. Злобина

Подписано в печать 22.09.2016. Формат 90х60/8. Бумага ВХИ.
Гарнитура Arial. Усл. печ. л. 31,5. Тираж 100 экз. Заказ № 26/2016.

Редакционно-издательский отдел УНИД
Пермского государственного института культуры
614000, г. Пермь, ул. Советская, 102, оф. 101

Отпечатано в типографии "Новопринт",
614025, г. Пермь, ул. Пихтовая, 37.